

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (72) 2025

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2025

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Волгоград : ВА МВД России, 2025. — № 1 (72). — 176 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России #**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
250 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей,
их аннотации
и пристатейные
библиографические
списки размещаются
на сайтах научных
электронных библиотек
eLIBRARY.RU
(www.elibrary.ru),
«КиберЛенинка»
(www.cyberleninka.ru),
в системе «Гарант»
(www.garant.ru),
электронно-библиотечной
системе Znanium
(www.znaniium.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
*Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак*

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
25.03.2025.

Дата выхода в свет:
31.03.2025.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,0.
Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 250 экз.
Заказ 10.

Цена по подписке
на 2025 г.
по каталогу
«Пресса России»
1674 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2025

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2025. —
No 1 (72). — 176 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia #**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles,
abstracts and bibliographic
lists are placed on the sites
of scientific
electronic libraries
"eLIBRARY.RU"
(www.elibrary.ru),
"Cyberleninka"
(www.cyberleninka.ru),
in the system "Garant"
(www.garant.ru),
electronic library system
"Znanium"
(www.znaniy.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**No 1 (72)
2025**

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, associate professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, head of the department of professional and psychological training and management of internal affairs bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, senior researcher of the department of criminal procedure, criminalistics and forensic examination of the South Ural State University, doctor of juridical sciences, full professor.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
25.03.2025.

Date of publication:
31.03.2025.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 22,0.
Conventional print sheets 20,5.
250 copies.
Order 10.

Subscription price
for the 2025
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1674 rub. 00 kop.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2025

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, vice-rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), doctor of juridical sciences, full professor.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, senior researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Зайцева Е. А.
Стандартизация доказывания —
путь к оптимизации
уголовного судопроизводства

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Егорова Н. А.
Изменения в уголовно-правовых институтах
в контексте достижения
национальных приоритетов

Ефарова М. Н.
Вопросы толкования признаков
состава преступления,
предусмотренного статьей 258¹
Уголовного кодекса Российской Федерации

Лихолетов А. А.
Освобождение от уголовной ответственности
с назначением судебного штрафа:
теоретические и прикладные проблемы
(на примере преступлений
в сфере осуществления специальных видов
предпринимательской деятельности)

Пивнева Л. В.
Профессиональное компьютерное
мошенничество как разновидность
профессиональной преступной деятельности
в современных условиях развития
информационного пространства

Спиваков П. А.
Криминологическая природа диффамации

Сысолина Н. С.
Уголовно-правовая характеристика
объекта преступления,
предусмотренного статьей 210¹
Уголовного кодекса Российской Федерации:
постановка проблемы

*Ханов Т. А., Нурғалиев Б. М.,
Анисимов В. Ф.*
Радикализация общества:
население об эффективности
мер противодействия

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

9 *Zaitseva Ye. A.*
Standardization of proving is the way
to enhance efficiency
of criminal proceedings

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

16 *Yegorova N. A.*
Amendments of criminal law institutions
in the context of national priorities achievement

24 *Efarova M. N.*
Issues to interpret corpus delicti signs
provided for by article 258¹
of the Criminal Code
of the Russian Federation

34 *Likholetov A. A.*
Release from criminal responsibility
with imposing a judicial fine:
theoretical and applied problems
(on the example
of the crimes related to implementing
special types of entrepreneurial activity)

41 *Pivneva L. V.*
Professional computer fraud
as a type of professional criminal activity
in the current conditions
of information space developing

48 *Spivakov P. A.*
Criminological nature of defamation

57 *Sysolina N. S.*
Criminal law characteristics of the crime object
provided for by article 210¹
of the Criminal Code of the Russian Federation:
setting up a problem

64 *Khanov T. A., Nurgaliev B. M.,
Anisimov V. Ph.*
Radicalization of society:
the public opinion
on effectiveness of countermeasures

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.
Генезис отечественного законодательства,
регулирующего прокурорский надзор
в уголовном процессе

Дикарев И. С.
Вопросы теории
уголовно-процессуальных договоров:
процедура прекращения действия

Каретников А. С., Коретников С. А.
Практика принятия судами
Российской Федерации и других стран
решений о мере пресечения
в виде заключения под стражу
и производстве следственных действий

Латыпов В. С., Терехов А. Ю.
Национальный интерес в современной
уголовно-процессуальной политике России

Нагаев-Кочкин Ю. В.
Возмещение ущерба по уголовным делам
об уклонении от уплаты налогов

КРИМИНАЛИСТИКА

Белецкая Ю. В.
Личность преступника
как системообразующий элемент
криминалистической характеристики
мошенничества, сопряженного
с получением социальных выплат

Замылин Е. И.
О тактически грамотном использовании
возможностей психологии и криминалистики
в их взаимосвязи
в расследовании преступлений
(криминогенная склонность
личности преступника)

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Буряков Е. В., Дорош Е. Ю.
Оцепление (блокирование)
участков местности, помещений,
строений и других объектов при проведении
оперативно-разыскных мероприятий

CRIMINAL PROCEDURE

73 *Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V.*
Genesis of domestic legislation
to regulate the prosecutor's supervision
in the criminal procedure

82 *Dikarev I. S.*
Theory issues of criminal procedural contracts:
termination procedure

89 *Karetnikov A. S., Koretnikov S. A.*
The practice of decision-making
on preventive measures in the form
of incarceration and investigative actions
by the courts of the Russian Federation
and other countries

99 *Latypov V. S., Terekhov A. Yu.*
National interest in modern Russian
criminal procedure policy

107 *Nagayev-Kochkin Yu. V.*
Compensation for damage in criminal cases
related to tax evasion

CRIMINALISTICS

114 *Beletskaya Yu. V.*
Identity of the criminal
as a system-forming element
of the criminalistic characteristics of fraud
associated with social benefits obtaining

122 *Zamylin Ye. I.*
On the tactically competent usage
of the possibilities
of psychology and criminalistics
in their interrelation in crime investigation
(criminogenic tendency
of the criminal's personality)

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

129 *Buryakov Ye. V., Dorosh Ye. Yu.*
Locking down (blocking) areas,
premises, buildings and other objects
while conducting detective activity

Тамбовцев А. И.
Проблемы определения и толкования
понятия «тайна»
в оперативно-разыскной деятельности

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Лапатников М. В.
Является ли обвинение движущей силой
отечественного уголовного процесса?

Трибуна молодого ученого

Глухова К. С.
Оптимизация мер обеспечения безопасности
должностных лиц
в связи с выполнением ими
служебных обязанностей
при расследовании преступлений

Нанаев С. Н.
Проблемы реализации хулиганских побуждений
как мотива преступления
в нормах Общей части
Уголовного кодекса Российской Федерации

Халин В. Д.
Особенности взаимодействия
следственных подразделений МВД России
с провайдерами услуг
в сфере виртуальных активов
при расследовании легализации
преступных доходов посредством
информационно-телекоммуникационных
технологий

137 *Tambovtsev A. I.*
Issues to determine and interpret
the concept of "secret"
in detective activities

SCIENTIFIC DISCUSSION

147 *Lapatnikov M. V.*
Is the accusation a motive force
of the domestic criminal process?

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

155 *Glukhova K. S.*
Optimization of security measures
for officials performing official duties,
while investigating crimes

162 *Nanayev S. N.*
Problems to realize hooligan inducement
as a motive for crime in the context of norms
of the Common part of the Criminal Code
of the Russian Federation

168 *Khalin V. D.*
Specifics of interaction between investigative units
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
and virtual assets service providers
while investigating legalization
of money laundering
by means of information technologies

УДК 343.14

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ — ПУТЬ К ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. По следам своего выступления на всероссийской конференции 15 ноября 2024 г. автор настоящей статьи обращается к перспективному направлению оптимизации доказывания в уголовном судопроизводстве — стандартизации доказывания в условиях цифровой трансформации уголовного процесса. Стандартизация в таком понимании должна рассматриваться как одно из условий межотраслевой конвергенции процессуальных отраслей права, о которой пишет в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук А. Р. Шарипова, чью позицию во многом разделяет автор данной статьи. Для обеспечения единого подхода к стандартизации доказывания в русле реализации идеи межотраслевой конвергенции необходим координационный орган, способный решать такие масштабные задачи вне отраслевой зависимости. В статье обосновывается возможность возложения подобных задач на Конституционный Суд Российской Федерации. Именно сквозь призму указанной новой миссии высшего органа конституционного нормоконтроля оцениваются его решения на предмет способности реализовать идею межотраслевой конвергенции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стандартизация доказывания, цифровизация судопроизводства, межотраслевая конвергенция, Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции

Для цитирования: Зайцева Е. А. Стандартизация доказывания — путь к оптимизации уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 9—15.

STANDARDIZATION OF PROVING IS THE WAY TO ENHANCE EFFICIENCY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Yelena Aleksandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. Based on the speech at the All-Russian Conference on November 15, 2024 the author of the given article deals with an upcoming trend to enhance efficiency of criminal proceedings that is standardization of proving in the context of digital transformation of criminal procedure. Standardization in such regard should be considered as one of the conditions for inter-branch convergence of procedural branches of law written by A. R. Sharipova in her dissertation for the degree of doctor of juridical sciences. The author of the given article agreed her position. To ensure a unified approach to the standardization of proving in context of implementing the idea of cross-sector convergence one need a coordinating body capable to solve such large-scale problems out of sectorial dependence. The author of the article substantiates the possibility of assigning such tasks to the Constitutional Court of the Russian Federation. It is through the prism of the specified new mission of the supreme body of the constitutional normative control that its decisions are assessed for the ability to implement the idea of cross-sector convergence.

Keywords: criminal proceedings, standardization of proving, digitalization of legal proceedings, cross-sector convergence, the Constitutional Court of the Russian Federation, ratio decidendi

For citation: Zaitseva Ye. A. Standardization of proving is the way to enhance efficiency of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2025. (In Russ.).

15 ноября 2024 г. в Волгоградской академии МВД России состоялась Всероссийская конференция «Уголовный процесс XXI века: стратегии развития», на которой были представлены доклады с анализом путей совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в условиях непростых вызовов современности. Цель данного научного форума — это дискурс о способах оптимизации закона и обусловленной им правоприменительной практики.

С учетом того что уголовный процесс, будучи разновидностью юрисдикционного процесса, просто немыслим без доказывания, которое по праву именуется его «сердцевиной», одним из направлений повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях считаем совершенствование доказывания. На нем «зациклены» и аспекты правоприменения (обоснованности установления обстоятельств дела, адекватности определения квалификации и др.), и правообеспечительные аспекты, выступающие компонентом соблюдения процессуальной формы собирания доказательств, и, само собой, именно доказывание в первую очередь испытывает на себе воздействие современных трендов информационного общества.

Естественно, выработка стратегических планов совершенствования масштабных по объему пластов государственной деятельности, каковой является уголовный процесс, требует от научного сообщества формулирования новых концепций и уголовно-процессуальных учений, отвечающих потребностям современности и направленных на оптимизацию непрерывающегося реформирования уголовного судопроизводства. Эти теоретические разработки служат основой для создания проектов федеральных законов, приспособляющих действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) к вызовам современности.

Необходимо учитывать при этом, что любой процессуальный закон, принимаемый в любом государстве, не может быть а priori совершенным. Тому причиной несколько обстоятельств как объективного (законодатель не успевает за стремительным развитием общественных отношений, нуждающихся в нормативном регулировании), так и субъективного характера (низкое качество законодательной техники при разработке проектных новелл, чрезмерная поспешность в попытке урегулировать тот или иной сектор общественных от-

ношений, отражение в тексте закона «лоббистских чаяний» определенных ведомств или интересов и т. д.).

Как правило, новые нормы, регламентирующие различные аспекты доказывания, презентуются правоприменителям и научному сообществу либо в контексте совершенствования технологии доказывания, либо в контексте создания дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в данную деятельность¹. И это логично: *технологический* аспект «подхлестывает» законодателя в направлении обеспечения актуализации нормативных предписаний в соответствии с запросом практики, живо реагирующей на достижения научно-технического прогресса. А *правообеспечительный* аспект, как правило, иницируется благодаря активной деятельности высшего органа конституционного нормоконтроля, который по обращениям граждан, юридических лиц и судов выявляет уголовно-процессуальные институты и нормы, не в достаточной степени обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Попытаемся сквозь призму этих двух трендов (технологического и правообеспечительного) определить значимость явления *стандартизации доказывания* для повышения эффективности уголовного судопроизводства.

В толковых словарях русского языка стандартизация в основном толкуется в технологическом аспекте и определяется как «рационализация производства изделий путем сведения многочисленных видов к определенному количеству типовых образцов, стандартов. <...> 2. *Приведение приемов работы к однообразным нормам* (курсив наш. — Е. З.)»², «установление стандарта», «установление в государственном масштабе единых норм и требований, предъявляемых к сырью, полуфабрикатам, материалам, производственным процессам, готовым изделиям, приборам и т. д.»³, а в отрицательной коннотации понимается как

¹ На это справедливо указывает А. А. Афанасьева [1, с. 14].

² Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=73929 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL: <https://foreign.slovaronline.com/12526-STANDARTIZATSIYA> (дата обращения: 01.11.2024).

«отсутствие оригинальности, своеобразия; подведение под общий шаблон, трафарет»¹.

Поскольку речь идет об уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию, понимание стандартизации в контексте «*приведения приемов работы к однообразным нормам*» в наибольшей степени соответствует задачам нашего исследования.

Возникает вопрос: насколько далеко и глубоко целесообразно *масштабировать* это «приведение приемов работы к однообразным нормам» для нужд доказывания, чтобы повысить его эффективность? Необходимо ли ограничиваться рамками *одного отраслевого регулирования* (например, путем ликвидации чрезмерной дифференциации производства, не обусловленной объективными чаяниями правоприменения), либо в современных условиях возникает потребность в *межотраслевой стандартизации доказывания*?

При ответе на этот вопрос мы склонны придерживаться позиции, обоснованной в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук А. Р. Шариповой [2], которая убедительно доказала объективную потребность в условиях современных вызовов осуществлять последовательно *межотраслевую конвергенцию*.

Данный автор четко аргументирует потребность сближения процессуальных отраслей в условиях цифровизации: «Цифровые технологии в юриспруденции формируются и развиваются *вне отраслевых различий в самом праве* (курсив наш. — Е. З.); а «*между отраслями правосудия сегодня существуют довольно искусственные различия*» [2, с. 14]. Действительно, она права: закономерности формирования, сохранения, передачи и использования информации в юрисдикционных процессах едины. Не может отличаться технология применения достижений цифровой действительности в уголовном судопроизводстве и арбитраже. И логично одни и те же технологии вводить «в процессуальный оборот» в едином формате без дифференциации для отдельных отраслей.

Эта, казалось бы, очевидная для понимания вещь сталкивается на практике с объективно накопившимся отставанием уголовного судопроизводства в техническом оснащении и цифровизации. На это обоснованно указывает А. Р. Шарипова, подчеркивая, что «хроническая несовременность

уголовного процесса является препятствием развития, а отношение к цифровизации — только показатель адаптивности, реакции на изменения действительности» [2, с. 41]. В подтверждение этого тезиса она приводит сравнение использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве и арбитражном процессе, что ярко демонстрирует то самое «отставание» уголовного процесса.

Если отечественные процессуалисты рассуждают о возможности и желательности оцифровки материалов уголовных дел, как это сделано в Республике Казахстан, то в арбитражном процессе России уже давно стали реальностью такие явления, которые А. Р. Шарипова называет элементами «электронного арбитражного процесса» и относит к ним:

«— систему подачи исков, жалоб и материалов дела сторонами электронно (система «Мой арбитраж»);

— электронную картотеку всех арбитражных дел с полными текстами всех судебных актов, выкладываемых в общий доступ немедленно после подписания, с возможностью поиска по номеру дела, наименованию сторон, суда, имени судьи;

— банк решений арбитражных судов с возможностью контекстного поиска по документам;

— широкое использование видео-конференц-связи, для которой нужно только наличие технической возможности (совпадение рабочего времени в разных часовых поясах, достаточное число помещений с установленными камерами), без необходимости мотивировки желания участников воспользоваться связью;

— аудиопотоколирование судебных заседаний как устоявшийся основной способ фиксации происходящего в них (и возможность удаленного доступа участников к аудиопотоколам);

— внедрение и стремительное распространение удаленного участия в судебных заседаниях через веб-конференции;

— удаленное ознакомление с материалами дела» [2, с. 43—44].

Многие из описанных технических решений вполне могли бы найти применение в уголовном судопроизводстве, однако консерватизм судейского сообщества, закрытость уголовно-процессуальной системы (в контексте защиты не только персональных данных, но и других охраняемых законом тайн), хроническая недофинансированность уголовного судопроизводства — вся эта «правда жизни» сводит на нет устремления прогрессивных акторов по сближению различных видов судопроизводства.

¹ Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой онлайн. URL: efremova.info/letter/+st.html?page=5 (дата обращения: 01.11.2024).

А. Р. Шарипова полагает, что «конвергенция процессуальных отраслей должна идти *институциональным*, а не концептуальным (включая концепцию судебного права) путем» [2, с. 23]. В этом вопросе хотелось бы с ней частично подискутировать.

Казалось бы, использование для целей уголовного правосудия процедур и институтов, доказавших свою технологичность в других видах судопроизводства, — один из путей оптимизации российского уголовного процесса в новой правовой и «цифровой» действительности. Безусловно, в доказательственном праве любой отраслевой принадлежности есть ядро, образуемое «универсальными институтами», которые не должны иметь необоснованных межотраслевых различий сущностного характера, о чем справедливо пишет А. Р. Шарипова [2, с. 23]. Однако институциональный путь в таком прочтении — это поэтапное сближение отраслей в регулировании отдельных сходных институтов, что чревато стихийностью подобного процесса, учитывая все сложности законотворческой деятельности в различных отраслях права.

Полагаем, отдавать «на откуп стихии» такой важный тренд, как цифровизация процессуальной деятельности, в современных условиях чревато перекосами и дисбалансом в развитии технологий, учитывая *разные стартовые возможности существующих судопроизводств*. Нужна единая стратегия, общая идейная основа для таких масштабных преобразований. Нужен единый центр, который бы задавал тон цифровой реформе в юриспруденции и определял бы вектор ее развития. Какой орган может выполнить эту функцию? Полагаем, только Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ), который своими решениями может выстраивать сходную правоприменительную практику различной отраслевой принадлежности, основанную на адекватном толковании закона в гармонии с конституционно-правовыми смыслами. Такие попытки в практике высшего органа конституционного нормоконтроля уже предпринимались, когда КС РФ формулировал правовые позиции, устанавливая *межотраслевую жесткую преюдицию* серией своих решений по жалобам Суринова Татевоса Романовича 2008—2009 гг.¹, граждан Власенко 2011 г.²

¹ См.: По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда

Но относительно роли КС РФ в современных условиях хотелось бы высказать некоторые свои критические соображения. С момента «тихой революции»³, обозначившей тренд на создание нормативных основ состязательного уголовного судопроизводства, КС РФ развивал свою функцию конституционного нормоконтроля нередко в условиях правового вакуума, что вынуждало его становиться в «позу активного законодателя» путем формулирования не просто правовых позиций, но и новых отраслевых норм, которые можно было легко выявить в текстах его решений по «сигнальной фразе» — «впредь до внесения изменений в законодательство...»⁴.

Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4; Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Суринова Татевоса Романовича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2009 г. № 366-О-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.11.2024). Документ опубликован не был.

² См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

³ Так назвал В. П. Божьев серию постановлений КС РФ накануне принятия нового УПК РФ, предопределивших его состязательный облик [3, с. 9—11].

⁴ См., например: По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7299; По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П // Там же. 2021. № 17. Ст. 3044.

Следует при этом подчеркнуть, что КС РФ в подобном формате излагал свои правовые позиции не только по уголовно-процессуальной проблематике, фактически создавая новые нормы другой отраслевой принадлежно-

Выполнение указанной функции КС РФ было вынужденным: законодатель не спешил воплощать в жизнь правовые позиции КС РФ (например, только спустя четыре года после вынесения знакового постановления № 5-П 2005 г.¹, определившего основания поворота к худшему в надзорном производстве, отечественный законодатель среагировал федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ², закрепив в тексте УПК РФ условия и порядок отмены вступивших в силу оправдательных приговоров, решений о прекращении уголовного дела и обвинительных приговоров в целях ухудшения положения привлеченного к уголовной ответственности лица).

Безусловно, в условиях подобной «оперативности» законотворцев КС РФ искал приемлемые формы гармонизации нормативных предписаний с конституционно-правовыми смыслами, о чем справедливо писал А. В. Смирнов [4]. Логичным итогом подобных поисков стало принятие федерального конституционного закона от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ³, установившего дополнительные гарантии надлежащего исполнения решений КС РФ, ликвидировавшего существовавшую правовую неопределенность в вопросе о статусе толкований КС РФ, которые должны корректировать и направлять правоприменительную практику в случаях, когда нет объективной необходимости в экстренной отмене норм самого толкуемого акта, не противоречащего положениям Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [5, с. 67—70].

сти, выступая в роли позитивного законодателя и для административного, и для гражданского процессуального права и др.

¹ См.: По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

² См.: О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1268.

³ См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2017. № 1, ч. I. Ст. 2.

Значимым с точки зрения роли КС РФ в выстраивании справедливой системы уголовного судопроизводства можно признать постановление № 16-П от 2 июля 2013 г. по жалобе Б. Т. Гадаева⁴, которое вызвало неоднозначную оценку в научной среде: от всемерной поддержки до полного обвинения КС РФ в «словесной эквилибристике, беспринципной, лукавой и однозначно антидемократической» [6]. Так, А. С. Александров и М. В. Лапатиных усмотрели в этом решении отказ КС РФ от своих прежних позиций, утверждая, что «состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал», а «понятия свободы, демократии стали несовместимы с понятиями КС РФ, который помогает выстраивать автократию. Слово КС РФ больше не золотое слово. И вряд ли теперь стоит всерьез прислушиваться к нему в поисках права» [6]. Полагаем, что данные авторы не смогли увидеть в этом историческом решении *проявление гибкости позиций КС РФ*, который отошел от категоричного восприятия суда в качестве индифферентной фигуры на шахматном поле состязательности, а подчеркнул его роль активного органа правосудия, способного исправлять правовые ошибки и обеспечивать справедливое разрешение уголовного дела.

Таким образом, мы видим стремление КС РФ соответствовать тому высокому предназначению в системе правового государства, которое в условиях современных вызовов вполне может быть ассоциировано с ролью координатора той самой конвергенции отраслей права по вопросам стандартизации доказывания и процессуальной цифровизации.

Полагаем, совершенно выбивается из этого ряда решений, подтверждающих особую миссию КС РФ, летнее постановление КС РФ «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» (далее — Постановление № 37-П)⁵.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

⁵ См.: По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37-П // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

Почему мы так заявляем? Основанием к такому заключению выступает подчеркнутое в вышеизложенных суждениях предназначение правовых позиций КС РФ в современных условиях вызовов XXI в.: 1) как источников уголовно-процессуального права, 2) как ориентиров для выстраивания адекватной правоприменительной практики на основе истолкований КС РФ, 3) как корректирующих ранее сформулированные позиции решений. Ни одной из упомянутых ключевых ролей Постановление № 37-П не соответствует. Более того, оно содержит в себе разъяснение *очевидных истин*, вытекающих из системного толкования законодательства, осуществить которое может любой студент, обучающийся по правовому профилю.

Какую ценность несет в себе текст из 13 страниц, констатирующий «банальность», которую законодатель уже давно выразил в общей норме ст. 61 УПК РФ, подчеркнув недопустимость совмещения функции свидетеля с рядом процессуальных функций некоторых участников? Рассмотрение оснований для отвода специалиста, закрепленных в ст. 71 УПК РФ, в системном единстве с положениями ст. 61, 70 УПК РФ прямо дает ответ на вопрос о том, что свидетель не может быть приглашен в качестве специалиста по этому делу. Причем, как это было в комментируемом случае, свидетель, заинтересованный в исходе дела, на объективность показаний которого рассчитывать не приходится. Тут срабатывает дополнительное правило отвода («имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» — ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Для констатации этого КС РФ вынес отдельное

постановление (даже не определение!), хотя речь в рассматриваемой ситуации идет о нарушении уголовно-процессуального закона, которое должно повлечь признание недопустимыми доказательствами показаний этих «специалистов» (в прошлом — свидетелей), что в свою очередь нашло бы отражение в решениях вышестоящих судебных инстанций в рамках судебно-проверочных производств.

Попытку оценить значимость анализируемого Постановления № 37-П предприняли специалисты АО «КонсультантПлюс», отметив в обзоре: «Привлечение допрошенного свидетеля к последующему участию в уголовном деле в качестве специалиста ведет к недопустимому совмещению в одном уголовном деле, пусть и на разных стадиях уголовного процесса, одним и тем же лицом разных процессуальных статусов». Но это и так очевидно!

Что касается самого КС РФ, то он в своем Постановлении № 37-П указал на особое «понимание части второй статьи 71 УПК РФ в этом деле в системной связи с иными положениями уголовно-процессуального закона с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении».

Прочтение этих комментариев в совокупности с самим текстом Постановления № 37-П невольно наталкивает автора этих строк на грустные мысли о том, что, возможно, и Конституционному Суду Российской Федерации будет не под силу справиться с масштабной задачей **сближения процессуальных отраслей в целях стандартизации доказывания в условиях цифровой реформы.**

1. Афанасьева А. А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 294 с.

2. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. 503 с.

3. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9—11.

4. Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 13—20.

1. Afanasyeva A. A. Optimization of the process of collecting evidence on criminal cases in pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ufa; 2024: 294. (In Russ.).

2. Sharipova A. R. Conceptual foundations of cross-sector convergence in judicial proceedings on criminal cases. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa; 2022: 503. (In Russ.).

3. Bozhyev V. P. "Quiet revolution" of the Constitutional Court in the criminal proceedings of the Russian Federation. Russian justice, 9—11, 2000. (In Russ.).

4. Smirnov A. V. Interrelation of types of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, their basis, goals and methods of legal interpretation. Journal of constitutional justice, 13—20, 2012. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. Interpretations of the Constitutional Court of the Russian Federation and law

5. Зайцева Е. А. Истолкования Конституционного Суда РФ и правоприменительная практика // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВИУ РАНХиГС, 2017. С. 67—70.

6. Александров А. А., Лапатников М. В. Вперед в прошлое (состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // ЭЖ-Юрист. 2013. № 30. С. 1—5.

enforcement practice. In: Conceptual approaches to improve the Russian legal system: materials of the international scientific and practical conference. Volgograd: Volgograd Institute of Management — a branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2017: 67—70. (In Russ.).

6. Aleksandrov A. A., Lapatnikov M. V. Forward to the past (the Constitutional Court of the Russian Federation eliminated adversarial proceedings). EZh-Yurist, 1—5, 2013. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Yelena Aleksandrovna,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Interior bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
honored worker of the higher school
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 04.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.2

**ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТАХ
В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ¹**

Наталья Александровна Егорова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены возможные изменения в основополагающих институтах российского уголовного права (уголовный закон и преступление), обусловленные необходимостью усиления защиты стратегических национальных приоритетов России в связи с особенностями текущей ситуации в стране и в мире.

Отмечено, что в период действия Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ российское уголовное законодательство не было полностью кодифицированным. Однако, признав данный закон утратившим силу с одновременным введением аналогичных норм в Уголовный кодекс Российской Федерации, законодатель продемонстрировал свою приверженность принципу полной кодификации уголовного законодательства. Такой подход заслуживает поддержки, при этом логичным было бы создание в Общей части уголовного закона самостоятельной главы об особенностях уголовной ответственности и наказания упомянутых в данном законе категорий лиц.

Все большее распространение в уголовном законодательстве административной преюдиции, по мысли автора, можно «примирить» с идеей уголовного проступка: для этого необходимо признать уголовным проступком только деяния с административной преюдицией, закрепив соответствующую норму в уголовном законе.

Ключевые слова: национальные приоритеты, институт уголовного права, уголовный закон, преступление, уголовный проступок, административная преюдиция

Для цитирования: Егорова Н. А. Изменения в уголовно-правовых институтах в контексте достижения национальных приоритетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 16—23.

**AMENDMENTS OF CRIMINAL LAW INSTITUTIONS
IN THE CONTEXT OF NATIONAL PRIORITIES ACHIEVEMENT**

Natalia Alexandrovna Yegorova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. The article analyzes possible amendments of the fundamental institutions of the Russian criminal law (criminal law and crime) caused to the need to strengthen the protection of the strategic national priorities of Russia in the context of the specifics of the current situation in the country and in the world.

It is marked that criminal legislation of the Russian Federation has not been fully codified, while the Federal Law "On the specifics of criminal responsibility of persons involved to participate in a special military operation" dated 24 June, 2023 No. 270-FZ is valid. However, having recognized this law to lose force with the simultaneous introduction of similar norms into the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator demonstrated commitment to the principle of complete codification of criminal legislation. This approach deserves to be supported, while it would be logical to develop an independent chapter on the specifics of criminal liability and punishment for mentioned in this law categories of persons in the General part of the criminal law.

¹ Основные положения данной статьи были освещены автором в докладе на международной научно-практической конференции — II Научных чтениях, посвященных памяти профессора М. Н. Гернета «Уголовная политика и национальные приоритеты» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 23 октября 2024 г.).

© Егорова Н. А., 2025

According to the author's opinion, increasing application of administrative prejudice in the criminal legislation can "reconcile" it with the idea of a criminal offense: for this purpose it is necessary to recognize the acts with administrative prejudice to be criminal offenses by fixing this norm in the criminal law.

Key words: national priorities, criminal law institute, criminal law, crime, criminal offense, administrative prejudice

For citation: Yegorova N. A. Amendments of criminal law institutions in the context of national priorities achievement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 16—23, 2025. (In Russ.).

В пункте 26 Стратегии национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)¹ закреплены следующие стратегические национальные приоритеты России: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество. Первые три пункта в данном списке занимают ключевые приоритеты (народосбережение, оборона, безопасность общества и государства в целом), от которых остальные, как представляется, производны.

Необходимостью усиления защиты приоритетов современной России, закрепленных в указанном программном документе, обусловлены некоторые изменения в таких фундаментальных институтах уголовного права, как уголовный закон и преступление.

Настоятельной потребностью в укреплении обороны страны, государственной и общественной безопасности было вызвано принятие Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ (далее — ФЗ № 270). В статьях 1—6 ФЗ № 270 содержались уголовно-правовые нормы, отсутствовавшие в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), которые применялись наряду с УК РФ до признания ФЗ № 270 утратившим силу и введения в действие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Феде-

рации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ (далее — ФЗ № 64), которым в УК РФ были внесены дополнения (введены ст. 78.1, ныне действующая в редакции Федерального закона «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ, ст. 80.2, ст. 86 дополнена частью 3.1).

Положение о полной кодификации (ч. 1 ст. 1 УК РФ) — один из постулатов такого уголовно-правового института, как уголовный закон [1, с. 33] (закрепленного в главах 1 и 2 УК РФ). По этой причине представители научной общности подвергли критике ФЗ № 270, рассчитывая на скорейшее включение его положений в УК РФ [2]. Но это произошло только весной 2024 г. — предположительно, потому, что уголовно-правовые нормы, содержащиеся в ФЗ № 270, воспринимались как временные в связи с проведением специальной военной операции (далее — СВО).

Поскольку в период действия ФЗ № 270 к уголовному законодательству РФ относился не только УК РФ, но и упомянутый федеральный закон, институт уголовного закона обрел иные очертания, ведь российское уголовное законодательство в указанный период, вопреки ч. 1 ст. 1 УК РФ, не являлось полностью кодифицированным. Примечательно, что аналогичные федеральные законы, действующие параллельно УК РФ 1996 г., до ФЗ № 270 в России не принимались.

В недавнем прошлом «подрывала» принцип полной кодификации уголовного законодательства России норма ч. 3 ст. 331 УК РФ, содержавшая отсылку к законодательству РФ военного времени об ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке [3, с. 20—21]. В 2022 г. (Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ)

¹ Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в настоящей статье нормативным правовым и правоприменительным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

данная норма была признана утратившей силу. Тем самым законодатель, несмотря на фактическое ведение Россией военных действий, признал невозможность существования за пределами УК РФ уголовного законодательства военного времени и сопоставимых с военным временем периодов.

Может ли в будущем повториться подобное, т. е. принятие и введение в действие федерального закона, содержащего уголовно-правовые нормы, не включенные в УК РФ? Учитывая особенности сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации, полностью исключить такое нельзя. Однако пример утратившего силу ФЗ № 270 с одновременным введением соответствующих норм в кодифицированный источник права (УК РФ) демонстрирует *приверженность законодателя принципу полной кодификации уголовного законодательства*.

Поэтому пока есть основания полагать, что рассмотренные изменения института уголовного закона (в части отступления от его полной кодификации), хотя и стали ответной реакцией власти на участие России в вооруженном конфликте, имели преходящий характер.

Представляется, что в дальнейшем целесообразно создание в Общей части УК РФ отдельной главы, посвященной особенностям уголовной ответственности и наказания указанных категорий лиц, а именно: 1) совершивших преступления и призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации; 2) совершивших преступления и заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации; 3) совершивших преступления в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Временный характер подобных норм не препятствует их появлению в кодифицированном источнике уголовного права. С изменением внутри- и внешнеполитической обстановки соответствующие статьи и даже более крупные структурные элементы УК РФ могут быть оперативно из него исключены.

Другой ведущий институт уголовного права — *преступление* — в последние годы претерпевает более длительную и серьезную трансформацию. Это выражается, во-первых, в возрождении и все более широком распространении в УК РФ админи-

стративной преюдиции, означающей придание свойств преступления повторно совершенному административному правонарушению, которое само по себе не обладает достаточной для криминализации степенью общественной опасности [4, с. 69]. Под вопросом оказывается главный материальный признак преступления (общественная опасность) [5, с. 111—114], так как во главу угла ставится повторение деяния после привлечения к юридической ответственности, а объективные показатели общественной опасности преступления — объект и общественно опасные последствия посягательства [6, с. 141] — игнорируются.

Во-вторых, традиционное понимание преступления значительно поколеблено предложениями о введении в уголовное право России понятия «уголовный проступок». Против данной идеи, которая пока не воплощена в жизнь, но активно продвигается Верховным Судом Российской Федерации, также высказан аргумент об отсутствии у такого деяния (проступка) общественной опасности [5, с. 115—117].

Начнем с административной преюдиции. Подробный разбор доводов за и против ее существования в уголовном законе не входит в задачи данной статьи. При всей логичности и последовательности суждений противников данного института нельзя не отметить присутствие здравого смысла и в позициях сторонников административной преюдиции. Так, В. П. Малков отмечал: «Законодатель нашей страны на основе изучения тенденций в определенных сферах социально-экономической жизни *приходит к убеждению о целесообразности* (курсив наш. — Н. Е.) прибегнуть к противодействию совершению тех или иных деяний более острыми средствами, чем административное или дисциплинарное воздействие, в частности уголовным наказанием. Поэтому он вправе запретить в качестве преступного то или иное деяние *при наличии необходимых предпосылок* (курсив наш. — Н. Е.) с использованием административной либо дисциплинарной преюдиции, а равно и того или иного вида повторности, а также без использования преюдиции» [7, с. 60].

В связи с этим нельзя не отметить, что общественная опасность деяния как основополагающий признак преступления, анализируемая, так сказать, «извне», не может быть полностью объективным феноменом — субъективная оценка поведения как общественно опасного, данная законодателем, правоприменителем или иными лицами, присутствует всегда [8, с. 113]. Рассматриваемая

«изнутри», общественная опасность деяния также предопределяется не только объективными, но и субъективными его свойствами [9, с. 54; 10, с. 52].

Следует согласиться с тем, что уголовно-правовые нормы с административной преюдицией обладают определенным превентивным потенциалом: перспектива привлечения к уголовной ответственности способна удержать правонарушителя от повторного совершения административного проступка [7, с. 60—61]. Кроме того, установление уголовно-правовых запретов с административной преюдицией позволяет власти оперативно реагировать на новые угрозы, опасность которых в данных условиях очевидна, но при этом не поддается точному измерению (а именно так бывает в переломные моменты истории государства). Немаловажно и то, что при помощи такого инструмента, как административная преюдиция, возможна, образно говоря, «мягкая» криминализация деяний, способных причинить вред практически любым национальным приоритетам. Об этом свидетельствует присутствие норм с административной преюдицией в большинстве (12 из 19) глав Особенной части УК РФ, т. е. нормы с административной преюдицией выступают средством охраны таких общественных отношений, как телесная неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, экономическая деятельность, общественная и государственная (в том числе информационная) безопасность, государственная власть. Но, конечно, появление таких норм в УК РФ всегда имеет выраженный уголовно-политический подтекст.

Одновременно с экспансией административной преюдиции продолжает активно обсуждаться тезис о необходимости внедрения в российское уголовное право понятия «уголовный проступок». Данной проблеме было уделено пристальное внимание на всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в Верховном Суде Российской Федерации 2 марта 2017 г.

Два разработанных Верховным Судом Российской Федерации законопроекта (2017 и 2020 гг.), в которых предлагались пути реализации данной идеи, не получили поддержки законодателя. Проект от 31 октября 2017 г. (законопроект № 612292-7, далее — Проект 2017 г.) был внесен в Государственную Думу Российской Федерации 20 декабря 2018 г., 11 ноября 2020 г. снят с рассмотрения (отозван)¹. Проект от 13 октября 2020 г. (законо-

проект № 1112019-7, далее — Проект 2020 г.) внесен в высший законодательный орган 15 февраля 2021 г., после рассмотрения в первом чтении возвращен субъекту права законодательной инициативы 24 июня 2024 г.²

В Проекте 2017 г. уголовный проступок считался разновидностью (подкатегорией) преступлений небольшой тяжести («Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком», — так предлагалось дополнить ч. 2 ст. 15 УК РФ).

Именно такой подход (существование уголовного проступка в пределах указанной категории преступлений) считался в науке преобладающим [11, с. 45; 12].

Другие научные позиции также не затрагивают юридическую природу уголовного проступка: «превращение» в уголовные проступки ряда малозначительных деяний [13, с. 24, 330—331] и всех преступлений небольшой тяжести (и частично — преступлений средней тяжести) с разделением остальных уголовно наказуемых деяний (преступлений) на три категории [14, с. 133; 15, с. 66—67]; рассмотрение уголовных проступков как деяний, занимающих промежуточное положение между преступлениями и малозначительными деяниями, либо в качестве отдельной категории преступлений [16, с. 143] (пятой, наряду с уже имеющимися четырьмя [17, с. 209]).

В Проекте 2020 г. содержание понятия «уголовный проступок» несколько иное (ст. 15.1 УК РФ) — к уголовным проступкам отнесены 1) совершенные впервые преступления небольшой тяжести, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы (кроме 14 преступлений против телесной неприкосновенности, здоровья, в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности, против военной службы); 2) совершенные впервые преступления небольшой тяжести, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы (7 преступлений против собственности); 3) совершенные впервые преступления небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности (предусмотренные 20 статьями Особенной части УК РФ).

Объединяет два упомянутых проекта то, что ни в одном из них уголовный проступок не наделен *сущностными* отличиями от преступления, харак-

¹ Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 16.10.2024).

² Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7#bh_histras (дата обращения: 16.10.2024).

теризующими проступок как *деяние*. В связи с этим понятие «уголовный проступок» было не чем иным, как условностью, возникал вопрос о принципиальной необходимости его введения, и сам собой напрашивался ответ о ненужности такого «излишества». Ведь в российском уголовном законе раскрыто единственное для обозначения уголовно наказуемых деяний понятие преступления и закреплена категоризация преступлений, в которой уголовному проступку не отведено самостоятельное место.

Вместе с тем авторы обоих законопроектов перевели в число уголовных проступков весьма внушительное количество преступлений (в Проекте 2017 г. порядка сотни, в Проекте 2020 г. — уже 112).

Еще один немаловажный момент: согласно обоим проектам, будучи преступлением и не обладая отличительными особенностями деяния, уголовный проступок лишен такого свойства преступления, как наказуемость (см. ст. 76.2 проектов 2017 г. и 2020 г.). Вместо наказания разработчики проектов предлагали в обязательном порядке освобождать субъектов уголовных проступков от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера, которые по сути (а в Проекте 2017 г. — и по названиям) ничем не отличались от обязательных и исправительных работ.

Указанным двум законопроектам посвящены многочисленные научные публикации, в которых гипотетическое введение в российское право уголовного проступка оценивается неоднозначно. Как бы то ни было, отсутствие у уголовного проступка своей «ниши» в уголовном законодательстве, чрезмерно широкий круг деяний, относимых к уголовным проступкам, императивно закреплённая безнаказанность лиц, их совершающих, — вот причины, по которым, на наш взгляд, у подобных правовых конструкций нет будущего.

Есть и более частные факторы, препятствующие внедрению в российское уголовное право уголовного проступка в предложенном виде. Так, можно согласиться с тем, что существует опасность смешения предметов правового регулирования уголовного и иных отраслей (прежде всего административного) права [18, с. 83], что в указанных проектах проблема уголовного проступка фактически сведена к вопросу об освобождении от уголовной ответственности [19, с. 152].

Примечательно различное отношение в научной среде к административной преюдиции и уголовному проступку при их рассмотрении в качест-

ве возможных ориентиров развития отечественного уголовного права. Одни ученые негативно оценивают оба эти явления [20, с. 72]; другие положительно относятся лишь к одному из них [15, с. 67—68; 21, с. 92]; третьи допускают существование в уголовном праве России и того, и другого [22; 23, с. 347].

Интересна позиция Верховного Суда Российской Федерации: выступая за введение уголовного проступка и признавая не противоречащим Конституции Российской Федерации существование административной преюдиции¹, высшая судебная инстанция четко разделяет эти два явления, считая неприемлемым отнесение к уголовным проступкам деяний с административной преюдицией².

Более перспективным видится поиск точек соприкосновения у административной преюдиции и уголовного проступка. Так, в литературе высказано предположение о вероятности развития административной преюдиции «в рамках института уголовного проступка» [22, с. 28].

По нашему мнению, уголовный проступок мог бы относительно безболезненно занять место в уголовном праве России, если бы субъект правотворчества принял решение *считать уголовными проступками только запрещенные УК РФ деяния с административной преюдицией*. Последняя могла бы стать своего рода мостом между административно-правовым и уголовно-правовым запретами. Действительно, деяние с административной преюдицией имеет двойственную юридическую природу, занимая промежуточное место между преступлением и проступком. Это не отдельная категория преступлений либо ее часть, не группа преступлений, представленная в виде перечня (как

¹ См., напр., абз. 3 и 4 п. 4.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина»; абз. 1 п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой».

² См., напр.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7#bh_histras (дата обращения: 08.11.2024).

в упомянутых законопроектах), а *самостоятельное уголовно-правовое явление*. Оно самостоятельное именно потому, что полностью не вписывается в «черно-белую» дихотомию «преступное — непроступное», на которой настаивают противники административной преюдиции и уголовного проступка [20, с. 69].

Не оспаривая присутствие значительной доли субъективизма законодателя при выборе административных правонарушений, которые при их повторном совершении заслуживают применения мер уголовно-правовой репрессии, отметим, что в сложные периоды жизни общества и государства и в конкретных криминальных реалиях это может быть оправданным.

Исходя из этого, следовало бы определить *уголовный проступок* (возможно, в гипотетической ст. 14.1 УК РФ) как *общественно опасное (все же!) деяние, виновно совершенное лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности, запрещенное УК РФ под угрозой наказания*.

С одной стороны, это поведение, обладающее всеми признаками административного правонарушения. С другой стороны, общественно опасный характер такого деяния объясняется повторным совершением административного правонарушения, которое на данном этапе развития общества законодатель признал заслуживающим мер уголовно-правового воздействия. Иными словами, отягощенность деяния предшествующим аналогичным поведением обуславливает криминализацию данного деяния.

Отталкиваясь от этой отправной точки, можно было бы решать более частные вопросы (упорядочение нормативного материала, относящегося к уголовным проступкам, конструирование санкций за данные уголовно наказуемые деяния и др.). Так, требующим глубокого изучения видится подход, когда деяние с административной преюдицией признается преступлением средней тяжести (см., напр., ч. 1 ст. 282 УК РФ) и даже тяжким преступлением (см., напр., ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6 УК РФ), минуя предшествующие категории преступлений. Подобные деяния, даже совершенные впервые, скорее всего, должны быть криминализованы, либо нужны очень веские основания для перевода их при повторном совершении сразу в разряд более серьезных преступлений.

В перспективе, с отказом законодателя от административной преюдиции, если таковое произойдет (как это уже было в первоначальной редакции УК РФ 1996 г.), должен исчезнуть и уголовный проступок.

Идеи, созвучные изложенным, уже высказывались в научных публикациях. В частности, предлагалось «заменить» институт административной преюдиции институтом уголовного проступка [24, с. 54, 60]. Такой подход выглядит не вполне корректным. Во-первых, если административная преюдиция мыслится как один из отличительных критериев уголовного проступка, то вряд ли следует говорить о замене одного другим. Во-вторых, помимо деяний с административной преюдицией, к уголовным проступкам учеными предлагается отнести и другие преступления, не обладающие большой общественной опасностью (с чем мы не согласны), т. е. о какой-то «замене» также речь не идет [24, с. 59—61].

Столь же дискуссионна точка зрения о необходимости преобразования преступлений с административной преюдицией в уголовные проступки при сохранении уголовных проступков в системе категорий преступлений как некой пятой категории, а также о замене административной преюдиции на уголовно-правовую [17, с. 209—210]. Как уже отмечалось, уголовный проступок не есть особая категория преступлений. Уголовно-правовая преюдиция в трактовке упомянутых авторов (т. е. признание преступлением уголовного проступка, повторно совершенного лицом, имеющим судимость за ранее совершенное аналогичное деяние) — не что иное, как разновидность специального рецидива преступлений, никакой отраслевой спецификой уголовный проступок при этом не обладает.

Предложенный же нами вариант позволил бы использовать возможности административной преюдиции как гибкого инструмента, не затрагивая понятия преступления, без создания отдельного кодекса уголовных проступков и внесения масштабных изменений в УК РФ.

Все сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Принцип полной кодификации уголовного законодательства России не вызывает сомнений. Как происходящие в настоящее время, так и возможные в будущем изменения в уголовном законодательстве могут быть гармонично вписаны в кодифицированный источник права (УК РФ) без создания параллельно действующих уголовных законов.

2. Нет необходимости в пересмотре и такого базового института, как преступление. Введение уголовного проступка не затронет его основ, если признать уголовным проступком общественно опасное деяние, виновно совершенное лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

1. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2016. 864 с.

2. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 45—52.

3. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022—2024 гг.): монография / под общ. ред. Р. В. Закомолдина. Самара: Самарама, 2024. 260 с.

4. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64—71.

5. Верина Г. В. Ревизия законодательной концепции преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1. С. 109—120.

6. Кленова Т. В. Общественная опасность — истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 136—144.

7. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 58—64.

8. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2016. 600 с.

9. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. Изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург, 2005. 522 с.

10. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50—53.

11. Звечаровский И. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 43—46.

12. Наумов А. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4. С. 93—97.

13. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СГЮА, 2022. 428 с.

14. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 115—139.

15. Кибальник А. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65—68.

1. Criminal law of Russia. General part. Red. by F. R. Sundurov, I. A. Tarkhanov. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Statute; 2016: 864. (In Russ.).

2. Rarog A. I. Military-criminal law of Russia: condition and prospects. Law-governed state: theory and practice, 45—52, 2023. (In Russ.).

3. Militarization and mobilization of the Criminal Code of the Russian Federation (2022—2024). Monograph. Red. by R. V. Zakomoldin. Samara: Samarama; 2024: 260. (In Russ.).

4. Lopashenko N. A. Say "no" to administrative prejudice in criminal law! Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 64—71, 2011. (In Russ.).

5. Verina G. V. Revision of the legislative concept of a crime. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 109—120, 2020. (In Russ.).

6. Klenova T. V. Public danger is the true property of the crime. The library of criminalist, 136—144, 2013. (In Russ.).

7. Malkov V. P. Administrative prejudice: "for" and "against". Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 58—64, 2011. (In Russ.).

8. Criminal law. General part. Crime. Academic course. In 10 vols. Vol. V. Concept of Crime. Corpus delicti. Red. by N. A. Lopashenko. Moscow: Yurлитinform; 2016: 600. (In Russ.).

9. Encyclopedia of criminal law. Vol. 3. Concept of crime. Published by prof. Malinin. Saint Petersburg; 2005: 522. (In Russ.).

10. Ivanchin A. On the benefits of reasonable applying administrative prejudice in criminal law (in connection with the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10 February, 2017 No. 2-P). Criminal law, 50—53, 2017. (In Russ.).

11. Zvecharovsky I. The category of "criminal offence" in the context of liberalization of the criminal policy of Russia. Criminal law, 43—46, 2017. (In Russ.).

12. Naumov A. Criminal misdemeanor as a minor offence. Criminal law, 93—97, 2017. (In Russ.).

13. Gerasimov A. M. Theory of criminal offense. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov: the Saratov State Law Academy; 2022: 428. (In Russ.).

14. Gavrilov B. Ya., Krymov V. A., Shpagina Yu. V. Criminal offence: new facets of the Russian legislation. Law. Journal of Higher School of Economics, 115—139, 2022. (In Russ.).

15. Kibalnik A. Criminal offence and its legal consequences. Criminal law, 65—68, 2017. (In Russ.).

16. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Нужен ли Уголовному кодексу Российской Федерации уголовный проступок? // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 141—146.

17. Расторопов С. В., Верникова А. В. Введение уголовного проступка в России: за и против // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 207—210.

18. Кругликов Л., Лапшин В. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80—84.

19. Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11. С. 142—154.

20. Коробеев А., Ширшов А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68—72.

21. Лопашенко Н. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84—93.

22. Безверхов А., Денисова А. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 25—29.

23. Костерин В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 343—348.

24. Мурузиди А. В. От административной преюдиции к уголовному проступку // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1. С. 54—62.

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

16. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Does the Criminal Code of the Russian Federation need a criminal offence? Journal of economic security, 141—146, 2020. (In Russ.).

17. Rastoropov S. V., Vernikova A. V. Introduction of a criminal offence into Russia: pro and con. Problems of economics and legal practice, 207—210, 2018. (In Russ.).

18. Kruglikov L., Lapshin V. On the consequences of including the category of "criminal offence" in the Russian criminal law. Criminal law, 80—84, 2017. (In Russ.).

19. Skripchenko N. Yu., Anoshchenkova S. V. Is criminal offense objective necessity or declared one? Topical problems of Russian law, 142—154, 2021. (In Russ.).

20. Korobeyev A., Shirshov A. Criminal offense through the prism of the institution of administrative prejudice: is it good or bad? Criminal law, 68—72, 2017. (In Russ.).

21. Lopashenko N. Reducing repressiveness of criminal law: proposed measures and their assessment. Criminal law, 84—93, 2017. (In Russ.).

22. Bezverkhov A., Denisova A. On formation of the institution of criminal offense in the system of the Russian criminal law. Criminal law, 25—29, 2017. (In Russ.).

23. Kosterin V. V. Criminal offense: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. Penitentiary science, 343—348, 2020. (In Russ.).

24. Muruzidi A. V. From administrative prejudice up to criminal offense. Journal of the Samara Humanitarian Academy. Series "Law", 54—62, 2019. (In Russ.).

Yegorova Natalia Alexandrovna,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.775

**ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 258¹
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Марина Николаевна Ефарова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
solovyova11557@gmail.com

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов и материалов судебной практики представлено толкование объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрены вызывающие затруднения в правоприменительной практике вопросы квалификации незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Автором сформулированы предложения по разграничению предусмотренных ч. 1.1 ст. 258¹ и п. «б» ч. 2 ст. 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации преступлений, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Подвергается сомнению разъяснение, представленное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. № 21, связанное с характеристикой лица, использующего свое служебное положение.

Ключевые слова: особо ценные дикие животные, Красная книга Российской Федерации, информационно-телекоммуникационные сети, служебное положение, толкование уголовного закона, квалификация преступлений

Для цитирования: Ефарова М. Н. Вопросы толкования признаков состава преступления, предусмотренного статьей 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 24—33.

**ISSUES TO INTERPRET CORPUS DELICTI SIGNS
PROVIDED FOR BY ARTICLE 258¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Marina Nickolayevna Efarova

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ekaterinburg, Russia, solovyova11557@gmail.com

Abstract. Analyzing normative legal acts and materials of judicial practice the author presents interpretation of objective and subjective signs of the corpus delicti provided for by article 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The research considers issues causing difficulties in law enforcement practice related to qualification of illegal bagging and trafficking of special valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to the species listed in the Red Data Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation. The author formulates proposals to differentiate the offences provided for in part 1.1 of article 258¹ and paragraph "b" of part 2 of article 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, committed by using information and telecommunication networks (including the Internet). The author doubts the explanation made by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the resolution "On the application of legislation on responsibility for violations in the sphere of environmental protection and nature management by courts" dated October 18, 2012 № 21, related to the characteristics of a person using his official position.

Keywords: special valuable wild animals, Red Data Book of the Russian Federation, information and telecommunications networks, official position, interpretation of criminal law, qualification of crimes

For citation: Efarova M. N. Issues to interpret corpus delicti signs provided for by article 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 24—33, 2025. (In Russ.).

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации для обеспечения экологической безопасности государством поставлена задача — сохранять биологическое разнообразие природных экосистем, охранять и воспроизводить объекты животного мира, в том числе водные биологические ресурсы¹. Для ее достижения проводится комплекс организационных, технологических и нормативно-правовых мер. Крайней мерой, принимаемой для обеспечения сохранения объектов животного мира, является установление уголовной ответственности. В 2013 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) введена ст. 258¹, устанавливающая ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных (далее — особо ценные животные) и водных биологических ресурсов (далее — особо ценные биоресурсы), принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. За 11 лет указанная норма претерпела ряд изменений. Несмотря на то что толкование отдельных признаков анализируемого состава и вопросы квалификации деяний представлены Верховным Судом Российской Федерации², большая часть вопросов не рассмотрена высшей судебной инстанцией и до сих пор вызывает трудности в правоприменительной деятельности.

Статьей 258¹ УК РФ осуществляется охрана общественных отношений, связанных с сохранением

популяции взятых под особый контроль объектов животного мира и водных биологических ресурсов. Обязательным для уголовно-правовой оценки содержания является предмет преступления, в отношении которого, собственно, государством и проводится отдельный комплекс правовых мер: 1) особо ценные животные и биоресурсы; 2) их части; 3) их дериваты (производные).

Перечень особо ценных животных и водных биоресурсов, подлежащих отдельной охране, определяется постановлением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978³ (далее — Перечень) и включает 7 видов млекопитающих, 4 вида птиц и 11 видов рыб.

В уголовно-правовой науке мало изучен вопрос, касающийся необходимости и целесообразности привлечения к уголовной ответственности по ст. 258¹ УК РФ за незаконные действия в отношении тех животных и биоресурсов, которые являются гибридами, ставшими результатом скрещивания особо ценного и не особо ценного животного (биоресурса). Например, помесь леопарда с ягуаром. Думается, что для целей ст. 258¹ УК РФ предусматривается охрана не гибридов, а именно «чистокровных» животных и биоресурсов, бесценный генофонд которых утрачивается, идет вырождение видов [1, с. 26]. К тому же указанное в Перечне пояснение о том, что гибрид зубра с бизоном, домашним скотом не относится к видам особо ценных животных, а также представленное в ст. 11 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ определение, согласно

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024); О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 // Там же.

³ Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

⁴ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

которому гибрид данного животного является охотничьим ресурсом на территории Российской Федерации, исключает возможность полемики.

Вопрос о привлечении к уголовной ответственности за незаконное завладение с корыстной целью либо умерщвление лишенных естественной свободы особо ценных животных и биоресурсов разрешен Верховным Судом Российской Федерации. Действия таких лиц квалифицируются как хищение либо уничтожение чужого имущества¹. Это разъяснение касается таких животных и биоресурсов, которые на законных основаниях содержатся и используются в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях, океанариумах. Противоправное безвозмездное изъятие, например, белого медведя из зоопарка признается хищением чужого имущества, но не незаконной добычей особо ценных животных, поскольку жизнеобеспечение такого животного полностью осуществляется трудом человека.

Трудности вызывает вопрос, связанный с отношением к предмету исследуемого преступления особо ценных животных и биоресурсов, находящихся в полувольном состоянии. В целом законодательством Российской Федерации разрешается содержать животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (в том числе особо ценных животных и биоресурсов), в полувольных условиях, при которых одну часть времени они находятся в неволе, а другую — в естественной среде обитания. Такие меры принимаются в целях сохранения животных и биоресурсов, воспроизводства, пополнения их природных популяций или в научных и культурно-просветительских целях². Так, в центре мониторинга и реабилитации хищных птиц «Холзан» Бахчисарайского района Республики Крым для увеличения числа балобанов и беркутов первую кладку яиц изымают и помещают в инкуба-

торы, чтобы птицы, определив отсутствие потомства, сделали вторую кладку. Таким образом, количество птенцов увеличивается вдвое. Подросшие птенцы вылетают из вольеров центра, учатся самостоятельно охотиться, осваивают местность и возвращаются обратно. После молодых птиц отвозят в разные части России и отпускают на волю³.

Учитывая, что находящиеся в полувольном состоянии особо ценные животные продолжают существовать как составляющие цепочку экологических отношений и могут обеспечивать свою жизнедеятельность самостоятельно, их следует признавать предметом преступления, предусмотренного ст. 258¹ УК РФ.

Высшая судебная инстанция разъясняет, что под частями диких животных в ст. 258¹ УК РФ следует понимать не подвергшиеся обработке искусственно выделенные фрагменты, органы, вещества (например, внутренние органы, кости, желчь, шкура и т. д.)⁴, а под частями водных биоресурсов — не подвергшиеся переработке искусственно отделенные от организмов биологические материалы (ткани, покровы, жидкости, половые продукты и т. д.)⁵. Действия, совершенные в отношении естественно выделенных частей диких животных, включенных в Перечень, не образуют состава анализируемого преступления, поскольку вред общественным отношениям, охраняемым исследуемой нормой, в таком случае не причиняется (например, хранение дома найденных в лесу рогов или частей рогов алтайского горного барана, отвалившихся в результате поединка самцов).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что производными (derivатами) признаются продукты хозяйственной переработки диких животных и биоресурсов (например, пищевые продукты, сувениры)⁶. Другими словами, это

тантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21.

² Об утверждении Правил выдачи разрешения на оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11 марта 2022 г. № 343 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Краснокнижные птицы из инкубатора: в Крыму появился питомник для соколов и беркутов. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27557/4881965/> (дата обращения: 19.10.2024).

⁴ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21.

⁵ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26.

⁶ Там же.

части животных, птиц или рыб, преобразованные трудом человека в иные предметы. Представляется, что дериватами (производными) следует считать также не подвергшиеся обработке естественно выделенные яйца птиц и икру рыб, включенных в Перечень (например, изъятие яиц из гнезда сапсана или сбор икры белуги в месте нереста). Так, А. и Б. незаконно приобрели у неустановленного лица икру севрюги, рыбы семейства осетровых, и перевезли ее в место жительства Б. Указанную икру они расфасовали в 53 стеклянные банки емкостью 500 г, 1 жестяную банку емкостью 250 г, 2 стеклянные банки емкостью 113 г, общим весом 26 976 кг. Затем перевезли это в помещение, где стали хранить в целях последующей реализации¹.

Уголовно наказуемыми по исследуемой норме являются деяния в виде незаконной добычи, содержания, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и продажи предмета преступления. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать противоправность (незаконность) совершенного деяния, указывать в процессуальных документах пункт, часть и статью нормативного правового акта, требования которого были нарушены.оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, допускается в исключительных случаях по разрешению, выдаваемому специально уполномоченным государственным органом по охране окружающей среды².

Под добычей (выловом) водных биоресурсов понимаются их изъятие из среды обитания³, а под добычей диких животных — их отлов или отстрел⁴. Высшая судебная инстанция, разъясняя понятие незаконной добычи применительно к ст. 256 УК РФ, конкретизирует момент окончания преступления,

сужая его до «действий, направленных на их изъятие из среды обитания»⁵, а относительно аналогичного признака в ст. 258 УК РФ — до «начала совершения действий, непосредственно направленных на добычу». Таким образом, фактический и юридический моменты добычи не совпадают, и лицо может привлекаться к уголовной ответственности не только после непосредственного изъятия (отлова или отстрела) водного биоресурса (или дикого животного) из среды обитания, но и при совершении действий, связанных с началом их последующего изъятия (началом отлова или отстрела). Например, уже установленное для вылова орудие лова признается оконченным преступлением (рыболовная сеть натянута между берегами реки), а начало установки орудия лова, которая пресечена иными лицами, — покушением на преступление (рыболовная сеть выставлена только с одной стороны берега реки, но еще не переброшена на второй берег)⁶.

Учитывая изложенное, думается, что такой же смысл в толковании «добычи» и момента ее окончания необходимо вкладывать в определение незаконной добычи особо ценных животных и биоресурсов для целей ст. 258¹ УК РФ и считать уголовно наказуемыми не только их непосредственное изъятие, отлов или отстрел, но и действия, связанные с началом их последующего изъятия, отлова или отстрела (например, поиск, отслеживание, преследование).

Под содержанием признается комплекс мероприятий, в который входит уход, размещение, кормление, лечение животного⁷. При содержании особо ценного животного или биоресурса виновный осуществляет в отношении них полномочия, присущие праву собственности (владеет, пользуется, распоряжается), обеспечивая их нахождение в неволе или полувольном состоянии. Например, содержит у себя в вольере леопарда как предмет роскоши или использует беркута для фотографий

¹ Приговор Ленинского районного суда города Астрахани от 30 марта 2022 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.10.2024).

² Об утверждении Правил выдачи разрешения на оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11 марта 2022 г. № 343.

³ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

⁴ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ.

⁵ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26.

⁶ Там же.

⁷ СП 492.1325800.2020. Свод правил. Приюты для животных. Правила проектирования: утв. Приказом Минстроя России от 30 декабря 2020 г. № 908/пр // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

с желающими за определенную плату. Для содержания также характерно размещение и проживание животного в невыносимых условиях (в клетках очень маленького размера, в полной темноте, без достаточного количества кислорода), лишение воды, пищи или ее предоставление в недостаточном количестве, отказ от лечения и др. Жестокое обращение с животными, которые находятся на содержании, при наличии к тому оснований должно также квалифицироваться по ст. 245 УК РФ (например, использование в боях, проведение с ними процедур, вызывающих невыносимую боль, избиение, натравливание на других животных и др.).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июня 2019 г. № 795 регламентирован перечень запрещенных к содержанию животных¹. В их числе два особо ценных вида животных (леопард и снежный барс). Исключением из данного запрета признаются случаи содержания и использования таких животных в зоопарках, цирках, дельфинариях, океанариумах и др.²

Приобретением является получение любым способом, в том числе находка, получение в дар, оплата за услугу, обмен, покупка, присвоение найденного и др. Например, Ф., находясь на береговой линии, обнаружил один экземпляр рыбы семейства осетровых — амурского осетра, и, заведомо зная о том, что оборот рыб семейства осетровых, а также их частей запрещен, незаконно, путем присвоения найденного, приобрел один экземпляр рыбы³.

Хранением признаются действия лица, связанные с владением предметом преступления. В частности, Ж. получил на возмездной основе в виде денежного вознаграждения в размере 3 000 рублей от неустановленного лица девять фрагментов рыбы общим весом 19,53 кг, которые принес к месту своего жительства, разместил их в морозильной камере, находящейся на веранде дома, и хранил

до момента изъятия из незаконного оборота сотрудниками полиции⁴.

Хранение может осуществляться в том числе путем сокрытия в тайниках или помещениях либо путем сокрытия действительной природы происхождения предмета преступления, когда особо ценное животное или биоресурс, их части, дериваты (производные) выдаются за другие, не предусмотренные ст. 258¹ УК РФ, предметы (окрашивание шкуры белого медведя, расфасовка белужьей икры в емкости под видом щучьей).

Осуществляя разграничение «незаконного содержания» и «незаконного хранения», необходимо иметь в виду, что для содержания свойственно владение живым особо ценным диким животным или биоресурсом, а для хранения — умерщвленным.

Под перевозкой понимаются умышленные действия лица, самостоятельно перемещающего предмет преступления из одного места в другое с использованием транспортного средства или иного объекта, применяемого в виде перевозочного средства (сани, тачка садовая и др.). Для квалификации содеянного не имеет значения, на каком расстоянии осуществлялась перевозка и доставлен ли перевозимый груз до соответствующего места. Так, Н. погрузил особо ценные водные биологические ресурсы в люльку мотоцикла и, проследовав от берега Каспийского моря, расположенного на расстоянии 500—600 м от места добычи, был задержан сотрудниками правоохранительных органов⁵.

Пересылкой признаются действия лица, направленные на перемещение особо ценных животных и биоресурсов, их частей, дериватов (производных) адресату без непосредственного участия отправителя. Ответственность лица наступает с момента отправления указанного предмета, независимо от получения их адресатом. Не подлежит уголовной ответственности за незаконный оборот предмета преступления по ст. 258¹ УК РФ лицо, осуществляющее его непосредственное перемещение по просьбе другого лица, которому этот предмет принадлежит, и не осведомленное о незаконности его происхождения или находящееся в заблуждении относительно его

¹ Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию: постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2019 г. № 795 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 21 ноября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.10.2024).

⁴ Приговор Ульяновского районного суда Хабаровского края от 6 октября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.10.2024).

⁵ Приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан от 14 июля 2021 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

характеристик. В этом случае исполнителем преступления (незаконной пересылки) признается лицо, которому принадлежит предмет преступления (отправитель).

Действия лица, связанные с незаконной перевозкой или пересылкой предмета исследуемого преступления через таможенную или государственную границу, подлежат квалификации по совокупности ст. 258¹ и 226¹ УК РФ.

Под продажей необходимо понимать передачу товара продавцом в собственность покупателю (приобретателю) за определенную денежную сумму. Безвозмездная передача виновным товара приобретателю не может быть расценена как продажа и с учетом фактических обстоятельств должна квалифицироваться по предшествующим безвозмездной передаче действиям (незаконной добыче, содержанию, приобретению, хранению, перевозке или пересылке). Действия незаконного приобретателя предмета преступления за определенную цену (или получение в дар) образуют «незаконное приобретение».

Следует принимать во внимание, что действия продавца и покупателя особо ценных диких животных и биоресурсов, их частей или дериватов (производных) не образуют соучастие в преступлении.

Ответственность по ч. 1 ст. 258¹ УК РФ за незаконное содержание, приобретение, хранение и перевозку как за оконченное преступление наступает с момента совершения указанных действий, а за незаконную продажу — с момента получения денежной суммы за переданный в собственность товар.

Уголовно наказуемыми по ст. 258¹ УК РФ являются действия любого достигшего шестнадцатилетнего возраста физического вменяемого лица. Субъективная сторона выражена виной в виде прямого умысла, при котором лицо осознает общественную опасность незаконной добычи или оборота особо ценных животных и биоресурсов, их частей и дериватов (производных) и желает совершения этого деяния.

Внесенные в 2017 и 2018 гг. в анализируемую норму изменения, связанные с дифференциацией уголовной ответственности в зависимости от «цифрового способа» незаконной добычи и оборота особо ценного животного и биоресурса, до сих пор являются предметом дискуссии в научном сообществе и вызывают трудности толкования и применения в судебно-следственной практике. Законодательная конструкция изложения указанных в ч. 1.1 ст. 258¹ УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ

способов критикуется и отождествляется с попыткой искусственно созданной дифференциации ответственности [2].

Так, состав, предусмотренный ч. 1.1 ст. 258¹ УК РФ, является квалифицированным только по отношению к двум общественно опасным деяниям — незаконному приобретению и продаже предмета преступления, совершенным с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Высшая судебная инстанция разъясняет, что указанный признак наличествует в содеянном виновным как при совершении действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления, так и при совершении действий, входящих в его объективную сторону¹. Иными словами, использование информационно-телекоммуникационных сетей только на одном из этапов преступной деятельности уже может квалифицироваться по указанному признаку. Например, поиск приобретателей особо ценных диких животных осуществлялся через сеть Интернет, а сама продажа — при непосредственной личной встрече.

При правовой оценке действий виновного по ч. 1.1 ст. 258¹ УК РФ необходимо учитывать, что использование таких средств осуществлялось лицом для облегчения продажи и приобретения предмета преступления (поиск покупателя или продавца, демонстрация им товара, переписка о цене, количестве, месте сделки и др.). Их использование в целях размещения объявления о незаконной продаже или намерении незаконного приобретения, доступного для неопределенного круга лиц, подлежит квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ как совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Частным примером преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 258¹ УК РФ, является приговор

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

в отношении Д., который в мессенджере WhatsApp¹ предложил Ф. к продаже икру самки осетра. С данным покупателем они договорились о купле-продаже 15 кг черной икры стоимостью 27 000 рублей за 1 кг. После договоренности о месте и времени сделки Д. незаконно передал 30 банок икры объемом по 0,5 л гражданину Ф., который являлся заместителем начальника 3 отдела УЭБ и ПК ГУ МВД России по Волгоградской области и действовал в рамках оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка»².

Поскольку Д. использовал информационно-телекоммуникационную сеть для предложения покупки икры конкретному (хоть и неизвестному) человеку, что исключало возможность ознакомиться с этим предложением неопределенному кругу лиц, то уголовно-правовая оценка содеянного Д. представляется верной.

В другом примере по приговору Ленинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области К. признан виновным в незаконной продаже особо ценных биоресурсов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, по ч. 1.1 ст. 258¹ УК РФ. К. разместил на интернет-сервисе для размещения объявлений «Авито» общедоступное объявление о продаже осетровых пород рыб. Детали сделки с потенциальным покупателем продукции обсуждались через интернет-сервис обмена мгновенными сообщениями и голосовой связи WhatsApp³, а также «Авито». После достигнутой договоренности с покупателем (лицом, участвующим в проведении оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка») К. продал последнему одного сибирского осетра за 6 800 руб.⁴

В приведенном примере, несмотря на то что виновный использовал интернет-сервисы для облегчения продажи предмета преступления конкретному покупателю, информация о продаже осетровых пород рыб публично демонстрировалась на общедоступной интернет-площадке «Авито» и была доступна для ознакомления большому количеству пользователей. Указанное свидетель-

ствует о том, что содеянное К. содержит признаки состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ, и К. подлежит уголовной ответственности по этой норме.

В пункте «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ законодатель указал, что уголовно наказуемыми являются незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа предмета преступления, совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Принимая во внимание п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 № 37 о том, что понимается под публичной демонстрацией с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, можно заключить, что для целей п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ к ней относятся открытый показ либо предоставление неограниченному числу лиц возможности просмотра материалов о незаконной добыче, содержании, приобретении, хранении, перевозке, пересылке и продаже предмета преступления. Как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире или состоящие в размещении материалов о незаконной добыче или обороте на личных страницах и на страницах групп пользователей (публикация объявления о продаже лососевой икры на сайте «Авито» или в Телеграм-канале, демонстрация в социальной сети «ВКонтакте» содержания в домашних условиях леопарда и др.).

В частности, И. разместил в интернет-мессенджере Telegram в администрируемой им группе под названием «ИкраДел» публикации, содержащие изображения черной икры, контактные данные продавца и информацию о цене товара⁵.

Другой пример. М. в целях реализации незаконно приобретенной им икры рыбы калуги разместил в публичной группе «Камчатский берег» объявление о ее продаже. Чтобы заинтересовать покупателей, он намеренно сообщал им, что продаваемая им икра является икрой диких осетровых рыб, добытых из реки Амур браконьерским способом⁶.

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

² Приговор Дзержинского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 16 января 2023 г. URL: <https://arbitr.garant.ru/> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 31 июля 2023 г. URL: <https://arbitr.garant.ru/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁵ Приговор Красногорского городского суда Московской области от 5 июня 2023 г. URL: <https://arbitr.garant.ru/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁶ Приговор Ново-Савинского районного суда города Казани Республики Татарстан от 21 мая 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.10.2024).

Пунктом «а» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ и ч. 2.1 ст. 258¹ УК РФ предусмотрена ответственность за совершение общественно опасных деяний, указанных в диспозиции нормы, лицом с использованием своего служебного положения.

Пленум Верховного суда Российской Федерации в п. 3 постановления от 18 октября 2012 г. № 21 разъясняет, что использование служебного положения заключается не только в совершении лицом действий, входящих в круг его служебных полномочий, но и оказании влияния на других лиц значимостью и авторитетом своей должности. В пункте 3 указанного постановления также уточняется, что совершение преступления должностным лицом охватывается диспозицией нормы и дополнительной квалификации по ст. 285, 286 УК РФ не требует. Однако, согласно позиции высшей судебной инстанции, незаконная добыча или оборот особо ценных животных или биоресурсов, совершенные лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, подлежат уголовно-правовой оценке по совокупности соответствующих частей ст. 258¹ и 201 УК РФ.

С последним утверждением крайне сложно согласиться по двум причинам. Во-первых, существующее в теории уголовного права правило пенализации, согласно которому повышение строгости санкции находится в зависимости от возрастания степени общественной опасности преступления [3, с. 75], отражает специфику изменения (повышения или понижения) степени общественной опасности единых составных преступлений и, как следствие, — вид и размер наказания. Так, анализ санкции нормы, предусмотренной ст. 201 УК РФ, и санкций норм, предусматривающих ответственность за совершение незаконной добычи или оборота особо ценных животных или биоресурсов, совершенной лицом с использованием своего служебного положения, позволил сделать вывод о том, что степень общественной опасности преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ (наказывается лишением свободы до 6 лет) и ч. 2.1 ст. 258¹ УК РФ (наказывается лишением свободы от 3 до 7 лет) выше, чем в ч. 1 ст. 201 УК РФ (наказывается лишением свободы до 4 лет). Это значит, что ответственность за совершение лицом, выполняющим функции в коммерческой или иной организации, наказуемого по ст. 258¹ УК РФ деяния уже предусмотрено законодателем в качестве самостоятельного состава и дополнительной квалификации по ст. 201 УК РФ не требует.

Во-вторых, уголовный закон в редакции от 29 июля 2017 г. в ч. 2 ст. 258¹ УК РФ действительно предусматривал ответственность за совершение незаконной добычи или оборота особо ценных животных или биоресурсов, совершенных именно должностным лицом. Однако с октября 2019 г.¹ указанный в ч. 2 ст. 258¹ УК РФ признак «должностного лица» исключен, и уголовной ответственности подлежат лица, использующие свое служебное положение (и должностные лица, и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации). Вполне вероятно, что внесенные в 2019 г. изменения в уголовный закон не учтены Верховным Судом Российской Федерации в новой редакции постановления «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», которая начала действовать с 15 декабря 2022 г.

Еще одним квалифицирующим признаком анализируемых составов преступлений является совершение преступления в соучастии, а именно группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 258¹ УК РФ, ч. 3.1 ст. 258¹ УК РФ).

Для квалификации содеянного по ч. 3 или ч. 3.1 ст. 258¹ УК РФ как совершенного группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы деяние, предусмотренное указанными нормами, было совершено двумя или более лицами, заранее договорившимися о его совершении. Не имеет значения, совершены ли входящими в группу исполнителями одни и те же или разные общественно опасные деяния (например, каждый исполнитель осуществлял добычу либо один добывал особо ценных диких животных, а второй — продавал), если они охватывались единым умыслом.

Лица, содействовавшие указаниями, предоставлением орудий лова и другим образом способствовавшие совершению исследуемого преступления, привлекаются к уголовной ответственности в качестве пособников при условии, что им было достоверно известно о незаконности добычи или оборота.

Так, органами предварительного следствия признан пособником в незаконной перевозке особо ценных водных биологических ресурсов, принад-

¹ О внесении изменений в статью 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 16 октября 2019 г. № 340-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

лежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, О., который, используя свой личный автомобиль, сопровождал незаконно перевозимую партию рыбы калуги из побережья Амурского лимана до территории рыбоперерабатывающей базы в целях предупреждения А. и Н. о появлении сотрудников полиции либо сотрудников иных правоохранительных органов¹.

При юридической оценке содеянного, совершенного организованной группой, следует принимать во внимание, что действия всех участников устойчивой группы независимо от их роли и фактически совершенных деяний расцениваются как соисполнительство.

В частности, С. предложил М., Б., В., Л. объединиться под его непосредственным руководством и заняться на постоянной и долгосрочной основе преступной деятельностью по незаконной добыче, хранению, перевозке, пересылке и продаже рыб семейства осетровых. Организованная группа по распределенным ролям действовала следующим образом: С., М., Б., Л. незаконно добывали рыбу семейства осетровых, извлекали из нее икру и перевозили до набережной реки Амур, где их ожидал В. В. безвозмездно передавал мясо рыб неустановленным лицам. Далее М., В., Л., С.,

Б. перевозили икру и части рыб семейства осетровых до места временного хранения — дворовой территории жилого дома. В. перерабатывал и фасовал икру для целей последующего сбыта. Все участники группы обеспечивали сохранность рыб, их частей и дериватов (производных) на месте хранения для последующей пересылки и продажи².

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что, несмотря на существующие в правоприменительной практике трудности, связанные с толкованием отдельных признаков анализируемого состава преступления и вопросами квалификации указанных деяний, ст. 258¹ УК РФ является эффективным средством уголовно-правового противодействия незаконной добыче и обороту особо ценных животных и биоресурсов. Допускаемые при применении исследуемой нормы ошибки негативно влияют на эффективность всего комплекса мер уголовно-правового противодействия. При юридической оценке действий виновных лиц следует руководствоваться не только положениями уголовного законодательства и нормативных правовых актов, регламентирующих порядок обращения с указанными видами животных и биоресурсов, но и правилами, выработанными в теории квалификации преступлений.

1. Жевлаков Э. Н. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Уголовное право. 2014. № 1. С. 26—31.

2. Русскевич Л. А. Проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2022. № 12 (6). С. 85—98.

3. Пудовочкин Ю. Е., Андрианов В. К. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 71—84.

1. Zhevlakov E. N. Problems of application of the norm on liability for illegal bagging and trafficking of special valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Data Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation. Criminal Law, 26—31, 2014. (In Russ.).

2. Russkevich L. A. Problems of qualification of illegal bagging of special valuable wild animals and aquatic biological resources. Proceedings of the Southwest State University. Series "History and Law", 85—98, 2022. (In Russ.).

3. Pudovochkin Yu. Ye., Andrianov V. K. Structural regularities and rules to develop sanctions of criminal law rules. Russian Journal of Law, 71—84, 2018. (In Russ.).

¹ Приговор Охинского городского суда Сахалинской области от 4 апреля 2016 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

² Приговор Ульчского районного суда Хабаровского края от 12 октября 2021 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

Ефарова Марина Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Уральского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
solovyova11557@gmail.com

Efarova Marina Nickolayevna,
associate professor
at the department of criminal law
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
solovyova11557@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.2

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)**

Александр Александрович Лихолетов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru

Аннотация. Среди мер уголовно-правового характера следует признать судебный штраф, нашедший отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации в 2016 г. Изменения, внесенные в разделы IV и VI уголовного закона, детерминировали серьезную полемику, развернувшуюся в научной среде, разделив ученых на два противоборствующих лагеря — сторонников и противников существования положений о судебном штрафе. Кроме того, любая законодательная новелла вызывает не только активную дискуссию, но и нередко приводит к возникновению сложностей правоприменительного характера. В данной статье на основе комплексного изучения устоявшихся позиций ученых и результатов анализа применения положений о судебном штрафе при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях в сфере специальных видов предпринимательской деятельности акцентируется внимание на существующих проблемах и формулируются отдельные предложения по их устранению путем внесения изменений в ст. 104⁵ Уголовного кодекса Российской Федерации, а также формирования единообразной судебной практики принятия решений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, совокупность преступлений, судебный штраф, уголовная ответственность

Для цитирования: Лихолетов А. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретические и прикладные проблемы (на примере преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 34—40.

**RELEASE FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY
WITH IMPOSING A JUDICIAL FINE:
THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS
(ON THE EXAMPLE OF THE CRIMES RELATED TO IMPLEMENTING
SPECIAL TYPES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY)**

Alexandr Alexandrovich Likholetov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, a.likholetov@mail.ru

Abstract. A judicial fine to be fixed in the Criminal Code of the Russian Federation in 2016 should be considered an innovation among the measures of a criminal and legal nature. The changes made into Sections IV and VI of the Criminal Law determined a serious controversy that unfolded in the scientific community and divided the scientists into two opposing points of view, i. e. supporters and opponents of existence of provisions related to a judicial fine. In addition, any legislative innovation not only causes active discussion but also often leads to emergence of difficulties of a law enforcement nature. Based on the comprehensive study of the established positions of the scientists and the results of the analysis of applying the provisions on a judicial fine while trying criminal cases on the crimes related to special types of entrepreneurial activity by the courts, the author of the given article focuses on existing problems. The author also formulates certain proposals to eliminate the mentioned problems by amending Art. 104⁵ of the Criminal Code of the Russian Federation as well as to

form a uniform judicial practice to make decisions related to release from criminal responsibility with imposing a judicial fine.

Keywords: other criminal and legal measures, release from criminal responsibility, crimes related to special types of entrepreneurial activity, aggregate of crimes, a judicial fine, criminal responsibility

For citation: Likholetov A. A. Release from criminal responsibility with imposing a judicial fine: theoretical and applied problems (on the example of the crimes related to implementing special types of entrepreneurial activity). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—40, 2025. (In Russ.).

Анализ существующих в науке позиций относительно обоснованности дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) положениями о судебном штрафе представлен двумя основными кардинально противоположными позициями — сторонников и противников подобного законодательного шага. Не углубляясь в непрекращающуюся дискуссию, необходимо согласиться с исследователями, отметившими ряд недостатков совокупности принятых норм, но в целом поддержавших появление нового уголовно-правового явления.

Представляется, что внесенные изменения позволят снизить нагрузку на судебную систему и уменьшить число осужденных при одновременной реализации карательной функции государства, имеющей явную финансовую направленность в отношении лица, совершившего преступление. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. А. Егорова, появление судебного штрафа, помимо прочего, свидетельствует еще и о неэффективности применяемых властью и обществом мер по предупреждению преступности [1, с. 164].

Изучение теоретических воззрений относительно рассматриваемой меры уголовно-правового характера позволило прийти к выводу о наличии ряда сложностей теоретического и практического плана. Так, учеными обращено внимание на отсутствие законодательных предписаний и единообразной судебной практики по вопросу о нижнем пределе судебного штрафа. В частности, З. Б. Соктоев считает необходимым привести к единому значению минимальный размер данной меры уголовно-правового характера и наказания в виде штрафа [2, с. 91].

Однако уравнивание размеров наказания и судебного штрафа сложно признать оправданным в связи с неоднородностью их юридической сущности. Штраф, являясь мерой государственного принуждения за совершенное преступление, служит конкретно определенным целям: восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений.

Применение судебного штрафа при освобождении от ответственности, несмотря на очевидное отрицательное отношение со стороны власти к совершенному деянию, представляет собой проявление гуманизма к преступнику, не приводит к возникновению судимости и не выступает средством достижения целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Следует отметить, что отсутствие легального закрепления целей судебного штрафа приводит к некоторым сложностям в понимании его правовой природы. Л. В. Лобанова, отмечая отсутствие четко определенного законодателем основания для применения положений в ст. 76² УК РФ, указывает и на то, что нормотворцем также не определены цели применения анализируемой меры уголовно-правового характера [3, с. 18], что приводит к возникновению определенных сложностей при решении вопроса об освобождении от ответственности на практике.

Несоразмерность верхних границ штрафа, предусмотренного ст. 46 УК РФ, и судебного штрафа ставит вопрос о наличии логического основания для приведения к единству их нижних пределов [1, с. 162].

Таким образом, судебный штраф является менее строгим проявлением отношения государства к совершенному преступлению по сравнению с наказанием в виде штрафа, что свидетельствует о невозможности приведения их нижних границ к единому значению. Указанный тезис подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда России, согласно которой «правила ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются»¹.

Изучение практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

по делам о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности также позволило выявить отсутствие единообразия применения судами соответствующих предписаний разделов IV и VI УК РФ.

Преступлениями в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности следует считать виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, посягающие на общественные отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательства на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии, как на основной объект.

В настоящее время к указанным деяниям можно отнести следующие составы преступлений в сфере экономической деятельности: ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 171² «Незаконные организация и проведение азартных игр», ст. 171³ «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», ст. 171⁴ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 172 «Незаконная банковская деятельность» УК РФ. Вместе с тем незаконное предпринимательство до недавнего времени¹ в приведенном перечне выступало в качестве общей нормы по отношению к остальным преступлениям и относится к рассматриваемой группе в случаях осуществления предпринимательской деятельности без лицензии [4, с. 24]. Кроме того, нами отстаивается положение, согласно которому к преступлениям в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности необходимо относить деяния, ответственность за которые установлена в ст. 235 и 235¹ УК РФ (см. подробнее: [5, с. 28—31]). Стоит обратить внимание на то, что указанный перечень является открытым и может быть дополнен в случае внесения изменений в уголовное законодательство.

В рамках правоприменительной деятельности при установлении нижней границы судебного

штрафа при освобождении от ответственности лиц, совершивших преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, суды определяют его в пределах минимального размера штрафа — 5 000 рублей. Изучение судебной практики при этом показало, что рассматриваемая мера уголовно-правового характера применяется в 80,5 % случаев принятия решений об освобождении от уголовной ответственности² (табл.).

Вместе с тем встречаются решения, в которых объем выплаты определяется ниже суммы в 5 000 рублей. Так, при рассмотрении уголовного дела, возбужденного в отношении Ф. по факту незаконной розничной продажи спиртосодержащей пищевой продукции в количестве двух бутылок объемом 0,5 дм³ и 0,25 дм³ за 30 рублей, судом назначен судебный штраф в 1 500 рублей, при определении размера которого были учтены тяжесть совершенного преступления, имущественное положение осужденной, а также возможность получения ею заработной платы и иного дохода³.

Изложенное позволяет резюмировать, что нижний предел судебного штрафа целесообразно закрепить законодательно. В данном случае необходимо разделить позицию Л. А. Абашиной, Г. Л. Минакова, которые, анализируя закрепленную в ст. 104⁵ УК РФ верхнюю границу этой меры уголовно-правового характера, полагают, что ее минимальный размер тоже необходимо уменьшить наполовину от нижнего предела наказания в виде штрафа, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ, а при его отсутствии ограничить суммой в 2 500 рублей [6, с. 271].

² В целях изучения практики применения судами положений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа нами сплошным методом изучено 415 судебных решений, вынесенных в период с 01.01.2017 по 01.10.2024 по результатам рассмотрения уголовных дел о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, размещенных в свободном доступе на сайтах государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (<https://sudrf.ru/>), «СудАкт» (<http://sudact.ru/>), «Судпрактика» (<https://sud-praktika.ru/>) и «Актофакт» (<https://actofact.ru/>).

³ Постановление Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 26 октября 2023 г. по делу № 1-311/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 29.11.2024).

¹ Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ в ст. 171 УК РФ были внесены существенные изменения, декриминализировавшие формы незаконного предпринимательства, сопряженные с извлечением дохода в крупном (особо крупном) размере.

Таблица

**Предельные значения размеров судебного штрафа,
назначаемого по делам о преступлениях в сфере осуществления
специальных видов предпринимательской деятельности**

Квалификация	Величина судебного штрафа (руб.)			
	Основной состав		Квалифицированный состав	
	min размер	max размер	min размер	max размер
ст. 171 УК РФ	5 000	140 000	15 000	250 000
ст. 171 ² УК РФ	20 000	260 000	5 000	500 000
ст. 171 ³ УК РФ	10 000	300 000	35 000	300 000
ст. 171 ⁴ УК РФ	3 000	35 000		
ст. 172 УК РФ	30 000	200 000		
ст. 235 УК РФ	10 000	20 000	—	—
ст. 235 ¹ УК РФ	10 000	—	50 000	80 000

Таким образом, в ст. 104⁵ УК РФ предлагается закрепить положения о нижнем пределе судебного штрафа, который должен быть не менее половины минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, а в случае отсутствия такого наказания в санкции статьи его размер не может быть менее 2 500 рублей.

Не нашла своего решения проблема, связанная с особенностями применения предписаний об освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа в случае совокупности преступлений. Изучение правоприменительной практики по анализируемой категории преступлений позволяет констатировать, что суды определяют окончательный размер рассматриваемой меры уголовно-правового характера следующими способами.

1. Определением единой суммы судебного штрафа за все эпизоды преступной деятельности.

Так, Галичский районный суд Костромской области, решая вопрос об освобождении от ответственности в связи с назначением судебного штрафа в отношении Х., обвиняемой по ч. 1 ст. 165 и п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, установил его в размере 50 000 рублей за оба преступления¹. Представляется, что такой способ нарушает правила индивидуального подхода к определению объема выплат при при-

менении данной меры, установленные ст. 104⁵ УК РФ, и, как указывают исследователи, диссонирует с принципом справедливости уголовного закона [7, с. 113].

2. Определением размера судебного штрафа за каждое деяние самостоятельно.

Белорецким межрайонным судом Республики Башкортостан в отношении Ф., обвиняемого по ч. 1 ст. 171, ч. 5 ст. 174¹ УК РФ, размер судебного штрафа определен отдельно по каждому преступлению: за первый эпизод в сумме 25 000 рублей, за второй — 15 000 рублей².

Представленный способ определения объема денежных средств, подлежащих выплате при освобождении от уголовной ответственности, видится более удачным, ввиду того что он способствует выполнению требований об индивидуальном подходе при определении размера судебного штрафа с учетом тяжести совершенного преступления, а также сводит к минимуму проблемы, связанные с отменой данной меры по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 104⁴ УК РФ, и привлечением к ответственности в случаях его уплаты за одно из деяний, образующих совокупность.

В теории отмечают еще один вариант определения размера штрафа по делам о нескольких преступлениях, совершенных одним лицом, который представляет собой правило поглощения

¹ Постановление Галичского районного суда Костромской области от 15 июля 2019 г. по делу № 1-89/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 29.11.2024).

² Постановление Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 6 марта 2019 г. по делу № 1-145/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 29.11.2024).

менее строгого наказания более строгим либо частичного или полного их сложения, содержащееся в ч. 2 ст. 69 УК РФ [8, с. 19]. Такой подход сложно признать допустимым, поскольку, как отмечалось выше, Пленум Верховного Суда России указал на недопустимость применения положений о назначении наказания к ситуациям освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа. Более того, подобная практика идет вразрез с догматом о запрете применения уголовного закона по аналогии, составляющего принцип законности, закрепленный ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Таким образом, в случае освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по делам о преступлениях, совершенных в совокупности, размер данной меры уголовно-правового характера и сроки ее исполнения необходимо определять по каждому деянию, образующему совокупность, самостоятельно. Указанное положение необходимо закрепить законодательно.

Существенные проблемы порождает отсутствие единообразия в правоприменительной практике относительно решения вопроса о возможности назначения судебного штрафа за деяния, составы которых относятся к формальным. Причины возникновения указанной сложности кроются в легально закрепленном требовании о возмещении ущерба или заглаживании причиненного общественно опасным посягательством вреда иным образом в качестве условия освобождения от ответственности.

Необходимо подчеркнуть также наличие вопросов при определении размера и содержания ущерба от преступлений, посягающих на отдельные общественные отношения и характеризующиеся отсутствием потерпевшего (преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности и т. п.). В науке отмечается наличие у правоприменителя полярных позиций по данной проблеме: от отрицания оснований освобождения от уголовной ответственности по ст. 76² УК РФ в подобных ситуациях до применения положений о судебном штрафе даже при отсутствии возможности установления размера ущерба [9, с. 141—144].

Следует согласиться с точкой зрения ученых, утверждающих, что действие ст. 76² УК РФ распространяется и на деяния с формальным составом ввиду отсутствия в уголовном законодательстве каких-либо запретов и ограничений по данному поводу. Подобной позиции придерживается и правоприменитель.

Так, Абаканский городской суд Республики Хакасия, принимая решение об освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа за незаконные организацию и проведение азартных игр, совершенных группой лиц по предварительному сговору, в описательно-мотивировочной части постановления указал, что «отсутствие потерпевшего по уголовному делу и ненаступление вредных последствий от совершенного деяния, имеющего формальный состав преступления, не является безусловным препятствием к прекращению уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25¹ УПК РФ и ст. 76² УК РФ»¹.

В последующем такой подход был поддержан Верховным Судом России, дополнительно указавшим, что совершение преступления с формальным составом не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения, а содержание действий, направленных на его заглаживание и свидетельствующих о снижении степени общественной опасности посягательства и нейтрализации его вредных последствий, не может быть идентичным в разных ситуациях, а устанавливается с учетом особенностей конкретного деяния².

Таким образом, отсутствие потерпевшего или вредных последствий совершенного преступления, имеющего формальный состав, не является безусловным препятствием к освобождению от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. В таких ситуациях правоприменителю необходимо в каждом случае устанавливать, в чем конкретно выразилось возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного деянием со стороны лица, его совершившего.

Безусловно, в настоящей статье освещена лишь малая часть проблем теоретического и практического характера, возникающих при применении положений о судебном штрафе, и рассматриваемая тема требует дальнейшей научной разработки. Однако следует подчеркнуть актуальность тезиса Н. А. Лопашенко, согласно которому «исследова-

¹ Постановление Абаканского городского суда Республики Хакасия от 06.05.2019 по делу № 1-564/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 30.11.2024).

² Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

ния с устоявшимися результатами рано или поздно воплощаются в правовые нормы через уголовное законодательство» [10, с. 48], и это позволяет допускать мысль о том, что нормотворцем когда-

нибудь будут приняты меры, направленные на минимизацию существующих в правоприменительной деятельности сложностей.

1. Егорова Н. А. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: теоретический, законодательный и правоприменительные аспекты // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 158—166.

2. Соктоев З. Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90—94.

3. Лобанова Л. В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний // Legal Concept = Правовая парадигма. 2017. № 3. С. 14—20.

4. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Москва: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

5. Лихолетов А. А. Пути совершенствования уголовной ответственности за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 28—31.

6. Абашина Л. А., Минаков Г. Л. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 2. С. 266—274.

7. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106—114.

8. Красущих Л. В., Беляева И. М. Некоторые проблемы применения судебного штрафа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2022. Т. 22, № 2. С. 17—22.

9. Скрипченко Н. Ю. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: законодательное регулирование и практика применения // Legal Concept = Правовая парадигма. 2018. № 2. С. 139—147.

10. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.

1. Yegorova N. A. New type of release from criminal responsibility: theoretical, legislative and law enforcement aspects. Russian journal of legal research, 158—166, 2017. (In Russ).

2. Soktoev Z. B. Problems of applying the norms on judicial fine. Criminal law, 90—94, 2017. (In Russ).

3. Lobanova L. V. Legal nature of judicial fine and prospects of large-scale decriminalization of criminal acts. Legal concept = Pravovaya paradigma, 14—20, 2017. (In Russ).

4. Likholetov A. A. Criminal and legal characteristics and problems of qualification of crimes related to special types of entrepreneurial activity. Monograph. Ed. by doctor of juridical sciences, docent N. A. Yegorova. Moscow: Yurлитinform; 2020: 288. (In Russ).

5. Likholetov A. A. Ways to improve criminal responsibility for illegal production of medicines and medical devices. Russian justice, 28—31, 2017. (In Russ).

6. Abashina L. A., Minakov G. L. Judicial fine is said to be a new different measure of a criminal and legal nature. All-Russian criminological journal, 266—274, 2018. (In Russ).

7. Skripchenko N. Yu. Judicial fine: problems of implementing legislative innovations. Journal of Russian law, 106—114, 2017. (In Russ).

8. Krasutskikh L. V., Belyayeva I. M. Some problems of applying a judicial fine. Journal of the South Ural State University. Series "Law", 17—22, 2022. (In Russ).

9. Skripchenko N. Yu. Release from criminal responsibility related to imposing a judicial fine: legislative regulation and practice of applying. Legal concept = Pravovaya paradigma, 139—147, 2018. (In Russ).

10. Lopashenko N. A. Fundamentals of criminal and legal impact: criminal law, criminal statute, criminal and legal policy. Monograph. Saint Petersburg: Press legal center; 2004: 339. (In Russ).

Лихолетов Александр Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
a.likholetov@mail.ru

Likholetov Alexandr Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
a.likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.9

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА**

Людмила Валерьевна Пивнева

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия
iPvmila@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время с помощью новых информационных технологий можно быстро, а главное удобно, произвести разные финансовые операции в безналичной форме, в связи с чем в виртуальную среду переместились большие потоки денежных средств. Однако эти манипуляции с денежными средствами до сих пор не имеют высокой степени правовой, организационно-технической защиты. Вследствие этого информационное пространство с каждым годом все более активно осваивают не только обычные граждане, но и профессиональные преступники, чей промысел как раз и ориентирован на постоянное извлечение прибыли от совершения преступлений. В результате особую актуальность сейчас приобретают вопросы криминологической оценки деятельности отдельных категорий преступников-профессионалов, промышленных в виртуальной сфере.

В связи с изложенным целью исследования является определение особенностей профессиональной преступной деятельности компьютерных мошенников в условиях развития информационного пространства.

В статье рассмотрены основные специализации современных компьютерных мошенников (фишеры и кардеры), определены присущие им признаки криминального профессионализма. Установлено, что они с каждым днем становятся все профессиональнее. Для противодействия этой преступной деятельности считаем необходимым: а) совершенствовать уголовное законодательство в русле уточнения категориально-понятийного аппарата, используемого при квалификации компьютерных мошенничеств, предусмотрения соизмеримой характеру и степени общественной опасности уголовной ответственности за совершение компьютерных мошенничеств на систематической основе; б) модернизировать работу правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с компьютерным мошенничеством; в) усилить техническую защиту систем хранения безналичных денежных средств на банковских счетах; г) повысить общий уровень цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: компьютерное мошенничество, профессиональный преступник, уголовный закон, кардеры, фишеры, криминальный профессионализм, киберпреступники

Для цитирования: Пивнева Л. В. Профессиональное компьютерное мошенничество как разновидность профессиональной преступной деятельности в современных условиях развития информационного пространства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 41—47.

**PROFESSIONAL COMPUTER FRAUD
AS A TYPE OF PROFESSIONAL CRIMINAL ACTIVITY
IN THE CURRENT CONDITIONS OF INFORMATION SPACE DEVELOPING**

Lyudmila Valeriyevna Pivneva

Southwest State University, Kursk, Russia
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia, iPvmila@yandex.ru

Abstract. Currently, by using new information technologies, it is possible to quickly and conveniently perform various financial transactions in cashless form, and therefore large cash flows have moved into the virtual environment. However, these manipulations with financial resources still do not have a high degree of legal, organizational and technical protection. Consequently, not only ordinary citizens are actively exploring the information

space every year, but also professional criminals, whose activity is precisely focused on continuous gaining profit from committing crimes. As a result, the issues of criminological assessing activities of certain categories of criminals-professionals working in the virtual sphere are becoming particularly relevant.

Based on mentioned above, the purpose of the study is to determine the features of professional criminal activity of computer fraudsters in the context of the information space developing.

The article considers the main specializations of modern computer fraudsters (phishers and carders), identifies their inherent signs of criminal professionalism. It is established that they are becoming more professional every day. To counteract this criminal activity, we consider it necessary to: a) improve criminal legislation in sphere of clarifying the categorical and conceptual framework used while qualifying computer fraud; providing for criminal liability commensurate with the nature and degree of public danger for committing computer fraud on a systematic basis; b) modernize the work of law enforcement agencies engaged in combating computer fraud; c) strengthen the technical protection of cashless financial storage systems on bank accounts; d) increase the general level of public digital literacy.

Keywords: computer fraud, professional criminal, criminal law, carders, phishers, criminal professionalism, cybercriminals

For citation: Pivneva L. V. Professional computer fraud as a type of professional criminal activity in the current conditions of information space developing. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 41—47, 2025. (In Russ.).

Профессиональная преступность считается крайне опасным антиобщественным явлением, поскольку от уровня ее развития прямо зависит благосостояние и спокойствие общества и государства. Однако появляется достаточно много новых разновидностей профессиональной преступной деятельности, и связано это во многом с усложнением социально-экономических отношений в современном российском обществе, а главное — активной цифровизацией отечественной экономики. На данный момент информационно-телекоммуникационная сфера развивается достаточно интенсивно, и эту область активно осваивают не только обычные граждане, но и преступники, причем не только «рядовые», но и профессиональные [1]. И особое место в структуре киберпреступности имеет достаточно распространенное в последнее время компьютерное мошенничество [2], представляющее реальную опасность для современных финансовых операций, совершаемых в дистанционной форме [3].

Цель настоящей статьи — определить особенности профессиональной преступной деятельности компьютерных мошенников в современных условиях развития информационного пространства.

Основываясь на анализе современной специальной научной литературы и правоприменительной практики, под компьютерным мошенничеством следует подразумевать совокупность корыстно совершенных преступлений, в процессе выполнения которых лицом для достижения преступной цели (завладения чужим имуществом или правом на чужое имущество) [4] осуществляются различные манипуляции с данными, программами, аппа-

ратной частью ЭВМ и т. п. [5] Стоит также отметить, что компьютерное мошенничество в первую очередь связано с противоправным умышленным искажением, изменением или раскрытием указанных данных [6] в целях получения материальной выгоды с помощью компьютерной системы, особенно с использованием коммуникационных, технологических возможностей сети Интернет [7]. Однако полагаем, что использование самого понятия «мошенничество» по отношению к такого рода преступлениям достаточно условно, поскольку данная разновидность общественно опасной деятельности предполагает передачу имущества либо права на имущество без непосредственного участия жертвы преступления, которая даже не догадывается о том, что тем или иным своим действием подтверждает право передачи преступнику денежных средств, иных материальных ценностей. В связи с этим такой волевой признак, как добровольность, свойственный обману (злоупотреблению доверием), в определенной степени (применительно к данной разновидности преступной деятельности) отсутствует. Хотя в специальной научной литературе при характеристике таких деяний используются именно указанные понятия.

Отдельно отметим, что компьютерное мошенничество меняется в настоящее время не только количественно, но и качественно, в первую очередь активно профессионализируясь, поскольку Интернет в настоящее время создает наиболее благоприятные условия для занятия этой разновидностью преступной деятельности. Как справедливо отмечает исследователь А. А. Комаров,

сегодня интенсивная коммерциализация сервисов в Интернете, а также появление новых финансовых услуг и инструментов сделали более прибыльным и безопасным осуществление привычных мошеннических схем в Сети. В результате традиционные мошеннические схемы быстро «перекочевали» в Интернет. Именно поэтому компьютерное мошенничество фактически стало исключительно профессиональным преступлением [1].

Общеизвестно, что в настоящее время профессиональные мошенники изобретают все более изощренные схемы обмана пользователей виртуальной сети, в результате чего жертва отдает преступникам крупные суммы денежных средств, иные материальные ценности. Компьютерные мошенники создают различные сайты-двойники, пользуются массовыми рассылками, а также персональными данными лиц, полученными в сети Интернет, для хищения финансов с банковских счетов и др.

Кроме того, сами технологии совершения компьютерного мошенничества заметно эволюционируют ввиду модернизации современных компьютерных систем, в первую очередь с технической точки зрения, причем занимаются этим нередко сами преступники. Указанные действия отдаленно напоминают схему создания вирусов и антивирусных программ, ведь как только сотрудники сферы информационной безопасности совершенствуют охраняемые системы в целях противодействия деятельности злоумышленников, преступники в свою очередь придумывают новые обходные пути, схемы обмана и т. п. Этот процесс непрерывен, в связи с чем данную разновидность преступной деятельности можно по праву считать сверхинтеллектуальной и особо профессионализированной сферой в условиях современности [8].

Примечательно, что среди компьютерных мошенников современные исследователи также выделяют такую группу преступников, как «профессионалы». Например, ученый В. Б. Верхов условно разделяет компьютерных мошенников на следующие три категории правонарушителей: лиц, отличающихся профессионализмом в данной сфере и определенным фанатизмом по отношению к своей деятельности; лиц, имеющих психические отклонения, в том числе страдающих «информационными» болезнями; профессиональных мошенников, «промышляющих» в сети Интернет с явно выраженными корыстными интересами. Вместе с тем, как подчеркивает исследователь, именно последняя группа преступников считается наиболее опасной для государства и общества, поскольку такие лица совершают практически 80 % преступ-

лений, связанных с мошенничеством в виртуальном пространстве, причем в крупных и особо крупных размерах [9].

В свою очередь профессиональных компьютерных мошенников также подразделяют на группы в зависимости от их криминальной специализации. Так, некоторые исследователи выделяют среди таких «профессионалов» фишеров и кардеров [10].

Кардеры (от англ. card — кредитная карточка) — это лица, незаконно использующие информацию о платежных средствах, принадлежащую третьим лицам. Само понятие «кардерство» как вид мошенничества появилось недавно. Как отмечают ученые, способы хищения денежных средств с банковских карт, представляющих собой именные платежные документы, существенно отличаются от иных форм хищений [11]. Кроме того, современные исследователи выделяют среди этих преступников интернет-кардеров, или сетевых кардеров, работающих только с информацией, и реальных кардеров, которые совершают преступления с помощью пластиковых клонов кредитных карт [12].

Фишеры (от англ. fishing — рыбная ловля) — преступники, осуществляющие путем обмана пользователей сбор конфиденциальных данных о различных платежных средствах в своих корыстных целях [13]. Профессиональные фишеры, помимо обладания особыми техническими знаниями, умениями и навыками, владеют еще и методами и приемами социальной инженерии, позволяющими воздействовать, в том числе удаленно, на сознание человека. Занятие фишингом основано в первую очередь на незнании пользователей виртуальной сети норм сетевой безопасности [14]. Как правило, жертвами фишинга становятся клиенты банков, а также пользователи различных электронных платежных систем, посетители виртуальных аукционов, поскольку через получение доступа к учетным записям от тех или иных сервисов, к которым привязаны денежные средства, мошенники, как правило, и овладевают этими денежными средствами [15]. Особо примечательно, что наиболее изощренные способы совершения мошенничества, в частности фишинг, в настоящее время не нашли должного отражения даже в международном законодательстве [16].

Кроме того, у современных кибермошенников существуют не только «свои» специализации, но и хорошо отработанные схемы обмана, что также указывает на профессиональный характер деятельности преступников, их высокую криминальную квалификацию [17]. Так, в настоящее время

достаточно распространены различные махинации с криптовалютами. Профессиональные мошенники изобретают чуть ли не ежедневно новые способы получения материальной выгоды с помощью современных компьютерных систем. Например, в некоторой степени ноу-хау считается заражение программного обеспечения пользователя так называемым вирусом-вымогателем, который способен уничтожить все хранившиеся на компьютере данные и буквально парализовать работу всего программного обеспечения. Однако при этом «вирус-вымогатель» предлагает своей жертве пойти на своего рода сделку и за определенную плату вернуть утраченную информацию. Но даже после получения вирусом, т. е. преступником, создавшим и (или) запустившим этот вирус, денежных средств данные на компьютере, как правило, так и остаются в зашифрованном виде. И жертва не получает взамен ничего¹.

Отметим также, что в сообществе компьютерных мошенников за непродолжительный период их активной деятельности даже сложилась своя особая криминальная субкультура [10], поскольку их промыслу присуща устойчивость взглядов и выработанность особых норм поведения в виртуальном пространстве, что тоже указывает на профессиональный характер их деятельности. Форумы профессиональных компьютерных мошенников, иные площадки, на которых общаются, делятся опытом «профессионалы», в настоящее время имеют закрытый характер, за счет чего преступники обеспечивают себе неуязвимость от уголовного преследования [18]. Об этом говорит также высокая латентность указанного вида преступлений, которая, по отдельным данным, достигает в ряде случаев 95 % [19]. Вследствие этого неуязвимость от уголовного преследования, наряду с формированием внутри данного преступного сообщества собственной криминальной субкультуры, считаем необходимым отнести к признакам криминального профессионализма, позволяющим идентифицировать деятельность многих современных компьютерных мошенников как деятельность преступников-профессионалов.

Так, современным профессиональным компьютерным мошенникам свойственны такие признаки криминального профессионализма, как воспри-

ятие преступной деятельности в качестве средства для извлечения дохода, наличие криминальной субкультуры, преступной специализации и квалификации, «неуязвимость» от уголовного преследования. Все это в совокупности обязывает современных законодателей, правоприменителей, прочие заинтересованные субъекты, а также правоохранительные органы постоянно совершенствовать работу по противодействию промыслу профессиональных компьютерных мошенников [20], на что указывают и сами сотрудники МВД России². Следовательно, можно заключить, что проблема борьбы с этой опасной разновидностью преступной деятельности давно стала серьезной для общества и государства в целом и для правоохранительных органов в частности.

Таким образом, в связи с широкой распространенностью, высоким уровнем латентности и значительной динамикой компьютерного мошенничества, его высокой степенью профессионализации считаем стратегической задачей современной политики российского государства решение данной проблемы. Для эффективного противодействия развитию этой разновидности преступной деятельности, учитывая существующие трудности в процессе защиты общественных отношений от посягательств компьютерных мошенников, находим целесообразным предпринять ряд мер. Важно и далее совершенствовать отечественное уголовное законодательство посредством уточнения категориально-понятийного аппарата, используемого при квалификации компьютерных мошенничеств, предусмотрения соизмеримой характеру и степени общественной опасности уголовной ответственности за совершение компьютерных мошенничеств на систематической основе. Кроме того, необходимо совершенствовать деятельность правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с компьютерным мошенничеством, совершаемым в том числе на профессиональной основе, посредством внедрения в работу правоохранителей новых информационных технологий, общего повышения квалификации сотрудников в цифровых областях знаний, модернизации технических средств обнаружения и расследования компьютерных преступлений и обеспечения ими тех, кто занимается расследованием таких общественно опасных деяний. И, наконец, требуется усиление техниче-

¹ Десять схем кибермошенничества, о которых следует знать. URL: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-57-tehnologii/20007-desyat-shem-kiber-moshennichstva-o-kotoryih-vam-sleduet-znat/> (дата обращения: 02.06.2024).

² Международная конференция AntiFraud Russia — 2013 успешно завершила свою работу. URL: <http://npc.ru/media/news/?id=931> (дата обращения: 01.09.2024).

ской защиты систем хранения безналичных денежных средств на банковских счетах физических и юридических лиц, а равно и повышение общего

уровня цифровой грамотности населения для противодействия профессиональным компьютерным мошенникам.

1. Комаров А. А. Компьютерное мошенничество в России и США: анализ количественных показателей за 2002—2012 гг. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 172—177.

2. Бадзгардзе Г. Д. О характеристике личности субъекта мошенничества в сфере компьютерной информации // КриминалистЪ. 2022. № 4 (41). С. 56—63.

3. Магомедов Г. М. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании мошенничеств, совершаемых при помощи электронных средств платежа // Закон и право. 2024. № 4. С. 209—212.

4. Самиулина Я. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной регламентации // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С. 62—65.

5. Хайбрахманова А. Д. Вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации: теория и практика // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 267—276.

6. Семенихина Т. Н. О некоторых особенностях использования специальных знаний при расследовании дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 92—96.

7. Барокко Л. А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 15—19.

8. Коликов Н. Л. Профессиональная компьютерная преступность и мошенничество // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2011. № 40 (257). С. 61—64.

9. Козлов В. Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. Москва: Горячая линия — Телеком, 2002. 336 с.

10. Гайфутдинов Р. Р. Типы компьютерных мошенников // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 54—58.

11. Хисамова З. И. Кардерство в современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 97—100.

1. Komarov A. A. Computer-related fraud in Russia and the USA: quantity data analysis for the period of 2002—2012. Legal science and law enforcement practice, 172—177, 2016. (In Russ.).

2. Badzgaradze G. D. To the question of personality profile subjected to computer-related fraud. Criminalist, 56—63, 2022. (In Russ.).

3. Magomedov G. M. To the question of special knowledge application while investigating electronic payment fraud. Law and legality, 209—212, 2024. (In Russ.).

4. Samiulina Ya. V. Computer-related fraud: statutory regulation issues. Journal of the Samara Law Institute, 62—65, 2023. (In Russ.).

5. Khaibrakhmanova A. D. Computer-related fraud identification matters: theory and practice. Legal science, 267—276, 2023. (In Russ.).

6. Semenikhina T. N. Some peculiarities of special knowledge use while investigating computer-related remote transaction fraud. Society and law, 92—96, 2022. (In Russ.).

7. Barokko L. A. To the question of computer-related fraud peculiarities in the Russian Federation criminal legislature. Economic security journal, 15—19, 2024. (In Russ.).

8. Kolikov N. L. Professional computer crime and fraud. Journal of South Ural State University. "Law" series, 61—64, 2011. (In Russ.).

9. Kozlov V. Ye. Theory and practice of combating computer crime. Moscow; 2002: 336. (In Russ.).

10. Gayfudinov R. R. Types of computer fraudsters. Economics, law and sociology journal, 54—58, 2017. (In Russ.).

11. Khisamova Z. I. Card fraud in contemporary Russia. Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA, 97—100, 2012. (In Russ.).

12. Akindeeva A. V. Bank card fraud. Scientific letters of the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov of Russian Customs Academy, 263—271, 2005. (In Russ.).

13. Zavyalov A. N. Internet fraud (phishing): combat and prevention issues. Baikal research journal, 36—42, 2022. (In Russ.).

14. Pekareva V. V., Frolovskaya Yu. I. Researching the phishing phenomenon as a current issue of information space. Agricultural and land law, 101—102, 2023. (In Russ.).

12. Акиндеева А. В. Кардинг в сфере оборота банковских карт // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2005. № 2 (24). С. 263—271.

13. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения // Baikal Research Journal. 2022. № 2. С. 36—42.

14. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Исследование феномена фишинга как насущной проблемы информационного пространства // Аграрное и земельное право. 2023. № 10 (226). С. 101—102.

15. Жиделев В. Г. Некоторые аспекты квалификации преступлений в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном законодательстве // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 23—25.

16. Данько О. С., Медведева Т. А. Исследование техник фишинга и методов защиты от него // Молодой исследователь Дона. 2021. № 3 (30). С. 60—66.

17. Могунова М. М. Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 135—141.

18. Полстовалов О. В., Галяутдинов Р. Р. Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 120—127.

19. Ершова Е. А. Некоторые вопросы «компьютерного мошенничества» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1 (10). С. 103—107.

20. Филимонов С. А. Некоторые особенности борьбы с транснациональным компьютерным мошенничеством // Вопросы управления. 2014. № 5 (11). С. 236—243.

15. Dzydelev V. G. Some aspects of computer-related crime identification in Russian and international legislature. A person: crime and punishment, 23—25, 2012. (In Russ.).

16. Danko O. S., Medvedeva T. A. Researching phishing techniques and methods of protection against it. Young researcher of the Don, 60—66, 2021. (In Russ.).

17. Mogunova M. M. Implementation technology and the legal regulation of personal bank details theft (phishing). Journal of Saratov State Law Academy, 135—141, 2020. (In Russ.).

18. Polstovalov O. V., Galyautdinov R. R. Organised forms of online fraud: types of computer-related and high-tech fraud and peculiarities of their committing. Legal studies, 120—127, 2023. (In Russ.).

19. Yershova Ye. A. Some "computer-related fraud" issues. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 103—107, 2009. (In Russ.).

20. Filimonov S. A. Some peculiarities of combating transnational computer-related fraud. Management issues, 236—243, 2014. (In Russ.).

Пивнева Людмила Валерьевна,

аспирант кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета,
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина;
iPVmila@yandex.ru

Pivneva Lyudmila Valeriyevna,

postgraduate student at the department
of criminal law
of the Southwest State University,
lecturer at the department of detective activities
of the Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia;
iPVmila@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДИФФАМАЦИИ**Павел Андреевич Спиваков**Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, ostrovludnikova@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании изучен исторический процесс изменения отношения юридического сообщества и общественности ряда стран к понятию «диффамация». Современное правовое и общественное толкование термина «диффамация» отлично от его исходного исторического толкования, оно ограничено распространением не соответствующих действительности порочащих сведений (см.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5). В историческом понимании диффамация — синоним опорочивания, которое наряду с ложью использует и иные способы распространения сведений. Следовательно, современное понимание опорочивания как общественно опасного деяния сведено к понятию «клевета». Данное обстоятельство ведет к ограничению прав граждан и юридических лиц на государственную защиту их чести, достоинства и деловой репутации от опорочивания, совершаемого иными способами.

В рамках исследования поставлен вопрос о том, что любой вид опорочивания является неправомерным независимо от того, являются ли порочащие сведения ложными или нет. Для того чтобы раскрыть противоправную природу любого вида опорочивания, проведено ретроспективное исследование механизмов государственной защиты чести, достоинства и деловой репутации в различных государствах в различные исторические периоды. Осуществлен межкультурный и философский анализ восприятия участниками общественных отношений рассматриваемого явления, цель которого — демонстрация преступного характера действий субъекта диффамации. Проанализированы последствия и опасность опорочивания лица истиной, в особенности с использованием различных видов тайн, сделан вывод о недооцененности участниками общественных отношений опасности опорочивания лица определенными видами истины. Предложено разграничить понятия «клевета» и «диффамация», а также определить пределы реализации прав на свободу слова и выражения мнения в рамках защиты интересов личности и общества.

Ключевые слова: честь, репутация, деловая репутация, диффамация, опорочивание, очернение, истина, ложь, оговор, презумпция добросовестности

Для цитирования: Спиваков П. А. Криминологическая природа диффамации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 48—56.

CRIMINOLOGICAL NATURE OF DEFAMATION**Pavel Andreyevich Spivakov**Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia, ostrovludnikova@yandex.ru

Abstract. The historical process of changing the relations of the legal community and the public of a number of countries to the concept of "defamation" is researched in this article. Modern legal and public interpretation of the term "defamation" differs from its initial historical interpretation. It is limited by defaming information, that is not true (see: the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation by the courts of general jurisdiction" dated October 10, 2003, No. 5). In the historical context, defamation is a synonym to "discredit", that, along with a lie, uses other methods to deliver information. Consequently, a modern interpretation of a "discredit" as a socially dangerous act means "slander / libel". This factor restricts the rights of citizens and legal entities to state protection of their honor, dignity and business reputation from discredit, committed in other ways.

As a part of the research, the issue has been raised that any type of slander / libel is illegal, regardless of whether defamatory information is false or not. In order to reveal the unlawful nature of any type of discredit: a retrospective research of the mechanisms of state protection of honor, dignity and business reputation in various historical periods is done; inter-cultural and philosophical analysis to take in the considered phenomenon by participants in social relations, the purpose of which is a demonstration of the criminal nature of the actions of the subject of defamation is made; the consequences and danger to discredit a person by using a truth especially by using various types of secrets, are analyzed; a conclusion to underestimate (by public relations participants) the danger to discredit the person with certain types of truth is made; the concepts of "slander / libel" and "defamation" are proposed to differentiate, as well as determine the limits of the realization of rights to freedom and expressing opinions in the context of protecting interests of the individual and society.

Keywords: honor, reputation, business reputation, defamation, discredit, defamation / libel, truth, lie, slander, presumption of honesty

For citation: Spivakov P. A. Criminological nature of defamation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 48—56, 2025. (In Russ.).

Российское общество в настоящий момент находится на последней стадии вступления в информационное общество. Все элементы отечественной системы общественных отношений, будь то культурные, экономические, религиозные, политические, бытовые и иные, все более интегрированы в единые процессы цифровой трансформации. На пути к информационному обществу все более важную роль играет общественное мнение и социальный облик участников общественных отношений, выражаемый, как правило, в репутации (в том числе деловой) субъектов.

Ключевым элементом взаимодействия между субъектами является информация. Современный человек не боится что-то узнать, скорее он опасается чего-то не знать, особенно в сфере собственных интересов и окружающей действительности. С такими личностными установками в условиях динамического развития информационной сферы, в частности социальных сетей и блогосферы, каждое лицо представляет собой идеального информационного реципиента. С развитием новых способов, методов и механизмов взаимодействия между гражданами, организациями и государством развиваются и новые инструменты совершения общественно опасных деяний. Сложившиеся условия информационной зависимости участников общественных отношений являются идеальной средой для развития новых видов преступной деятельности, заключающейся в формировании ошибочного или негативного общественного мнения о каком-либо лице. В результате действий злоумышленников подрываются честь, достоинство и деловая репутация лиц, что в условиях информационного или прединформационного общества влечет тяжелые личностные и экономические последствия для субъекта указанных благ. Деятельность осуществляется в рамках реализации прав на свободу слова и выражения мнения под видом

открытых дебатов или защиты как личных, так и общественных интересов, однако истинными мотивами акторов являются личная заинтересованность или корысть. В результате действий злоумышленников, как правило, создаются благоприятные условия для совершения более тяжких преступлений, таких как вымогательство, принуждение к совершению сделок, а равно отказ от них, ограничения избирательных прав граждан и других прав. Создание таких условий и есть цель противоправных действий.

Современное отечественное уголовное право защищает граждан от клеветы, т. е. распространения ложных порочащих сведений, но не обеспечивает защиты от опорочивания, совершаемого с использованием истинных сведений.

На различных этапах развития мировой юриспруденции для обозначения преступления, связанного с опорочиванием кого-либо, использовался термин «диффамация», изначально применявшийся в широком смысле. Анализ современного российского законодательства показал, что термин «диффамация» в нем присутствует, но в смысле, тождественном клевете.

В рамках изучения вопроса о действительной общественной опасности диффамации лиц с использованием любых видов сведений проведен исторический и социально-философский анализ данного понятия.

Начиная с периода становления права и до начала прошлого века под диффамацией понималось неправомерное деяние, требующее судебного разбирательства даже тогда, когда утверждения злоумышленника были неоспоримо правдивы (судами древней Англии при рассмотрении дел об опорочивании применялась максима: «Чем больше правды, тем больше опорочивания» (The greater the truth, the greater the libel)) [1, p. 394].

Обращение к ряду толковых словарей дает понимание, что термин «диффамация» (от лат. *diffamo* — порочу) в праве ряда государств толковался как «распространение (разглашение) сведений, позорящих честь конкретного лица или учреждения». От «клеветы» его отличал более широкий смысл, включавший и распространение сведений достоверного характера [2, с. 145]. Согласно толкованию словаря-справочника А. А. Иванова, диффамация (от лат. разглашать, предавать гласности, лишать доброго имени, опорочивать) — это умышленное разглашение действительных или ложных сведений, порочащих общую репутацию или деловую репутацию лица [3, с. 116]. Такого рода злонамеренные действия неоспоримо нацелены на причинение вреда нематериальным благам лица, в отношении которого совершаются действия, влекущие опорочивание. Результатом данных действий является причинение ему ущерба или страданий.

В последующие столетия в правовых и семантических категориях ряда стран из понятия диффамации был исключен признак «достоверные или истинные сведения» как средство опорочивания. Толкование диффамации более не включает в себя правдивые сведения, которые стали средством защиты злоумышленника в судебных процессах о диффамации. В ряде правовых систем наличие достоверных сведений исключает факт опорочивания. Даже вне юриспруденции, в быту, ложь стала общепринятым смыслом диффамации. Сегодня большинство словарей в странах английской правовой семьи толкуют термин «опорочивание» как распространение ложной информации.

Современное понимание термина «диффамация» во многих странах искажено в пользу узкого значения, которое впоследствии нашло свое применение в законе. В настоящей работе исследована общая смысловая нагрузка рассматриваемой дефиниции в широком смысле, в сравнении с юридическим общепринятым толкованием. Продемонстрирован тот факт, что «диффамация истиной» (диффамация, основанная на верных сведениях, порочащих лицо) также может являться средством совершения преступлений и влечь непоправимые последствия для носителей благ, подвергающихся опорочиванию. В особенности если это связано с использованием подлинных сведений, относящихся к различным категориям тайн.

Исторически считалось неправильным и даже преступным публично порочить кого-либо. Древнеримский закон запрещал публичное порицание другого лица (истиной или нет — не имело зна-

чения) [4]. Католическая традиция запрещала акт «умаления», который приравнялся к распространению негативной правды о другом человеке, еврейская традиция запрещала «лашон харах», акт негативного высказывания о другом человеке, пусть и безошибочного (истинного). Разумеется, ложь тоже относилась к преступному посягательству на честь, достоинство и репутацию человека или объединения.

Самое раннее английское употребление термина «диффамация» объединяло обе эти формы нанесения ущерба репутации в единый вид деяния, не разделяя на «опорочивание, совершенное с использованием лжи» или «опорочивание с использованием правды». Первый словарь английского языка 1603 г., составленный Р. Коудри в алфавитной таблице, определял слово «диффамация» как «оговаривать плохо, плохо отзываться о...» [5]. Более известный том «Словаря английского языка» С. Джонсона 1768 г. давал похожее определение, но детализировал его, толкуя диффамацию как «акт порочения или навлечения позора на другого» [6]. Исходя из этого, определение диффамации Джонсона включало в себя действия правонарушителя, совершаемые с использованием истинных сведений.

Изначально в древнее английское право из древнего римского в качестве видов диффамации были переняты наговор, осуждение, порицание, умаление достоинства. В ходе формирования английской юридической практики было принято решение о выделении двух видов диффамации: 1) оговора, совершаемого в устной форме; 2) клеветы, совершаемой письменно. Стоит отметить, что клевета признавалась более серьезным преступлением, чем оговор.

Юридическая практика того времени отражает рассматриваемое толкование. Изучение уголовных дел о клевете XVII—XVIII вв. показало, что судами преимущественно принималась точка зрения органа власти Великобритании, называемого «Звездной палатой» (существовавший в 1487—1641 гг. чрезвычайный суд при короле Англии), о том, что истина не имеет отношения к обнародованию правильной (правдивой) или неправильной (ложной) порочащей информации. Для них важно было, с какой целью она используется, а именно во благо (равно — для защиты) или для злонамеренного очернения.

Вышеизложенное не говорит о том, что в указанный исторический период диффамация истиной приравнялась по степени тяжести к диффамации ложью. Прецедентное право Англии

конца XVIII в. рассматривало серьезность последствий распространения порочащих сведений в каждом конкретном случае, но при этом устное деяние признавалось менее тяжким, чем написанное на бумаге или в произведении.

Для примера представим цитату из разъяснения суда XVIII в.: «Несмотря на то что в действиях, связанных с распространением устной речи порочащего характера, закон из сострадания признает истинность обвинения, на которое можно сослаться в качестве оправдания, все же эта мягкость закона не должна быть распространена на письменный скандал, в котором автор действует с большим хладнокровием, тогда как на словах люди часто в пылу страсти говорят вещи, за которые им впоследствии стыдно, но скандал скорее угасает и забывается. Поэтому, из большей степени озорства и злобы, сопутствующих одному, чем другому, закон позволяет стороне оправдываться истиной за устное высказывание, хотя и не за письменный скандал» [7].

При таком рассуждении истина на самом деле не оправдывает противоправность действий злоумышленника, она попросту является обстоятельством, смягчающим его ответственность. Связано это в первую очередь с тем, что нарушитель мог находиться «во власти такой правды» в краткосрочный период, и с эмоциональной мотивацией поступка. Преступник мог неумышленно распространить порочащую информацию под давлением психологического возбуждения — «в состоянии аффекта». Историческое изменение толкования диффамации дает автору полную картину того, как изменялся закон о диффамации. Ранее правда использовалась в качестве средства защиты или смягчающего обстоятельства, но не потому, что диффамация истиной, в отличие от диффамации ложью, считалась приемлемой, а потому, что могла служить поводом для совершения аффектно-оправдываемых действий. Кроме того, в противовес христианской традиции, запрещающей «умаление», выступал принцип «Божьего суда», в соответствии с которым считалось, что Бог благоволит тем, кто говорит правду. На решение суда при рассмотрении дел о диффамации влияла не только правдивость порочащих сведений, но и другие предъявляемые сторонами доказательства, а также причины и обстоятельства совершения преступления. В ряде случаев, исходя из совокупности представленных доказательств, суды принимали решения о том, что тот или иной факт распространения истинной информации о лице не должен наказываться по закону, так как не несет в себе

умысла на опорочивание и не признается диффамацией. Аргументом выступало предположение, что некоторая истина предостерегает общественность от неблагонадежных сограждан, является общественно значимой и служит на благо государства и его гражданам.

Английская правовая система, в том числе в сфере защиты от диффамации, была принята на вооружение законодательными органами США, Канады и многих стран, подвергшихся влиянию английских колонизаторов. В начале 1800-х гг. законодательство США начало частично декриминализировать диффамацию истиной. Это было сделано для того, чтобы соответствовать принципам свободы слова, закрепленным в Первой поправке к Конституции США. Считалось, что принципы Первой поправки призваны предоставить на суд общественности правду независимо от того, насколько она вредна или дискредитирует кого-либо или что-либо.

Решающим фактором, послужившим основанием для принятия статутной нормы, регулирующей рассматриваемую отрасль общественных отношений, стало уголовное дело о диффамации, возбужденное в отношении представителей газеты *People*. Редактору газеты было предъявлено обвинение в распространении порочащих сведений, изложенных в статье о Томасе Джефферсоне. Процесс был открытым, имел широкий общественный резонанс. Стороне защиты было отказано в возможности вызвать в качестве свидетеля предполагаемого исполнителя убийства Джефферсона под предлогом вероятного распространения диффамации в отношении представителей органов власти США. Представителями общественности и оппозиции данный факт был воспринят как использование нормы, запрещающей диффамацию истиной, в политических репрессивных целях, что вызвало общественное недовольство и породило недоверие граждан к судебной системе США¹. Несмотря на то что этот судебный процесс был проигран обвиняемыми, действия и аргументы стороны защиты оказали большое влияние на законодательное собрание штата Нью-Йорк, которое первым в мировой юриспруденции постановило утвердить истину в качестве признака, исключающего противоправность деяния. По данному поводу в правовом сообществе США широко

¹ U. S. *People v. Croswell*, 3 Johns. Cas. 337 (N. Y. 1804). URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/laws/u-s-people-v-croswell-3-johns-cas-337-n-y-1804> (access ed: 19.09.2024).

распространилось мнение авторитетного судьи Верховного суда США О. Холмса: «Идея того, что государство может ограничивать идеи, которые являются для кого-то оскорбительными... напрямую нарушает Первую поправку. Унижение по признаку расы, национальности, гендера, религии, возраста, здоровья или какому-либо иному несет ненависть, но дух нашего закона говорит, что мы горды защищать свободу высказывать мнения, которые сами ненавидим»¹.

С течением времени устоявшееся восприятие применения данной нормы было распространено по всей территории США.

Среди прочих аргументов, которые служат поводом для отказа гражданам и организациям в защите от диффамации, объявлена «ценность свободных и ничем не ограничиваемых дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес», как это закреплено в Первой поправке. Диспозиция поправки стала доминировать над заботой об интересах тех, кого подвергли диффамации. В англосаксонской правовой семье в современном понимании «опорочить» означает «обнародовать что-либо одновременно порочащее и ложное». Переход к признанию только лжи противоправным средством диффамации связан не столько с переосмыслением противоправности диффамации, сколько с возвышением ценностей свободы слова, публичности расследования и дебатов.

В результате такого исторического переосмысления степени важности одних ценностей по отношению к другим более узкое юридическое толкование диффамации пришло на смену предшествующему, более широкому пониманию, выходящему сегодня за рамки закона. Понятие диффамации отождествляется с понятием «клевета» и теряет свое значение, трактуемое толковыми словарями.

Набирающее юридическую и общепринятую популярность отождествление диффамации и клеветы не обязательно исключает из понятийного контекста диффамацию истиной. Данные обстоятельства предполагают то, что явление в настоящее время недооценивается и, соответственно, недостаточно изучается учеными-теоретиками отечественного права. Защита от диффамации истиной в современных реалиях не презюмируется носителям благ. Несмотря на то что отдельные случаи диффамации истиной наносят существенный мораль-

ный и материальный вред, в современном юридическом понимании многих правовых систем, в том числе отечественной, не признается нарушением прав граждан, но вполне может быть признано проблемой в моральном отношении. В рамках морали такие действия злоумышленника не находят публичного одобрения, в особенности когда вопрос касается использования для диффамации служебных, корпоративных, личных или интимных тайн [8].

Как писал Августин Блаженный, называть какой-либо поступок ложью или воровством [9] — значит характеризовать это действие как неправильное, аморальное и противоправное, независимо от того, какие оправдания своим поступкам может привести лжец или вор, и наказывается оно и по закону Господа, и по писаному закону. Исходя из данного суждения, заниматься опорочиванием других — значит совершать противоправные поступки вне зависимости от способов (с помощью лжи или правды), и противоправность данных поступков никак не зависит от оправданий поступков злоумышленника. Таков был ранее смысл диффамации, поскольку она представляла собой опорочивание в любой своей форме. Из сегодняшнего значения термина «диффамация» можно сделать вывод, что нет ничего противоправного в унижении чести и репутации и умалении достоинства кого или чего-либо, если оно совершено с использованием правдивых сведений, вне зависимости от того, является ли рассматриваемый поступок мотивированным достойной целью или совершен из корыстных либо хулиганских побуждений.

Как бы с течением времени ни изменялось общественное и юридическое восприятие сущности диффамации и отношение участников общественных отношений к диффамации ложью и диффамации истиной, неоспоримым остается тот факт, что оба эти вида опорочивания связаны с умышленным причинением вреда чьей-либо репутации в широком смысле и деловой репутации — в узком.

Понятие репутации в широком смысле трактуется как приобретаемая кем- или чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках физического или юридического лица. Она может быть хорошая или плохая [10]. Более узкое понятие деловой репутации можно сформулировать как приобретаемое в рамках социальных отношений и поддерживаемое носителем общественное признание профессионально-деловой, трудовой, правовой и исполнительской надежности лица, подлежащей волатильной оценке [11].

¹ Matal v. Tam, United States Court of Appeals for the Federal Circuit. Citation. 582 US (2017). P. 16. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/582/15-1293/> (access ed: 21.09.2024).

Таким образом, указанные блага опираются на общественное или авторитетное мнение, разделяемое гражданами. Они формируются на основе информации, доступной общественности, вне контекста каких-либо частных, личных, интимных отношений. Стоит учитывать то, что «мнения», лежащие в основе общественной оценки, формируются — в том числе непроизвольно — обыденным сознанием на основе получаемой из источников информации, выраженной, как правило, в виде информационного продукта или публичного высказывания, как, например, в социальных сетях [12].

Диффамация — это умышленное осознанное действие, нацеленное на причинение ущерба репутации и деловой репутации субъекта. Вместе с тем ложная диффамация признана противоправной, а основанная на правдивой информации — нет.

Репутация, а равно и деловая репутация, как и приобретенная в результате честного труда или по праву собственности, является неотъемлемым аспектом бытия индивида в системе общественных отношений. Нанесение вреда репутации влечет ее уничтожение, равно как и хищение или повреждение собственности — к порче или лишению имущества, что, само собой, недопустимо в правовом обществе. Оба этих факта не зависят от того, как планировалось использование собственности или применение положительных свойств рассматриваемых нематериальных благ. Совершение противоправных действий уже является достаточным для определения факта противоправного поведения. Вторым важным аспектом репутации или деловой репутации является тот факт, что эти блага формируются долгосрочными положительными усилиями носителя, подкрепленными гласностью его достижений как члена общества или представителя профессиональной и деловой сфер. Результатом этих усилий является естественное усвоение членами общества или сообщества соответствующей информации.

Умысел актора распространения ложной информации заключается не только в распространении лжи. Если актер ложно объявит носителя благ общественным героем, святым или высококлассным успешным специалистом, сомнительно, что последний будет возражать и требовать защиты от ложной информации. Умысел акторов направлен на нанесение ущерба благам в виде разрушения сформированного длительными усилиями положительного, надежного и добросовестного облика носителя, а равно фактического придания

ему облика недобросовестного участника общественных и профессионально-деловых отношений.

Репутация, как и деловая репутация, являются неотъемлемыми элементами структуры субъекта общественных отношений, причинение вреда которому, выражаемое в очернении, образует цепочку зависимостей, ухудшающих его положение в указанной системе социального взаимодействия. Это напрямую будет отражаться на материальном, исполнительском и психологическом состоянии субъекта. Более того, данные блага и их состояние для субъекта представляют огромный интерес, так как влияют на его роль в социальной среде. В настоящее время отечественные и зарубежные законодатели признают существенность такого вреда, но, как уже выше рассматривалось, лишь в категориях деяний, имеющих в основе ложную информацию.

Но как же быть с опорочиванием, основанном на истинной информации, которая ни при каких нормальных условиях не подлежит гласному распространению или не имеет никакого отношения к участию субъекта в системе общественных отношений? Являются ли данные действия диффамацией? В этом вопросе мы согласны с мнением А. А. Смирновой [13]. Диффамация, как намеренное действие, в рамках которого злоумышленник эксплуатирует попавшую в его руки истинную информацию о медицинских процедурах, подробностях частной или интимной жизни, деталях внутренних служебных отношений и т. д., относящихся непосредственно к объекту опорочивания, безусловно, ведет к тем же негативным последствиям, что и клевета. Разглашение такого рода информации, в особенности имеющее эмоциональный окрас, осуществляется с тем же умыслом и влечет те же вышеописанные негативные последствия. Цель субъекта, распространяющего информацию, — подрыв репутации или деловой репутации лица, последствия — ухудшение положения субъекта благ в системе общественных отношений, нарушение презумпции добросовестности без явных доказательств.

Исторически искомая интерпретация юридического значения термина «диффамация» предусматривала указанное обстоятельство. Более того, ряд современных суверенных правовых систем развитых государств, имеющих высокий уровень преемственности национальных традиций, таких как Китай, Таиланд, Япония и т. д., признают диффамацию в исконном широком понимании, и их государственные правоохранительные структуры оберегают репутацию и деловую репутацию от любых форм опорочивания.

Основным аргументом представителей романо-германской правовой семьи при отрицании того факта, что диффамация истиной должна признаваться нарушением прав участников общественных отношений, выступает суждение, что такая мера будет служить ограничению демократических прав на свободу слова и выражения мнений. В абсолютном смысле предполагаем, что данные права декларируют невозможность запрета кому-либо отстаивать свою позицию или защищаться путем оглашения правды или собственного мнения, если высказывающийся искренне полагает, что оно правдиво.

Рассуждая об отношениях между правами одних на защиту нематериальных благ и правами других на защиту от ограничений в высказывании правдивых или вероятно правдивых суждений, следует отметить, что диффамация:

- относится к умышленно изготовленным сообщениям, которые нацелены на подрыв репутации или деловой репутации другого лица;

- носит гласный, публичный характер или предусматривает спланированную потенциальную публичность, но никак не приватность.

Вместе с тем, что свобода слова и выражения мнения декларируется высокой ценностью, существует ряд ограничений, обоснованных как морально, так и юридически. Наиболее известными ограничениями являются обязательства по конфиденциальности. С морально-этической позиции запрещается разглашать то, что было раскрыто в ходе конфиденциального общения, например в профессиональном сообществе, между юристами и клиентами, врачами и пациентами (или супругами, или близкими друзьями), либо те факты, о сохранении в тайне которых была достигнута договоренность. С юридической точки зрения существует достаточно широкий перечень видов сведений ограниченного к распространению характера, будь то тайна исповеди, коммерческая, служебная, банковская тайна, государственная, тайна частной жизни и иные виды тайн. Несмотря на то что данные сведения являются правдой и носят ограниченный характер распространения, это не исключает того факта, что они не могут быть использованы в качестве средства нанесения ущерба репутации или деловой репутации. Стоит отметить, что неправомерное получение доступа или разглашение вышеупомянутых сведений само по себе является правонарушением. Рассматриваемая категория истинных данных относится к юридически закрепленным видам сведений ограниченного характера. Данные сведения могут

нанести непоправимый ущерб состоянию рассматриваемых благ, что неприемлемо ни с моральной, ни с юридической точки зрения. Однако если за первое нарушение ответственность последует, то второе, несмотря на серьезность последствий, не будет воспринято правоприменителем как нарушение, так как законодатель не относит такие действия к нарушению закона.

Иначе говоря, если злоумышленник раскрывает ставшие известными сведения о личной жизни человека (например, о каких-то заболеваниях, процедурах, предпочтениях, особенностях семейной жизни; к подобным сведениям также относятся фото в обнаженном виде) или об отношениях внутри трудового коллектива (личную или служебную переписку и др.) для демонстрации лица (коллектива) в глазах общественности в нелепом или позорящем свете, использование истинной информации целесообразно признавать противоправным даже на фоне ценности прав на защиту свободы слова и выражения мнений.

Все это не говорит о необходимости пренебрегать правами на защиту свободы слова и выражения мнения, а указывает на то, что диффамация с использованием истинных сведений также может быть средством совершения противоправного деяния наравне с диффамацией ложью.

Необходимо учитывать, что высокая ценность свободы слова и выражения мнения заключена в том, что субъекты, оперирующие ими, должны использовать истинные сведения в тех случаях, когда они несут общественно значимый или разоблачительный характер и относятся к предмету социально значимого обсуждения. В таком случае использование истины будет оправдано, как было отмечено выше, защитой собственных или общественных интересов.

Если распространяемая в указанных целях правдивая информация носит общественно значимый характер, например предупредительный или защитный, ограждающий общество от потенциально опасного проникновения субъекта в ту или иную социальную среду, то она не будет носить характер опорочивания. Обусловлено это, в первую очередь, тем, что умысел актора не будет связан с подрывом деловой репутации, а нацелен на сохранение безопасности общества или защиту прав и интересов граждан. Ярким примером являются многократные инициативы о формировании публичных картотек преступников, уличенных в совершении преступлений в отношении несовершеннолетних на сексуальной почве [14], или списков недобросовестных подрядчиков по гос-

заказу. Суть действий сводится к добросовестной активности актора, заключенной в субъективной стороне его действий.

Открытым и требующим внимания является вопрос относимости действий к порочащим, связанным с выражением личного мнения в форме предположения. Наиболее вероятно, что данные поступки мотивированы не целью опорочивания, а устранения настоящей или предполагаемой несправедливости.

Вместе с тем обнаружение нелестных частных фактов со стороны третьих лиц, не относящихся к социальной роли носителя репутации, с давних времен вызывало общественное недовольство и пресекалось на уровне правоохранительных институтов. В настоящее время в ряде правовых систем, в том числе отечественной, нет механизмов защиты участников общественных отношений от такого рода посягательств. Под благовидным предлогом общественной значимости, никак не выражаемой в безопасности или защите общества, огласке подлежат частные подробности быта, не связанные с социальной ролью носителя репутации или деловой репутации, оглашение которых никоим образом не влияет на общество, а лишь ухудшает положение и перспективы носителя. Принцип презумпции добросовестности нарушается без необходимости. Иными словами, фактическая значимость некоторых нелицеприятных фактов о носителях будет иметь мало общего с их реальной общественной значимостью, но, безусловно, отрицательно влиять на их репутацию и деловую репутацию, так как они будут бессознательно формировать общее впечатление о носителях и степень доверия к ним. Все этому способствует уровень технологического развития информационной сферы и степень зависимости участников общественных отношений от качества поступающей информации.

Можно предположить, что автор настоящей статьи призывает вернуться к исторически первозданному пониманию диффамации, к прежним юридическим и моральным императивам, но его

мнение обосновано иными существенными факторами. Основными аргументами в защиту точки зрения автора выступают недостаточность изучения степени вреда, причиняемого лицу, подвергнутому опорочиванию, относимость к общественной значимости распространяемых сведений, категория самих сведений (если речь идет о тайнах), наличие презумпции добросовестности участников общественных отношений и умысел актора, который осуществляет распространение такого рода информации.

Проведенное исследование позволяет нам предположить, что не существует разницы между диффамацией истиной или ложью: оба вида опорочивания искажают действительное восприятие участников общественных отношений объекта диффамации. Более того, если право на защиту репутации понимается как презумпция добросовестности, то в таком случае есть еще несколько причин для рассмотрения вопроса о признании диффамации истиной противоправным деянием. Во-первых, это связано с личностным развитием, перевоспитанием или исправлением носителя. Во-вторых, не стоит забывать о незыблемых гарантиях защиты различных видов тайн государством. Подлинная информация, ставшая доступной благодаря нарушению, часто используется в качестве средства для опорочивания и способствует созданию условий, благоприятных для последующей противоправной деятельности.

Свобода слова и выражения мнения, которой оправдываются действия правонарушителей, никоим образом не должна умаляться. Для решения вопроса о балансе прав, свобод, обязанностей и гарантий защиты чести, достоинства, деловой репутации целесообразно определить границы указанной свободы в пределах интересов безопасности, личности и общества. Другими словами, распространяемые подлинные сведения должны служить общественному благу, а выражаемые мнения — являться средством устранения несправедливости.

1. Keeton W. P. Prosser and Keeton on the law of torts. St. Paul, Minn.: West Publishing Company, 1984. 1286 p.

2. Додонов В. Н. Большой юридический словарь. Москва: Инфра-М, 2001. 790 с.

3. Иванов А. А. Римское право: основные понятия, законы и иски, персоналии и сентенции: словарь-справочник. 3-е изд. Москва: Флинта, 2020. 317 с.

1. Keeton W. P. Prosser and Keeton on the Law of Torts. St. Paul, Minn.: West Publishing Company; 1984: 1286. (In Eng.).

2. Dodonov V. N. Big law dictionary. Moscow: Infra-M; 2001: 790. (In Russ.).

3. Ivanov A. A. Roman law: basic concepts, laws and claims, personalities and maxims. Dictionary-reference. 3rd ed. Moscow: Flinta; 2020: 317. (In Russ.).

4. Прудников М. Н. Римское право: учеб. для вузов. 4-е изд. Москва: Юрайт, 2024. 302 с.

5. Cawdrey R. The first English dictionary. London, 1604. 342 p.

6. Johnson S. A dictionary of the English Language. London, 1755. URL: https://archive.org/details/johnsons_dictionary_1755 (access ed: 20.09.2024).

7. Ray R. Truth: a defense to libel // Minnesota Law Review. 1931. P. 43.

8. Филиппов Г. Г. Может ли быть диффамация объектом судебного преследования? // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 37—42.

9. Августин Аврелий. Исповедь / Блаженный Августин; [пер. с лат. М. Е. Сергеев]. Москва: Изд-во Сретен. монастыря, 2012. 526 с.

10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Москва: Оникс, 2008.

11. Кийко А. Ю., Спиваков П. А. Эволюция института уголовно-правовой защиты деловой репутации в отечественной правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 49—60.

12. Рахманов М. Г. Влияние общественного мнения на политическую жизнь в период трансформации общества в начале 90-х годов XX века // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3 (7). С. 182—195.

13. Смирнова А. А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7—9.

14. Семочкина А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за педофилию // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 280—284.

Спиваков Павел Андреевич,

адъютант Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии
Российской Федерации;
ostrovludnikova@yandex.ru

4. Prudnikov M. N. Roman law. Textbook for universities. 4th ed. Moscow: Yurait; 2024: 302. (In Russ.).

5. Cawdrey R. The first English dictionary. London; 1604: 342. (In Eng.).

6. Johnson S. A dictionary of the English Language. London; 1755. Available from: https://archive.org/details/johnsons_dictionary_1755. Accessed: 20 September 2024. (In Eng.).

7. Ray R. Truth: a defense to libel. Minnesota Law Review, 43, 1931. (In Eng.).

8. Filippov G. G. Can defamation be an object for prosecution? Management counseling. 37—42, 2021. (In Russ.).

9. Augustine Aurelius. Confession / Blessed Augustine; [transl. from Latin by M. Ye. Sergeyenko]. Moscow: Publishing House of the Sreten Monastery; 2012: 526. (In Russ.).

10. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions. Moscow: Onyx; 2008. (In Russ.).

11. Kiyko A. Yu., Spivakov P. A. Evolution of the institute of criminal-legal protection of business reputation in the domestic legal system. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii, 49—60, 2024. (In Russ.).

12. Rakhmanov M. G. The influence of public opinion on political life during the transformation of society in the early 90-s years of the twentieth century. Humanitarian Scientific Forum in Ufa, 182—195, 2021. (In Russ.).

13. Smirnova A. A. Defamation as an abuse of freedom of speech and information (constitutional legal aspect). Constitutional and municipal law, 7—9, 2007. (In Russ.).

14. Semochkina A. A. Topical problems of criminal responsibility for pedophilia. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 280—284, 2021. (In Russ.).

Spivakov Pavel Andreyevich,

associate adjunct
of the Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation;
ostrovludnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.34

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 210¹
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Наталья Сергеевна Сысолина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
sns.va-mvd@mail.ru

Аннотация. Объект преступления — обязательный элемент его состава, наличие которого позволяет определить общественную опасность содеянного и отделить его от иных видов правонарушений. В настоящей статье автором предпринята попытка комплексного анализа объекта такого преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии, состав которого, являясь относительно новым для российского уголовного права, вызывает дискуссию даже спустя пять лет его применения.

В целях определения круга общественных отношений, составляющих содержание объекта преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотрены различные подходы, высказанные в науке и зафиксированные судебной практикой. Исходя из анализа горизонтальной классификации объектов преступления, выработанной доктриной уголовного права, обозначена проблема определения основного, дополнительного и факультативного непосредственных объектов занятия высшего положения в преступной иерархии. В результате проведенного исследования обнаружено, что определение объектов в данном случае зависит от подхода к толкованию диспозиции нормы, предусмотренной статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: объект преступления, общественная безопасность, высшее положение в преступной иерархии

Для цитирования: Сысолина Н. С. Уголовно-правовая характеристика объекта преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 57—63.

**CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE CRIME OBJECT
PROVIDED FOR BY ARTICLE 210¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
SETTING UP A PROBLEM**

Natalia Sergeyevna Sysolina

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sns.va-mvd@mail.ru

Abstract. The object of crime is a required element of its corpus delicti, which allows to determine the social danger of crime and to distinguish it from other types of offences. In this article, the author makes an attempt to analyze the object of such crime as occupying the top position in the criminal hierarchy completely, the corpus delicti of which is considered to be a relatively new phenomenon for the Russian criminal law and discussable even five years after its application.

In order to determine the range of social relations constituting the object of crime provided for by article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, different scientific approaches recorded by judicial practice have been examined. Based on the analysis of the horizontal classification of the objects of crime, developed by the doctrine of criminal law, the problem to define the basic, additional and optional direct objects of occupying the top position in the criminal hierarchy is identified. As a result of the research, we state, that in this case the definition of objects depends on the approach to interpret the disposition of the rule of law provided for by article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object of the crime, public safety, the top position in the criminal hierarchy

For citation: Sysolina N. S. Criminal law characteristics of the crime object provided for by article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: setting up a problem. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 57—63, 2025. (In Russ.).

С момента введения в 2019 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) ст. 210¹ научное сообщество и правоприменители сталкиваются с многочисленными сложностями в ее толковании. Дискуссии прежде всего касаются определения объективных признаков, позволяющих квалифицировать содеянное как занятие высшего положения в преступной иерархии. Нечеткость формулировки указанной диспозиции и отсутствие соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) на практике приводят к неоднозначности ее интерпретации, сложностям в документировании преступной деятельности криминальных лидеров, различным подходам к квалификации содеянного и трудностям в последующем доказывании. Все это способствует неоднородности правоприменительной практики, которую в целом можно охарактеризовать как находящуюся на начальной стадии формирования. Несмотря на то что с момента введения ст. 210¹ в УК РФ прошло пять лет, выработанные подходы к квалификации еще не получили достаточной степени унификации. Например, отсутствует единое понимание объекта указанного преступления, который определяет общественную опасность самого деяния.

В доктрине уголовного права объектом преступления признается то, на что направлено преступное посягательство, т. е. охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступление причиняет вред либо создает угрозу причинения вреда. Наукой выработано несколько подходов к делению объектов преступления, наиболее значимые из них классификации — по вертикали и горизонтали.

Самый распространенный подход к вертикальному делению объектов осуществляется по принципу соотношения общего, особенного и отдельного [1; 2] и предусматривает такие их виды, как общий, родовой, видовой и непосредственный, что обусловлено особенностями структуры отечественного уголовного закона. Общий объект представляет собой всю совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом, является для всех преступлений единым, а его содержание раскрыто в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Родовой объект, в свою очередь, включает широкую группу взаимосвязанных общественных отношений, на ко-

торые посягают преступления, структурно обособленные в разделах УК РФ. Видовой объект преступления является частью родового, охватывает более узкую совокупность близких между собой общественных отношений, которым причиняют вред преступления, объединенные в рамках одной главы УК РФ. Соответственно, непосредственным объектом, финальным звеном деления в указанной четырехзвенной вертикальной классификации признаются конкретные общественные отношения, которым причиняется вред от совершения того или иного преступления.

Горизонтальная классификация объектов (или «горизонтально-количественная», как ее называет В. В. Мальцев [3, с. 9]) производится на уровне непосредственного объекта преступления. Такое деление обусловлено фактом, что преступление способно одновременно причинить вред не одному, а нескольким видам общественных отношений, поставленным под уголовно-правовую охрану. Большинство ученых выделяет в горизонтальной классификации три звена: основной, дополнительный и факультативный непосредственные объекты.

Основным непосредственным объектом в науке уголовного права традиционно признаются те общественные отношения, которым преступным деянием наносится вред в первую очередь и на защиту которых встает конкретная уголовно-правовая норма. Среди всех видов объектов преступления, выделяемых по горизонтали, наличие основного непосредственного объекта является обязательным. Вместе с тем вред иным общественным отношениям преступление может причинить не всегда, поэтому дополнительные и факультативные объекты характерны не для всех составов преступлений.

Законодатель поместил ст. 210¹ УК РФ в гл. 24 раздела IX, из чего следует, что видовым объектом занятия высшего положения в преступной иерархии являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, входящие в более широкую группу общественных отношений по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, составляющих родовой объект данного преступления.

В соответствии с федеральными документами стратегического планирования общественная безо-

пасность является видом национальной безопасности¹ и представляет собой состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера². Концепция общественной безопасности в Российской Федерации определяет, что среди преступных проявлений конкретными угрозами для социума выступают: высокий уровень преступности и появление новых видов криминальных угроз, коррупция, незаконная миграция, терроризм, экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур и др.

С небольшими поправками в науке даются дефиниции общественной безопасности, схожие с легальной формулировкой [4; 5]. Однако некоторые авторы полагают, что в содержание общественной безопасности, помимо состояния защищенности общества, необходимо вкладывать наличие условий для его устойчивого развития (безопасность должна обеспечить развитие общества, защитить его от различного вида угроз [6]). Таким образом, общественная безопасность в целом определяется категорией стабильности — неким уровнем устойчивости в обществе [7].

Представляется, что, устанавливая запрет занятия высшего положения в преступной иерархии, законодатель определил основной непосредственный объект указанного преступления как тождественный видовому. Данный вывод следует из отсутствия указания в ст. 210¹ УК РФ на конкретные блага, права, свободы, интересы, которые страдают или ставятся под угрозу в результате совершения преступления, а также ввиду использования в формулировке диспозиции не уголовно-правовых категорий, а исключительно криминологических — «преступная иерархия», «высшее положение». Таким образом, кроме отношений, складывающихся в сфере обеспечения общественной безопасности, иные объекты,

на которые может происходить преступное посягательство, из толкования данной нормы прямо не усматриваются.

В связи с этим представители научного сообщества и правоприменители задаются вопросами о наличии основного непосредственного объекта занятия высшего положения в преступной иерархии вообще и о целесообразности введения рассматриваемого состава преступления в УК РФ: «таков ли масштаб проблемы с наличием преступной иерархии в стабильной и устойчиво развивающейся России на сегодняшний день», «так ли велика эта проблема» [8], «обуславливает ли современная криминологическая ситуация в России необходимость именно этих мер» [9, с. 36]? Постановка подобных вопросов, безусловно, обоснована, так как спорная трактовка диспозиции нормы ст. 210¹ УК РФ затрудняет определение конкретных общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране. Высказывается мнение о неоднозначности основного непосредственного объекта указанного преступления, ввиду того что преступная деятельность его субъекта остается вне квалификации в рамках данного состава [10].

Однако научное сообщество в целом солидарно в том, что в результате занятия высшего положения в преступной иерархии причиняется вред или ставится под угрозу именно общественная безопасность. Ряд авторов называют объект данного преступления «единственным элементом и признаком состава... который не вызывает нареканий и возражений» [11, с. 162].

Полагаем, что утверждать об обоснованности включения рассматриваемого состава преступления именно в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» и о наличии основного непосредственного объекта имеет смысл только после уяснения криминологической сущности преступной иерархии, поскольку ее существование и занятие в ней высшего положения лежат вне плоскости правового регулирования. Полагаем, что преступная иерархия представляет собой определенный тип отношений. Данные отношения складываются в преступной (криминальной) среде — части социальной среды, детерминирующей преступное поведение отдельных членов общества, результатами связей которых являются преступность и связанные с ней иные социальные явления [12]. Преступная иерархия предполагает вертикальные субординационные отношения между отдельными субъектами преступной среды, попавшими под влияние криминальной субкультуры и занимающими ввиду этого определенный

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.11.2024).

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.11.2024).

статус. Установление и поддержание таких отношений обеспечивается криминальными лидерами особого типа — лицами, занимающими высшие ступени преступной иерархии, — в целях, включающих повышение толерантности правопослушных граждан к преступной среде и обеспечения их добровольного вовлечения в ее члены. С этой точки зрения занятие высшего положения в преступной иерархии действительно может посягать на стабильность, устойчивое развитие общества, а значит, на общественную безопасность в целом.

Специалисты отмечают, что криминальные лидеры данного типа могут использовать нескольких посредников для передачи соответствующих указаний исполнителям преступлений, непосредственно не общаясь с последними, в связи с чем занимают положение, позволяющее избежать уголовной ответственности [13]. Похожее обоснование содержится и в пояснительной записке к федеральному закону о внесении соответствующих поправок в УК РФ¹. Все это свидетельствует в пользу определения общественной безопасности как основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

Между тем остается открытым вопрос, насколько установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (по крайней мере, в существующем виде) способно решить задачу, связанную с обеспечением общественной безопасности, не вступая при этом в конфликт с уголовно-правовой доктриной о понятии преступления и целях наказания.

Что касается дополнительного и факультативного объектов, то большинство авторов игнорируют данные признаки при анализе указанного преступления. Полагаем, факт их наличия также спорен, что обусловлено рядом обстоятельств.

В первую очередь, имеет значение классификация, в соответствии с которой определяются данные виды непосредственного объекта. Например, согласно двухзвенной классификации дополнительный и факультативный объекты не разделяются: они либо используются как синонимы, либо наличие факультативного вообще отрицается [14]. Вероятно, именно с указанной точки зрения ряд авторов обозначили дополнительными объектами занятия высшего положения в преступной иерархии жизнь, здоровье, собственность,

конституционные права и свободы граждан и экономическую деятельность [15].

Вместе с тем, как ранее упоминалось, в доктрине уголовного права наиболее распространена трехзвенная классификация непосредственного объекта преступления по горизонтали, предусматривающая его деление на основной, дополнительный и факультативный, что, однако, не облегчает определение двух последних видов применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии. Это обусловлено тем, что наукой не выработано единого мнения о содержании дополнительного и факультативного объектов преступления. Рассмотрим два распространенных подхода к решению данной проблемы.

Согласно первой точке зрения, дополнительный объект — это те общественные отношения, которые подвергаются негативному изменению в результате совершения преступления наряду с основным объектом и обязательно закреплены в основном составе преступления. Факультативным объектом при этом выступают общественные отношения, которые могут страдать не во всех случаях совершения преступления и при этом отражены в квалифицированных и особо квалифицированных составах [16]. Таким образом, представители данной теории полагают, что и дополнительный, и факультативный объекты обладают уголовно-правовым значением, т. е. влияют на квалификацию содеянного.

С этой позиции буквальный анализ диспозиции нормы, предусмотренной ст. 210¹ УК РФ, свидетельствует, что в занятии высшего положения в преступной иерархии оба указанных объекта отсутствуют.

Второй подход предполагает, что дополнительный объект должен быть предусмотрен конструкцией соответствующей нормы, лежать, «как правило, в плоскости иного родового объекта» [17, с. 72] и выражаться преимущественно через квалифицированные и особо квалифицированные составы, а факультативный, в свою очередь, необязателен, не является необходимым признаком состава преступления, и его наличие не влияет на квалификацию содеянного [18, с. 82]. В то же время в ряде случаев посягательство на факультативный объект может образовывать самостоятельный состав преступления. Тогда дополнительный объект занятия высшего положения в преступной иерархии отсутствует, поскольку не закреплен нормой ст. 210¹ УК РФ. А наличие факультативного объекта данного преступления является предметом дискуссии, связанной с иной проблемой — толкованием диспозиции, описывающей деяние объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: законопроект № 645492-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 11.01.2025).

Так, если «занятие высшего положения» рассматривать как факт получения определенного статуса в иерархическом типе связей криминального мира, как событие признания этого положения и обладание им, то подобный подход ставит под сомнение наличие общественной опасности содеянного, а значит, и основного непосредственного объекта преступления. Высший лидерский статус в преступной среде сам по себе вряд ли способен причинить серьезный вред или создать угрозу его причинения охраняемым уголовным законом отношениям, в том числе общественной безопасности, если данным статусом не пользоваться.

Если же диспозицию нормы ст. 210¹ УК РФ толковать как совершение деяний по получению и удержанию соответствующего статуса, а также деяний, совершенных с его использованием, то факультативными объектами занятия высшего положения в преступной иерархии, помимо общественной безопасности, могут выступать жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, право собственности граждан, в том числе иных членов преступной среды, порядок управления и т. п.

В правоприменительной практике распространен именно второй из описанных вариантов толкования термина «занятие» применительно к ст. 210¹ УК РФ. В частности, это выражается в том, что суды склонны обосновывать наличие основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, в том числе через перечисление иных (помимо обеспечения общественной безопасности) общественных отношений, которые страдают в результате деяний лица, совершенных с использованием соответствующего статуса и не отраженных в квалификации. Так, Вологодский областной суд прямо назвал факультативные непосредственные объекты занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, отделив их от общественной безопасности: «...продолжили свои умышленные противозаконные действия, направленные на формирование у населения, соприкасающегося с криминальной средой, мнения об их принадлежности к криминальной среде, их особом доминирующем положении в преступной иерархии, позволяющим вмешиваться в правоотношения с целью извлечения личной материальной выгоды, то есть каждый из подсудимых совершил преступление против общественной безопасности и нормального функционирования государственных, коммерческих, гражданских и иных взаимоотношений»¹.

¹ Приговор Вологодского областного суда по делу № 2-11/2020 от 5 декабря 2021 г. // Судебные решения.рф. URL: <https://судебныерешения.рф/56440413> (дата обращения: 05.01.2025).

Кроме того, наличие факультативного непосредственного объекта в контексте толкования диспозиции нормы ст. 210¹ УК РФ как деяний, совершенных с соответствующим статусом, прослеживается в сложившейся правоприменительной практике, когда содеянное таким лицом квалифицируется по совокупности преступлений. Так, наиболее распространенными преступлениями, совершенными с использованием высшего положения в преступной иерархии, являются: причинение тяжкого вреда здоровью², вымогательство³, грабеж и разбой⁴, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества⁵. Отсюда следует, что преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ, связано с посягательствами на иные, не предусмотренные гл. 24 УК РФ, общественные отношения, т. е. детерминирует преступления иных видов.

Таким образом, наличие непосредственных объектов занятия высшего положения в преступной иерархии (основного, дополнительного и факультативного) находится в прямой зависимости от подхода, применяемого при интерпретации терминов, описывающих само преступное деяние. Полагаем, для уголовного законодательства подобная ситуация недопустима, что в очередной раз свидетельствует о необходимости совершенствования диспозиции указанной нормы.

² Приговор Волгоградского областного суда № 2-26/2022 2-4/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 2-26/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/52lbw2ev1YHQ/> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Приговор Курского областного суда № № 2-2/2022 от 16 мая 2022 г. по делу № 2-2/2022 (2-8/2021;) // Судебные Решения.рф. URL: <https://судебныерешения.рф/62738708> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Определение суда кассационной инстанции от 13 августа 2024 г. № 8-УД24-16-А1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.11.2024).

⁵ Приговор Верховного Суда Чувашской Республики № 2-1/2024 2-6/2023 от 15 февраля 2024 г. по делу № 2-1/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6rIHg6p0OdH/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+210.1.+Занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge (дата обращения: 05.01.2025).

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. проф. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская акад. МВД России, 2016. 448 с.

2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А. С. Сенцова, В. В. Намнясовой, О. В. Стрильца. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 627 с.

3. Мальцев В. В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 509 с.

4. Дрожжина Е. А. Общественная безопасность как объект преступления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 27 с.

5. Супряга И. А. Политические механизмы обеспечения и регулирования общественной безопасности РФ: опыт и особенности: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 231 с.

6. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. 2-е изд. Москва: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.

7. Нестеров С. В. Понятие общественной безопасности // Вестник ТГУ. 2013. № 11 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschestvennoy-bezopasnosti> (дата обращения: 04.12.2024).

8. Якушкин А. В. Защита воров в законе // Уголовный процесс. 2020. № 10. URL: <https://e.ugpr.ru/846984> (дата обращения: 25.12.2024).

9. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 34—44.

10. Максименко М. В. Идентификация лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: метод. рекомендации. Пермь: Перм. ин-т ФСИН России, 2021. 30 с.

11. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica. 2020. Т. 73, № 10. С. 159—170.

12. Сысолина Н. С. Сущность и содержание системы преступной (криминальной) среды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 159—163.

13. Берсенев В. В. Актуальные проблемы применения уголовно-правовых норм об от-

1. Criminal Law of the Russian Federation. General part. Textbook. Red. by prof. V. V. Veklenko. 3rd ed., rev. and add. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 448. (In Russ.).

2. Criminal Law of the Russian Federation. General part. Textbook. Red. by A. S. Sentsov, V. V. Namnyaseva, O. V. Strilets. 2nd ed., rev. and add. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 627. (In Russ.).

3. Maltsev V. V. Object of protection (crime) in criminal law. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2012: 509. (In Russ.).

4. Drozhzhina Ye. A. Public safety as an object of crime. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2015: 27. (In Russ.).

5. Supryaga I. A. Political tools for ensuring and regulating public security of the Russian Federation: experience and peculiarities. Dissertation of candidate of political sciences. Moscow; 2015: 231. (In Russ.).

6. General Theory of National Security. Textbook. Red. by A. A. Prokhozhev. 2nd ed. Moscow: Publishing house RANEPa; 2005: 344. (In Russ.).

7. Nesterov S. V. The concept of public safety. Vestnik TSU, 2013. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschestvennoy-bezopasnosti>. Accessed: 4 December 2024. (In Russ.).

8. Yakushkin A. V. Defence of thieves in law. Criminal Process, 2020. Available from: <https://e.ugpr.ru/846984>. Accessed: 25 December 2024. (In Russ.).

9. Yegorova N. A., Yegorov A. G. Criminal responsibility for occupying the top position in the criminal hierarchy: further discussion. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—44, 2020. (In Russ.).

10. Maksimenko M. V. Identification of persons occupying the top position in the criminal hierarchy. Methodological recommendations. Perm: Perm Institute of Federal Service for the Execution of Punishments of Russia; 2021: 30. (In Russ.).

11. Pantyukhina I. V., Larina L. Yu. Problems of regulation and application of the criminal-legal norm providing responsibility for occupying the top position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Lex russica, 159—170, 2020. (In Russ.).

12. Sysolina N. S. The essence and content of the system of criminal environment. Journal of the Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, 159—163, 2024. (In Russ.).

13. Bersenev V. V. Topical problems of application of criminal-legal norms on responsibility for

ветственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Пени-тенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. Ч. 1 / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. Вологда, 2021. С. 47—54.

14. Карабанова Е. Н. Понятие и структура объекта в многообъектных составах преступлений // Государство и право. 2018. № 6. С. 23—28.

15. Занятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ): квалификация и расследование: монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. В. Харченко, В. А. Шурухнов. Москва: ИНФРА-М, 2024. 205 с.

16. Уголовное право. Общая часть: учебник / [А. А. Абдульманов и др.]; под ред. Н. Г. Кадникова. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. 524 с.

17. Улезко С. И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 70—74.

18. Уголовное право. Общая часть: учебник / Г. А. Агаев, Е. Н. Алешина-Алексеева, С. Н. Бычков [и др.]; под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2017. 336 с.

occupying the top position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and rehabilitation. In: Collection of materials of the international scientific-practical conference. In 3 parts. Part 1. Federal Service for the Execution of Punishments, Vologda Institute of Law and Economics. Vologda: 2021: 47—54. (In Russ.).

14. Karabanova Ye. N. The concept and structure of the object in multi-object corpus delicti. State and Law, 23—28, 2018. (In Russ.).

15. Bagmet A. M., Bychkov V. V., Kharchenko S. V., Shurukhnov V. A. Occupation of the top position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification and investigation. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2024: 205. (In Russ.).

16. Abdulmanov A. A. (et al.) Criminal Law. General part. Textbook. Red. by N. G. Kadnikov. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 524. (In Russ.).

17. Ulezko S. I. Classification of objects of crime. Society and Law, 70—74, 2013. (In Russ.).

18. Agaev G. A., Aleshina-Alekseeva Ye. N., Bychkov S. N. (et al.) Criminal law. General part. Textbook. Red. by S. A. Denisov, L. V. Gotchina, A. V. Nikulenko. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 336. (In Russ.).

Сысолина Наталья Сергеевна,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
sns.va-mvd@mail.ru

Sysolina Natalia Sergeyevna,

senior lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sns.va-mvd@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.9(574)

**РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
НАСЕЛЕНИЕ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Талгат Ахматзиевич Ханов*, **Бахыт Молдатьяевич Нурғалиев****,
Валерий Филиппович Анисимов***

* Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда,
Республика Казахстан, tkhanov65@gmail.com

** Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Республика Казахстан, nbake@mail.ru

*** Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, anisimov.vf@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется мнение населения о радикализации религиозного сознания в современном Казахстане. В основу исследования положены результаты анкетирования респондентов. Проведен критический разбор государственной политики в сфере предотвращения радикализации. Приводятся итоги опроса населения по поводу отношения к проявлениям терроризма и экстремизма. Обращено внимание на неэффективность работы правоохранительных органов в этой сфере.

Цель исследования: краткая характеристика событий, произошедших в Казахстане в январе 2022 г., выявление отношения населения к процессу радикализации общества и эффективности мер противодействия.

Применялся социологический, статистический и логический метод, осуществлялся анализ юридических источников и общедоступных данных. Сформулированы отдельные особенности, характеризующие проявление религиозного радикализма в Казахстане. На основе изучения судебной практики и криминальной статистики констатируется, что экстремизм, терроризм и их религиозные проявления имеют в Казахстане не идейную, а материальную основу, но вместе с тем они могут быть использованы в политической борьбе.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, религиозное сознание, терроризм, радикализация, угроза безопасности

Для цитирования: Ханов Т. А., Нурғалиев Б. М., Анисимов В. Ф. Радикализация общества: население об эффективности мер противодействия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 64—72.

**RADICALIZATION OF SOCIETY:
THE PUBLIC OPINION ON EFFECTIVENESS OF COUNTERMEASURES**

Talgat Akhmatzиеvich Khanov*, **Bakhyt Moldatiyaevich Nurgaliev****, **Valery Philippovich Anisimov****

* Karaganda University of Kazpotreboysouz, Karaganda, Republic of Kazakhstan, tkhanov65@gmail.com

** Karaganda University of Kazpotreboysouz, Karaganda, Republic of Kazakhstan, nbake@mail.ru

** Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

Abstract. In the article, the authors analyze the public opinion on the radicalization of religious consciousness in up-to-date Kazakhstan. The research is based on the results of the interviewees' questionnaires. The authors critically analyze the government policy in the sphere of preventing radicalization. The results of the questionnaire of the public opinion concerning its attitude towards the manifestation of terrorism and extremism are summarized. The authors pay attention to the inefficiency of the law enforcement activities in this sphere.

The aim of the research is to characterize briefly the events taking place in Kazakhstan in January 2022; to identify the public attitude towards the process of radicalization of the society and effectiveness of counter-measures.

The sociological, statistical and logical methods are applied; legal sources and public data are analyzed. Some peculiarities of manifestation of religious radicalism in Kazakhstan are formulated. Based on the study

of judicial practice and criminal statistics, it is stated that extremism, terrorism and their religious manifestations have a material rather than ideological background in Kazakhstan, but at the same time, they can be used in political struggle.

Keywords: religious extremism, religious consciousness, terrorism, radicalization, threat to security

For citation: Khanov T. A., Nurgaliev B. M., Anisimov V. Ph. Radicalization of society: the public opinion on effectiveness of countermeasures. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 64—72, 2025. (In Russ.).

В различных государствах по всему миру зафиксирован всплеск социального недовольства, насилия и экстремистских проявлений, что символизирует переход человечества в период интенсивных протестных движений [1]. Растущая террористическая активность угрожает безопасности Казахстана и иных стран ближнего региона, особенно после недавних событий в Афганистане, когда «Талибан», признанный в государствах — членах Организации Договора о коллективной безопасности террористической организацией¹, осуществил захват власти, взяв контроль над ключевыми городами страны. Это вызывает повышенную тревогу, поскольку игнорирование обстоятельств, содействующих радикализации общества, может привести к необратимым последствиям и повтору событий, произошедших в Казахстане в январе 2022 г. В связи с этим видится актуальным исследование причин и условий, приведших к попытке государственного переворота в Республике Казахстан.

Следует отметить, что изучению проблем радикализации, экстремизма и религиозно обоснованного терроризма придается большое значение. Эта проблематика в той или иной степени разрабатывалась российскими авторами И. П. Добаевым, А. А. Игнатенко, А. В. Малашенко, М. П. Требиным и другими исследователями. В их работах приводятся убедительные доводы о том, что экстремизм и терроризм использует исламскую веру лишь в качестве политического прикрытия своей деятельности, отрицая фундаментальные исламские гуманистические ценности [2—5].

Существенный вклад в исследование проблем радикализации религии, экстремизма и религиозно обоснованного терроризма вносят и ученые Казахстана. Например, Е. В. Тукумов в своей

диссертации обосновал реальность угрозы региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии [6]. Имеются и другие публикации, раскрывающие региональные особенности экстремизма и терроризма в Центрально-Азиатском регионе, в том числе в Казахстане [7—11].

Целью работы является краткая характеристика событий, произошедших в Казахстане в январе 2022 г., выявление отношения населения к радикализации общества, оценка мнения респондентов об эффективности мер противодействия.

Методологический подход существенно отличается от используемых в большинстве работ по антитеррористической и антиэкстремистской тематике. Нами применялись социологический, статистический и логический методы, осуществлялся анализ как общедоступных данных, так и материалов, содержащих элементы радикальной риторики. Использовались количественные и качественные методы получения и обработки информации.

В процессе проведения научного исследования осуществлялся обзор интернет-ресурсов, поскольку именно на данной площадке оперативно появляются материалы по рассматриваемой проблематике, а также выражается независимое экспертное мнение. Кроме того, проведен анализ официальной правовой статистики и документации, опубликованной в доступных открытых источниках с 2010 по 2024 г. В ходе исследования проводилось анонимное анкетирование для изучения общественного мнения о социально-психологических аспектах радикализации общества и отношения населения к мерам противодействия, принимаемым государством для стабилизации ситуации. Были разработаны анкеты, включающие 31 вопрос, с помощью которых было изучено мнение 1 220 респондентов (как мужчин, так и женщин), являющихся жителями Казахстана. Опрос осуществлялся на русском и государственном языках. Обобщенные результаты исследования представлены в научной статье.

Радикализм ассоциируется с активным стремлением к фундаментальным изменениям через принципиальные идеи, методы их реализации и связанные с ними действия, поэтому некоторые

¹ О Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах — членах Организации Договора о коллективной безопасности: решение Комитета секретарей Советов безопасности организации договора о коллективной безопасности от 8 июня 2016 г., г. Ереван. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата обращения: 25.10.2024).

исследователи определяют его как форму социальной практики или деятельности, которая опирается на экстремальные идеологии и радикальные действия, целящиеся в коренное трансформирование существующих социально-политических систем или условий [12].

Согласимся с тем, что схожая форма радикализма проявилась в январе 2022 г. в Казахстане. События, начавшиеся 2 января 2022 г. с протестов, быстро переросли в идеологическую агрессию и радикальные методы действий. Спровоцировало данную ситуацию резкое увеличение стоимости газа на автозаправках с 50—60 до 120 тенге за литр.

Акции протеста в городе Жанаозен Мангистауской области вначале сопровождались перекрытием дорог, а к ночи 3 января жители вышли на центральную площадь города и выдвинули наряду с экономическими политические требования. Впоследствии протестные акции охватили и другие регионы, включая Актау, Алматы, Нур-Султан, Актобе, Караганду, Шымкент, Кокшетау, Уральск, Семей, Усть-Каменогорск и Павлодар. Анализ событий, зафиксированных в ходе последующих расследований, показал, что действия были поддержаны экстремистами, приверженцами радикальной идеологии, которые призывали протестующих к использованию чрезвычайно агрессивных мер, направленных на дестабилизацию общественного порядка.

По нашему мнению, знание потенциальных угроз и изучение отношения респондентов к проблеме терроризма и экстремизма имеет существенное значение в понимании данных антисоциальных явлений, поскольку игнорирование мнения населения может привести к неверному выбору средств и методов противодействия. Считаем, что именно игнорирование мнения населения (по крайней мере, его определенной части) на Украине привело сперва к Майдану, а впоследствии к событиям, которые происходят в настоящее время, поэтому мы убеждены, что одним из методов выявления причин возникновения радикальных настроений в обществе является анонимное анкетирование. В частности, мы обнаружили, что значительная часть опрошенных оценивает эффективность антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий как низкую. Такую точку зрения высказали 48,7 % респондентов, опрошенных на русском языке, и 42,3 % — на казахском. Примечательно, что проведенное более 10 лет назад Институтом политических решений исследование получило аналогичные данные, о чем

свидетельствуют опубликованные в открытом доступе результаты¹.

Результаты анкетирования указывают на то, что многие граждане не чувствуют себя защищенными от возможных террористических угроз: только 8,9 % опрошенных на русском языке и 5,1 % на казахском считают себя полностью защищенными сейчас и уверены в своей безопасности в дальнейшем, а более четверти, т. е. 25,1 и 26,8 %, считают себя незащищенными в будущем. Необходимость проведения научных исследований для подтверждения текущих результатов является очевидной, однако уже на данный момент можно констатировать серьезные проблемы в деятельности правоохранительных структур по обеспечению защиты населения от угроз терроризма и экстремизма. Анализ результатов анкетирования также подтверждает, что значительная доля населения (39,0 и 24,7 % соответственно) допускает в будущем возможность совершения террористических актов или проявлений экстремизма. Кроме того, почти пятая часть опрошенных (19,5 и 13,4 %) считает вполне вероятным повторение событий, произошедших в 2022 г. Интерпретация полученных данных свидетельствует о нарастающем пессимизме в среде респондентов. Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что террористические акты, произошедшие в январе 2022 г., были предсказуемы [13].

Несмотря на имеющуюся в научной литературе критическую оценку деятельности правоохранительных органов по предотвращению экстремистских и террористических проявлений [14], большинство граждан все же положительно воспринимают государственную политику в области межэтнических отношений, которая рассматривается как фундаментальный элемент поддержания национальной стабильности и играет значительную роль в сдерживании террористических угроз. Так, по большей части или полностью проводимую политику одобряют 65,8 и 77,3 %, в то время как в меньшей степени или вообще не одобряют — 26,8 и 6,2 % соответственно.

Незначительная часть респондентов (37,4 и 24,7 %) считает, что религия должна быть полностью отделена от государства. Однако подавляющее большинство опрошенных на русском языке (57,7 %) и третья часть (32,9 %) респондентов на государственном языке считают, что госу-

¹ Терроризм в Казахстане – 2011—2012 гг. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1598478.html> (дата обращения: 11.11.2024).

дарство должно поддерживать тесные отношения с традиционными религиями и ограничивать деятельность нетрадиционных религиозных объединений и групп.

Отметим, что за годы независимости в Казахстане резко возросло количество религиозных заведений. Между тем, как утверждают в агентстве по делам религий, количество мечетей влияет на ситуацию с экстремизмом в регионах. Некоторые из недавних исследований ближневосточного и исламского экстремизма подчеркивают активную роль медресе в распространении экстремистских взглядов [15]. Согласно официальным данным, в некоторых регионах Казахстана, например в Туркестанской области, построено более 800 мечетей, в то время как в Актюбинской и Атырауской области их только 30. Как отмечает директор научного центра Т. Козырев, в Западном Казахстане количество мечетей значительно меньше, чем на юге страны, что сопровождается накалом общественных настроений. В регионах, где отсутствует баланс, отношения между конфессиями обостряются. Данные территории характеризуются наименьшей религиозной активностью и, соответственно, низким уровнем религиозной осведомленности¹.

Мы считаем, что радикализации общества способствует не количество религиозных учреждений, а то, какая идеология в них проповедуется и к чему призывают священнослужители и проповедники.

На всем постсоветском пространстве именно Казахстан считается одним из самых толерантных светских государств, в частности, по отношению к религии. В то же время значительная часть респондентов в обеих группах отметили положительное отношение к представителям других религиозных верований — 82,1 и 73,9 % и лишь небольшое отчуждение (1,6 и 9,2 %) к отдельно взятым религиям. По нашему мнению, есть два возможных объяснения того, почему лояльность к другим нациям, народностям и представителям других религий имеет место в Казахстане. Первое: на протяжении двух последних столетий, и в особенности в 30-х гг. прошлого века, Казахстан был местом, куда ссылались люди с других регионов СССР. Второе: коренное население отличалось

открытым нравом и состраданием к ссыльным — представителям других национальностей и религий, из поколения в поколение передавались сочувствие к другим народам и отсутствие неприязненного отношения к отдельно взятым религиям.

Наверное, поэтому на вопрос «Как вы относитесь к людям, которые носят в повседневной жизни религиозную одежду (хиджаб, никаб, чадра, паранджа)?» более трети опрошенных ответили, что относятся с безразличием — 35,7 и 24,7 %. Подавляющее большинство (82,1 и 65,9 % соответственно) отрицательно относится к нетрадиционным религиозным течениям и группам, и лишь 15,4 % — безразлично. Таким образом, несмотря на лояльное в целом отношение к представителям других религий, казахстанцы с настороженностью оценивают их нетрадиционные течения. О толерантности свидетельствует и тот факт, что значительная часть респондентов (41,3 % на русском и 45,3 % на казахском) считают невозможным возникновение конфликтов на религиозной почве в месте своего проживания.

В результате проведенного исследования выявлено, что большинство опрошенных (70 %) придерживается мнения, что комбинация внутренних и внешних обстоятельств способствует привлечению обычных людей к участию в радикальных и террористических организациях. Анализируя факторы, способствующие радикализации общества, респонденты наиболее часто указывали на жизненные трудности (44,7 и 26,8 %) и чувство отчаяния или безвыходности (24,4 и 22,7 %), что составляет около четверти участников опроса. На текущем этапе развития Республики Казахстан большинство граждан определяет ключевыми факторами распространения экстремизма и терроризма следующие аспекты: миграционные процессы, влияющие на распространение экстремистских идеологий (55,2 и 44,3 %), неконтролируемое распространение в сети Интернет и онлайн-платформах медиаконтента, пропагандирующего насилие, национализм и экстремизм (75,6 и 15,4 %), а также социально-экономические проблемы, способствующие усилению радикальных настроений среди населения (52,0 и 76,3 %).

Как уже отмечалось выше, деятельность правоохранительных структур по обеспечению защиты граждан от потенциальных угроз терроризма и экстремизма нуждается в модернизации. Однако, несмотря на данные обстоятельства, большая часть респондентов считает, что именно спецслужбы могут противостоять радикальным взглядам, идеологии и проявлениям терроризма и экстре-

¹ Козырев Т. Количество мечетей влияет на ситуацию с экстремизмом в регионах? URL: <https://diapazon.kz/news/38295-kolichestvo-mechetey-vliyaet-na-situaciyu-s-ekstremizmom-v-regionah> (дата обращения: 11.11.2024).

мизма в нашей стране (51,2 и 42,3 %), о том, что это могут сделать иные правоохранительные органы, заявляет только 25,2 % русскоязычных респондентов и 22,6 % — на государственном языке. К сожалению, веру в то, что президент страны обеспечит достойный уровень противостояния данным угрозам, выразили только 17,1 и 35,0 % опрошенных.

Отсюда и разброс мнений по комплексу мер, необходимых для повышения эффективности борьбы с терроризмом и экстремизмом в Казахстане. Исследование показывает, что значительная часть обеих групп респондентов (67,4 и 67,0 %) поддерживает идею расширения объема просветительских мероприятий среди населения, включая молодежь. Высокий процент участников (79,6 и 42,3 %) считает необходимым усиление контроля за средствами массовой информации, в том числе Интернетом и социальными сетями. Большинство опрошенных (60,9 и 39,2 %) положительно относятся к ужесточению ответственности и наказания за террористическую и экстремистскую деятельность. Однако, по мнению большинства респондентов (70,7 и 85,5 %), основным профилактическим механизмом является повышение уровня жизни населения.

Возможность проявлений радикализма в Казахстане уже давно вышла из разряда мифических угроз его национальной и государственной безопасности как светского государства. Первым официально признанным террористическим актом на территории Казахстана стали два взрыва 31 октября 2011 г. недалеко от здания акимата Атырауской области и городской прокуратуры. Тогда ответственность за взрывы взяла на себя террористическая организация «Джунд-аль-Халифат» («Солдаты Халифата»), которая запрещена в Казахстане и России.

Январские события 2022 г. — самое крупное проявление террористической активности в Казахстане. Анализ сложившейся в стране ситуации показывает наличие специфических особенностей, которые считаем необходимым рассмотреть подробнее.

Особенностью экстремизма и терроризма в Казахстане является то, что в преступную деятельность активно вовлекается молодежь. Проведенный анализ статистических данных показывает, что больше половины (55 %) лиц, привлеченных к ответственности по ст. 256 УК РК «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма», — это лица от 18 до 29 лет, из них 36 % не достигли 25-летнего возраста. Это согласуется с выводами экспертов, считающих,

что молодежь довольно часто вербуют более опытные террористы [16].

Второй особенностью является то, что основная масса (73 %) участников террористической и экстремистской деятельности — это безработные или неофиты, лишь недавно принявшие ислам и не имеющие о нем достаточно представления. Лишь 6 % из 220 осужденных за деяния, связанные с экстремистской деятельностью, обучались в специальных религиозных заведениях, следовательно, большая часть привлеченных к ответственности — это лица без религиозного образования.

Еще одной особенностью можно считать тот факт, что террористические организации, действующие в Казахстане, как правило, не выдвигают четко сформулированных требований. Не выявлено в Казахстане и центра управления экстремистскими или террористическими организациями, осуществляющего координацию их деятельности, отсутствуют явно выраженные республиканские лидеры этих движений. Однако более глубокий анализ показывает, что, несмотря на определенную автономию, все же существуют некоторые формы горизонтального взаимодействия, поэтому отдельные эксперты определяют террористические организации как сетевые структуры с горизонтальной координацией, не имеющие жесткой иерархии или взаимосвязей. Отмечается, что отсутствие центра принятия решений и стабильного финансирования повлияло на произошедшие в январе 2022 г. события, которые имели в основном стихийный характер [17].

Таким образом, можно констатировать, что в Казахстане, хотя и происходят отдельные террористические акты, но они пока не носят четко спланированного, организованного характера. В связи с этим в настоящий момент основной задачей правовой политики государства является предотвращение формирования идеологической основы для координации террористической и экстремистской деятельности в стране.

Руководство государства признало одной из ключевых причин радикализации протестов фактор социальной несправедливости. Именно западные регионы Казахстана являются основными «донорами» государственного бюджета за счет нефтедобывающей отрасли, однако сталкиваются с недостаточным уровнем социального и культурного развития. Доходы и прибыль от нефтяной индустрии преимущественно направляются на финансирование столицы и крупные инфраструктурные проекты в других регионах, что вызывает недо-

вольство местного населения. Жители западных областей, сталкивающиеся с низкими заработками и коррупционными рисками, оценивают эту ситуацию как несправедливую. Такое сочетание факторов способствовало формированию высокого уровня протестных настроений и радикализации населения региона. Аналитики отмечают, что «западные области обеспечивают экономическую поддержку всей страны, но в ответ получают недостаточные инвестиции в инфраструктуру, ориентированную на улучшение качества жизни населения» [18].

Радикализация некоторых социальных групп была спровоцирована коррупционными процессами, усиливающими ощущение социальной несправедливости, углубляющими конфликты в обществе и подрывающими доверие к властным структурам. Важно отметить, что после событий января 2022 г. власти начали обсуждать проблему, которую ранее предпочитали не затрагивать: феномен семейного доминирования в элитах и вредное влияние олигархических кругов. Президент Казахстана высказался о существовании олигополии, описав ее как «классический пример, когда небольшая группа лиц полностью доминирует в ключевых секторах экономики», что и произошло в стране [19].

На некоторых территориях, особенно в южных областях, присутствует этническая эксклюзивность управления: на руководящие должности назначаются представители отдельных кланов, организованных по этническим и родовым признакам. В таких регионах интересы так называемого коренного народа имеют преимущество, что вредит правам и интересам других граждан, не входящих в эти родоплеменные группы. Клановость и доминирование в органах власти и правоохранительных органах представителей отдельных родов усиливает межнациональную напряженность и нестабильность, хотя власти об этом умалчивают, а люди до сих пор боятся об этом открыто говорить.

Еще в 1990—2000-е гг. высказывалось мнение о том, что назарбаевский род Шапрашты «захватил всю власть». Однако только после январских событий публично стали говорить о засилье во властных и правоохранительных структурах представителей этой семьи [20]. Помимо высочайшего уровня коррупции, клановость власти приводит к бесправию и отчужденности населения, перманентному чувству собственной униженности, порождая радикальные настроения. К этим негативным эмоциям, как правило, и апеллируют кураторы экстремистской и террористической деятельности, вовлекая недовольных в свою идеологию.

Представленные в данном исследовании материалы подтверждают наличие в Республике Казахстан радикально настроенной части населения, которая представляет собой реальную и активную угрозу безопасности страны, поэтому требуется акцентировать внимание на всестороннем изучении и комплексном анализе данного феномена. Приведенные результаты исследования констатируют, что граждане Казахстана осознают значимость потенциальных угроз и поддерживают проводимую государством политику в отношении мер противодействия данным угрозам. В связи с этим видится своевременным и актуальным проведение научных изысканий, направленных на изучение текущего состояния, причин радикализации общества и результативности превентивных мер, реализуемых государственными и правоохранительными структурами. Между тем текущая оценка принимаемых мер противодействия проявлениям терроризма и экстремизма в стране вызывает споры и часто характеризуется как недостаточно эффективная. Публичное суждение о работе правоохранительных органов в течение последнего десятилетия склоняется к критике, основанной на их неспособности адекватно защищать население от потенциальных угроз. К тому же анализ мнения респондентов показывает, что в будущем не исключается возможность совершения новых актов терроризма или экстремизма в Казахстане, причем почти пятая часть опрошенных полагает, что такие акты могут произойти уже в ближайшее время.

Несмотря на то что террористические акты, зафиксированные в январе 2022 г. в Казахстане, предсказывались аналитиками, правоохранительные органы страны оказались не готовы к таким событиям и не осуществили работу по предотвращению и нейтрализации угроз. По оценке экспертов, эффективность деятельности правоохранительных структур в области предотвращения экстремизма и терроризма следует признать неудовлетворительной. Тем не менее население в целом положительно воспринимает проводимую государством политику в области религиозных и межнациональных отношений, включая взаимодействие с традиционными религиозными организациями и регулирование активности нетрадиционных религиозных групп.

В ходе проведенного анкетирования респондентов получила подтверждение гипотеза о том, что к радикализации общества приводят как внутренние, так и внешние факторы. Наиболее выраженные — это миграционные процессы, социально-

экономические проблемы, способствующие усилению радикальных настроений среди населения, неограниченная пропаганда насилия, национализма и экстремизма в сети Интернет и на онлайн-платформах.

На наш взгляд, трагическим январским событиям 2022 г. в Казахстане поспособствовал целый комплекс условий. Причем значительное влияние оказали системная коррупция и клановая структура власти, прикрывающая свою несостоятельность проведением череды бесконечных реформ, которые не улучшали жизнь, а в совокупности усиливали острое ощущение социальной несправедливости у населения. Чувства бесправия, отчужденности и униженности подрывали доверие к органам власти, что, в свою очередь, способствовало зарождению и укреплению радикальных настроений среди отдельных групп населения.

Вместе с тем результаты проведенного исследования обнадеживают, поскольку основные группы респондентов едины в понимании необ-

ходимости улучшения уровня жизни населения. Большинство опрошенных поддерживают меры, направленные на ведение разъяснительной работы, укрепление контроля за средствами массовой информации, а также на ужесточение наказаний за террористическую и экстремистскую деятельность.

Однако, несмотря на то что в исследовании нашло подтверждение точка зрения об отсутствии в Казахстане централизованных экстремистских и террористических структур с конкретными лидерами на национальном уровне, нужно держать ситуацию под контролем, так как она в любой момент может измениться. Следовательно, органы власти, правоохранительные структуры и гражданское общество должны объединиться и совместно выработать комплекс мер по противодействию экстремизму и терроризму, а также предотвращению слияния религиозно мотивированного терроризма с уголовной преступностью.

1. Гусейнов А. Ш. Психологический анализ условий радикализации деструктивных форм протестной активности личности // Казанский Педагогический журнал. 2015. № 6. С. 124—129.

2. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. 282 с.

3. Игнатенко А. А. Новости с обратной стороны луны. Ислам и политика — 2. Москва: Терра, 2012. 268 с.

4. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. Москва: Весь мир, 2006. 220 с.

5. Требин М. П. Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2004. 816 с.

6. Тукумов Е. В. Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. Алматы: Казахстанский ин-т стратег. исслед. при Президенте Республики Казахстан, 2004. 178 с.

7. Экстремизм в Центральной Азии / под ред. К. Н. Бурханова. Алматы, 2000. 108 с.

8. Ашимбаев М. Угрозы безопасности государств центральноазиатского региона // Факторы безопасности в Казахстане и Центральной Азии: материалы междунар. конф. Алматы, 2001. С. 12—16.

9. Sultangalieva A. K. Islam and Security Concerns in Central Asia: American view // Central Asia's affairs. 2003. № 2. P. 5—6.

1. Guseynov A. Sh. Psychological analysis of the conditions for radicalization of destructive forms of protest activity of a person. Kazan pedagogical journal, 124—129, 2015. (In Russ.).

2. Dobayev I. P. Islamic radicalism: genesis, evolution, practice. Rostov-on-Don: Publishing House of the North Caucasian scientific center of higher school; 2003: 282. (In Russ.).

3. Ignatenko A. A. The news from the back side of the moon. Islam and politics — 2. Moscow: Terra; 2012: 268 (In Russ.).

4. Malashenko A. V. Islamic alternative and Islamic project. Moscow: Ves' mir; 2006: 220. (In Russ.).

5. Trebin M. P. Terrorism in the XXI century. Minsk: Harvest; 2004: 816. (In Russ.).

6. Tukumov Ye. V. Religious-political extremism as a threat to regional and national safety of the countries of Central Asia. Dissertation of candidate of political sciences. Almaty: Kazakhstan Institute of strategic studies under the President of the Republic of Kazakhstan; 2004: 178. (In Russ.).

7. Extremism in Central Asia. Red. by K. N. Burkhanov. Almaty: 2000: 108. (In Russ.).

8. Ashimbayev M. Threats to the safety of states of the Central Asian region. In: Factors of safety in Kazakhstan and Central Asia. Materials of the international conference. Almaty; 2001: 12—16. (In Russ.).

9. Sultangalieva A. K. Islam and Security Concerns in Central Asia: American view. Central Asia's affairs, 5—6, 2003. (In English.).

10. Лакбаев К. С. Характеристика современной организованной преступности, наркобизнеса и религиозного экстремизма. Караганда: Болашак-Баспа, 2010. 68 с.
11. Нурғалиев Б. М., Лакбаев К. С. Ваххабизм как идеология религиозного экстремизма: истоки возникновения и тенденции развития в Казахстане. Караганда: Болашак, 2010. 74 с.
12. Ханов Т. А., Пудинова В. С. Международный терроризм: угроза стабильности казахстанского общества // Актуальные проблемы современности. 2023. № 4 (42). С. 25—31.
13. Ханов Т. А., Нурғалиев Б. М., Уалиев К. С. Некоторые итоги исследования причин радикализации в контексте борьбы с экстремизмом и терроризмом в Казахстане // Строительство Нового Казахстана: политико-правовые, экономические и социально-культурные основы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы: Алматы-Болашак, 2022. С. 361—366.
14. Иржанов Р. С., Дуйсенбай А. А. Информационные аспекты противодействия распространению радикальной идеологии // Строительство Нового Казахстана: политико-правовые, экономические и социально-культурные основы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы: Алматы-Болашак, 2022. С. 215—220.
15. Ефимова Л. Н. Исламский экстремизм в Индонезии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-ekstremizm-v-indonezii> (дата обращения: 15.12.2024).
16. Maleckova J., Stanisic D. Public opinion and terrorist acts // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27, Issue S1. P. 107—121.
17. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского. Москва: Изд-во РГГУ, 2021. 562 с.
18. Вагнер А. Протесты в Казахстане: «Это сценарий того, что может произойти в России». URL: <https://ru.krymr.com/a/kazakhstan-protesty-tsena-na-gaz-nazarbayev-tokayev/31642027.html> (дата обращения: 15.12.2024).
19. Валиева А. Что случилось в Казахстане, по версии Токаева? Обзор интервью. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/10564edd> (дата обращения: 15.12.2024).
20. Ергалиев Г., Ашимбаев Д. Особенности транзита власти в Казахстане. URL: <https://nomad.su/?a=> (дата обращения: 15.12.2024).
10. Lakbayev K. S. Characteristics of acting organized crime, drug trafficking and religious extremism. Karaganda: Bolashak-Baspa; 2010: 68. (In Russ.).
11. Nurgaliev B. M., Lakbayev K. S. Wahhabism as an ideology of religious extremism: origins and trends of development in Kazakhstan. Karaganda: Bolashak; 2010: 74. (In Russ.).
12. Khanov T. A., Pudanova V. S. International terrorism: a threat to the stability of Kazakhstan's society. Topical issues of the present-day, 25—31, 2023. (In Russ.).
13. Khanov T. A., Nurgaliev B. M., Ualiev K. S. Some results of the research of the causes of radicalization in the context of combating extremism and terrorism in Kazakhstan. In: New Kazakhstan formation: political and legal, economic and socio-cultural bases: materials of international scientific and practical conference, Almaty: Almaty-Bolashak; 2022: 361—366. (In Russ.).
14. Irzhanov R. S., Duisenbay A. A. Information aspects to counteract the spread of the radical ideology. In: New Kazakhstan formation: political and legal, economic and socio-cultural bases. Materials of international scientific and practical conference. Almaty: Almaty-Bolashak; 2022: 215—220 (In Russ.).
15. Yefimova L. N. Islamist Extremism in Indonesia. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-ekstremizm-v-indonezii>. Accessed: 15 December 2024. (In Russ.).
16. Maleckova J., Stanisic D. Public opinion and terrorist acts. European Journal of Political Economy, 107—121, 2011. (In Eng.).
17. Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the ways to combat them. General red. by A. S. Korzhovsky. Moscow: RSUH; 2021: 562. (In Russ.).
18. Wagner A. Kazakhstan protests: "This is a possible scenario for what might take place in Russia". Available from: <https://ru.krymr.com/a/kazakhstan-protesty-tsena-na-gaz-nazarbayev-tokayev/31642027.html>. Accessed: 15 December 2024 (In Russ.).
19. Valieva A. What has happened in Kazakhstan, in Tokayev's opinion? Survey of the interview. Available from: <https://rossaprimavera.ru/article/10564edd>. Accessed: 15 December 2024. (In Russ.).
20. Yergaliev G., Ashimbayev D. Specifics of the transition of power in Kazakhstan. Available from: <https://nomad.su/?a=>. Accessed: 15 December 2024. (In Russ.).

Ханов Талгат Ахматзиевич,

директор научно-исследовательского института
экономических и правовых исследований
Карагандинского университета
Казпотребсоюза,
доктор юридических наук, профессор;
tkhanov65@gmail.com

Нургалиев Бахыт Молдатьяевич,

главный научный сотрудник
НИИ экономических и правовых исследований
Карагандинского университета
Казпотребсоюза,
доктор юридических наук, профессор;
nbake@mail.ru

Анисимов Валерий Филиппович,

профессор Высшей школы права
Югорского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент;
anisimov.vf@gmail.com

Khanov Talgat Akhmatzievich,

director of the research institute
of economic and legal research
of the Karaganda University
of Kazpotrebsoyuz,
doctor of juridical sciences, full professor;
tkhanov65@gmail.com

Nurgaliev Bakhyt Moldatiyaevich,

chief research scholar of the research institute
of economic and legal studies
of the Karaganda University
of Kazpotrebsoyuz,
doctor of juridical sciences, full professor;
nbake@mail.ru

Anisimov Valery Philippovich,

professor at the Higher school of law
of the Yugra State University,
doctor of juridical sciences, docent;
anisimov.vf@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.195.3(09)

**ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ****Елена Вильгельмовна Вологина*, Эйда Владимировна Голоманчук****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления —

филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomachuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается генезис отечественного законодательства, регулирующего систему прокурорского надзора в России, что помогает глубже понять его современное состояние. Авторы прослеживают эволюцию прокурорской функции от ее зарождения в XVII в. до сложившейся в XXI в. системы, играющей ключевую роль в охране законности и правопорядка в России.

Анализируются различные этапы развития, включая реформирование, меняющее правовую систему и политические условия, определяющее роль и функции прокуратуры в сфере надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Особое внимание уделяется действию прокуроров в разные исторические периоды: от царской России до настоящего времени, что позволяет выделить стабильные и переменные аспекты прокурорского надзора в уголовном процессе, а также показать, как общественные и правовые трансформации повлияли на его позицию в системе государственной власти. Освещаются вопросы взаимодействия прокуратуры с другими государственными институтами и обществом в целом.

Исследование исторических аспектов прокурорского надзора в России в сфере уголовного судопроизводства дает возможность изучить его природу для понимания его функции в контексте правовой системы современной Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорский надзор, историческое развитие, прокуратура, прокурор, уголовный процесс

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Генезис отечественного законодательства, регулирующего прокурорский надзор в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 73—81.

**GENESIS OF DOMESTIC LEGISLATION
TO REGULATE THE PROSECUTOR'S SUPERVISION
IN THE CRIMINAL PROCEDURE****Yelena Vil'gel'movna Vologina*, Eida Vladimirovna Golomanchuk****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, golomachuk-ev@ranepa.ru

Abstract. The article deals with the genesis of domestic legislation that regulates the system of the prosecutor's supervision in Russia to help understand its acting state more detailed. The authors observe the evolution of the prosecutor's function from its origin in the XVII century to the prevailing system of the XXI century playing a key role in the protection of legality and law and order in Russia.

The authors analyze various stages of development including reforming that changes the legal system and political conditions as well as determines the role and functions of the prosecutor's office in the sphere of supervision of the procedural activity of the inquiry bodies and the preliminary investigation organs. Particular attention is paid to the action of prosecutors in different historical periods: from tsarist Russia to the present days. It gives an opportunity to identify stable and variable aspects of the prosecutor's supervision in the criminal procedure

and also demonstrate how social and legal transformations have influenced his position in the system of state power. The issues of the interaction of the prosecutor's office with other state institutions and society as a whole are covered.

The research of historical aspects of the prosecutor's supervision in Russia in the sphere of criminal proceedings makes it possible to study its nature to understand its function in the context of the legal system of the modern Russian Federation.

Keywords: the prosecutor's supervision, historical development, prosecutor's office, prosecutor, criminal procedure

For citation: Vologina Ye. V., Golomanchuk E. V. Genesis of domestic legislation to regulate the prosecutor's supervision in the criminal procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 73—81, 2025. (In Russ.).

Прокуратура как важный элемент правовой системы имеет глубокие исторические корни, и ее функции появлялись в ответ на конкретные социальные, политические и экономические запросы различных эпох. Изучение этих аспектов позволяет понять, как именно исторические события и реформы повлияли на формирование действующих норм и что, в свою очередь, может помочь в разработке более адаптированных и эффективных механизмов прокурорского надзора. Трансформация прокурорских функций может служить индикатором социального прогресса, развития правосознания и устойчивости правового государства.

Прокурорский надзор играет ключевую роль в поддержании правопорядка и формировании правосознания в обществе. Его развитие непосредственно связано со становлением и укреплением правового государства. Исторический контекст позволяет глубже вникнуть в то, каким образом прокурорский надзор может способствовать улучшению правозащитной практики и поддержанию общественного порядка.

Возникновение и становление прокуратуры и, соответственно, прокурорского надзора в России началось в далеком XVII в., когда в 1701 г. Петром I была создана «Ближняя канцелярия». Благодаря данной структуре в Российской Империи начала формироваться система государственного контроля.

С началом Северной Войны для государства наступили тяжелые времена: обострилась политическая обстановка, повысились налоги, что повлекло за собой увеличение бюджета Российской Империи, вследствие чего возросло количество должностных преступлений, в частности взяточничества и краж, приводящих вновь к сокращению бюджета.

В связи с накопившимися проблемами, которые способствовали истощению государственного бюджета, требовалось принятие серьезных мер по восстановлению правопорядка и созданию

качественного системного надзора за государственным бюджетом, чем и занялся Петр I Великий. 17 марта 1714 г. он издает указ «О фискалах», образцом которого выступила система государственных органов Германии. Фискалы первыми получили надзорные функции, в дальнейшем перешедшие к прокуратуре [1]. Петр Великий позаимствовал название «прокуратура» у своих французских коллег после посещения Парижского парламента в 1717 г.

Прокуратура учреждалась тремя указами Петра Великого: первый был выпущен 12 января 1722 г. «Быть при Сенате Генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору»; второй — 18 января 1722 г. «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и в пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей», третий издан 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора» и состоял из 12 глав и 40 статей [2].

Временами случались и ошибки Сената в издании указов, которые противоречили и правовым, и моральным принципам. В таком случае генерал-прокурор имел право выразить протест Сенату, указать на совершение ошибки и потребовать ее исправления.

После смерти Петра Великого на престол взошла его жена Екатерина I Алексеевна. При ней репутации прокуратуры был нанесен сильный удар, ведь из-за учреждения Верховного тайного совета 8 февраля 1726 г. Екатерине стали менее интересны и важны дела прокуратуры, а статус Сената и генерал-прокурора резко обвалился. Но продлилось это недолго. В 1730 г. взошедшая на престол Анна Иоанновна добилась возвращения Сенату и прокуратуре прошлой репутации, которая была основана ее дядей Петром Великим. 2 сентября 1740 г., согласно указу императрицы Анны Иоанновны, генерал-прокурором был назначен Никита Юрьевич Трубецкой. Задачи и сущность

прокуратуры во времена Российской Империи были похожи на современные — главными обязанностями прокуратуры, как и в нынешнее время, являлся надзор, вынесение протестов, доклады от прокуроров высшему органу надзора, присутствие прокуроров в судебных заседаниях, в том числе в рамках уголовного процесса.

Секретари присутственных мест были обязаны выдавать прокурорам нужные им копии, выписки и справки, прочитывать им решения, постановления в их отсутствие, и вообще беспрекословно и немедленно исполнять все требования прокурорского надзора.

Генерал-прокурор принимал активное участие в работе Сената, именно он имел право на собрание Сената, но все так же продолжал наблюдать за соблюдением им долга службы. В случаях нарушения Сенатом законодательства генерал-прокурор имел право немедленно распорядиться об устранении противоправных мер со стороны Сената [3].

В 1764 г. Екатерина II назначает на должность генерал-прокурора Александра Алексеевича Вяземского. Екатерина II, так же как и ее предшественники, серьезно относилась к прокуратуре, и она своими словами давала понять об этом: «...вреднее для общества ничего быть не может, как генерал-прокурор такой, которой к своему Государю совершенного чистосердечия и откровенности не имеет, так как и для него хуже всего не иметь от Государя совершенной доверенности, понеже он по должности своей обязывается сопротивляться наисильнейшим людям, и, следовательно, власть Государская одна его подпора». Еще одним подтверждением серьезного подхода к прокуратуре являлось то, что Екатерина ясно давала понять: генерал-прокурор не должен бояться говорить в своих докладах правду и спорить с самой императрицей, если это делается на благо государства. На протяжении своего генерал-прокурорства Вяземский стал довольно близким советником Екатерины II, и вскоре выполнял функции первого министра [4, с. 463].

Следующий монарх, возшедший на престол Российской Империи, — Павел I. Он так же с полной ответственностью и серьезностью продолжал развивать систему прокуратуры, поскольку считал данный институт перспективной структурой. При Павле I генерал-прокурору было вменено в обязанность возглавлять работу по упорядочению законодательства: он должен был отобрать лучших чиновников, необходимых для формирования

Уложенной комиссии, которая занималась составлением законов [5]. Отметим, что следующие монархи не ослабили роли прокуратуры в Российской Империи.

Александр I, придя к власти в 1801 г., установил должность, которая фактически называлась «Министр юстиции», но по сути им являлся генерал-прокурор. Первым Министром Юстиции в Российской Империи стал Гавриил Романович Державин, именно этот человек первым в истории прокуратуры создал так называемые должностные инструкции, а также утвердил семь принципов губернской прокуратуры. С образованием Министерства юстиции в Российской Империи появились понятия анализа и учета преступности, ежегодно Министерством формировались отчеты, в которых отображался в том числе анализ преступлений и преступной деятельности.

Существенное изменение судебной системы произошло после судебной реформы 1864 г., которая была принята Александром II. Она внесла свои коррективы, практически ничего не оставив от старой судебной системы: были упразднены три вида суда и выстроены новые — мировой, коронный и суд присяжных.

Мировые судьи рассматривали гражданские иски и мелкие уголовные преступления. Коронный суд занимался всеми уголовными делами Российской Империи и должностными преступлениями. У данного суда имелось четыре принципа: бессловность, равенство, гласность и состязательность. Суд присяжных занимался практически самыми сложными и запутанными уголовными делами. Присяжные заседатели в количестве 12 человек заслушивали сторону обвинения, которой являлся прокурор, и сторону защиты, после чего выносили вердикт и оглашали его суду. В число присяжных мог попасть любой человек, работал принцип равноправия. С возникновением суда присяжных появились такие понятия, как «виновен, но заслуживает снисхождения», «виновен, но заслуживает самой страшной кары». После оглашения вердикта суд выносил решение. Исходя из этого, приходим к выводу, что судебная реформа 1864 г. была построена на относительной демократизации судебной системы, которая смогла привести суды к гласности. Это вызвало позитивный отклик у общества, так как стало меньше судебного произвола: государственные служащие понимали, что система гласности практически искореняла незаконные и необоснованные решения судов.

Сотрудники прокуратуры после реформы 1864 г. не входили в судебную систему, у них образовалась своя обвинительная система, которая была подконтрольна только им. Прокуроры имели право начинать производство по уголовному делу по всем преступлениям независимо от того, как были получены сведения о совершенном преступлении: будь они по слухам, доносам или докладу полиции, но во всех этих случаях сотрудники прокуратуры должны были выяснить, истинны ли обвинения. В случае если истинность обвинений не подтверждалась, прокурор выносил заключение о прекращении уголовного дела [6]. Поясним, что в этот период начали образовываться такие процессуальные полномочия прокурора в отношении предварительного следствия, как предъявление требований следователю, указание на его ошибки, опротестовывание действий следователя в ходе предварительного следствия.

Конечно, стоит сказать, что со времен Петра I прокуратура претерпела множество изменений, но именно Петра I следует назвать основателем прокуратуры, а Александру I необходимо отдать должное за его судебную реформу: при нем прокуратура получила важнейшие уголовно-процессуальные полномочия, которые остались с нами и по сей день.

Революция 1917 г. повлияла на прокуратуру не лучшим образом. Первым негативным шагом стал «Декрет о суде», который был принят Советом народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. Данный декрет покончил с судебными институтами, которые были созданы еще во времена Российской Империи: были упразднены институты следователей и прокурорского надзора.

Все делопроизводство, закрепленное за прокуратурой, согласно «Декрету о суде», должно было быть передано «особым комиссарам». Впрочем, они в будущем и получили функции и обязанности, которые до этого были у должностных лиц прокуратуры Российской Империи, независимо от того, уголовное это делопроизводство или гражданское.

Передача дел «особым комиссарам» не привела к какому-либо успеху, ведь судебные институты, которые были упразднены Советом народных комиссаров, требовалось привести к нормализации, так как после любой революции наступают последствия, и нашу страну это не обошло стороной, уровень преступности существенно возрос: спекуляции, саботаж, кражи, грабежи стали закономерным результатом развала Российской Империи [7]. Сама система уголовного процесса с тру-

дом справлялась с постоянно и динамично возрастающей нагрузкой, прокурорский надзор мог бы поспособствовать нормализации системы.

Становление советской прокуратуры началось с того, что Народный комиссариат юстиции разработал проект о прокурорском надзоре.

Постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, а 28 мая 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил принять положение о прокурорском надзоре — этот день и считается образованием советской прокуратуры.

Важно отметить, что в Положении о прокурорском надзоре, которое было принято ВЦИК, прокуратура была независима от местных органов власти, а прокурорский надзор стал опорой общественности. Теперь органы прокуратуры занимались надзором не только за уголовным судопроизводством, как это было в Российской Империи, а получили право на надзор в области хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций. Исходя из этого можно сделать вывод, что прокуратура стала единой системой надзора и уголовного судопроизводства. Все дела, которые до этого находились у «особых комиссаров», должны были быть переданы в органы прокуратуры, появилась новая должность «Прокурор РСФСР», на него возлагались обязанности по руководству прокуратурой России.

31 января 1924 г. принимается новый и самый важный правовой акт — Конституция СССР, важным моментом в ней становится создание Верховного Суда СССР, вновь появляется новая должность «Прокурор Верховного Суда СССР», которая, впрочем, просуществует недолго. Наступает период реорганизации местных органов юстиции, которая проходила в период с 1926 по 1933 г. Конечно, это коснулось и прокуратуры, но стоит отметить, что данная реорганизация пошла ей только на пользу. Так, в 1926 г. были упразднены окружные прокуратуры, вместо них появились районные, которые были наделены теми же полномочиями. В этом же году прокуратура приобретает право на осуществление предварительного расследования преступлений, прокуроры получили полную самостоятельность принятия процессуальных решений.

В 1941—1945 гг. прокуратура продолжала выполнение своих полномочий, но прокуратуры областей, регионов, республик, в которых было введено военное положение, практически перекалвалифицировались в военные прокуратуры. Этого и следовало ожидать, поскольку увеличилось коли-

чество военных преступлений, которые пресекались непосредственно этими структурами. Но, помимо военных преступлений, никуда не исчезли и преступления «довоенные»: хищения, кражи, — все это имело место как в гражданском обществе, так и на фронтах. Нагрузка на органы прокуратуры была просто колоссальной, ведь ко всем прочим преступлениям добавилось и дезертирство. Из-за дезертирства не хватало рабочих, которые требовались на заводах, в мастерских и других предприятиях, переведенных на военное производство.

Обстановка войны требовала расширения должностных полномочий военных прокуроров. В итоге военные прокуроры стали иметь право безотлагательно назначать внесудебное направление военнослужащих за совершенные ими преступления в штрафные роты, где они отбывали уголовное наказание. Не обошлось и без применения военного трибунала, отличавшегося от судов тем, что его организация и деятельность вводилась в чрезвычайных условиях военного времени. Для сотрудников прокуратуры, как и для всей страны, Великая Отечественная война была очень тяжелым периодом. Число кадровых сотрудников уменьшалось из-за недостатка военных на фронтах, в итоге, согласно историческим фактам, к 1942 г. в кадровых составах дивизионных прокуратор, прокуратор авиационного базирования, военно-морских прокуратор осталось всего по два человека в штате (ими были сам военный прокурор и следователь).

Отметим, что в военное время долгое реагирование на уголовные преступления, на их разбираемость могло повлечь невозможность работы сотрудников прокуратуры. В результате было принято решение об уменьшении сроков производства по уголовным делам, причем сроки были просто мизерными, производство по делу должно было составлять от одного до трех дней. В данные сроки входило и судебное рассмотрение, т. е. безотлагательно, в случае если преступник был пойман и все доказательства указывали только на него, созывался военный трибунал, который принимал судебное решение и приводил приговор в исполнение [8].

Значимым моментом в области уголовного надзора военной прокуратуры стало издание приказа Верховного Главнокомандующего ВС СССР от 16 августа 1941 г., который давал право командирам вооруженных сил принимать решения о расстреле на фронтах трусов, дезертиров, паникеров и других нарушителей правопорядка. В свою очередь военная прокуратура занималась недопу-

щением неправомерного принятия решения о расстреле или применении репрессий со стороны командования. Помимо этого, 21 августа приказом Верховного Главкома ВС СССР командиры получили право лично принимать решения о направлении солдат в штрафные роты, это тоже стало направлением прокурорского надзора.

В послевоенные годы требовалось восстановление всех сфер жизнедеятельности, и прокуратуре нужно было следить за законностью в сфере экономики, особенный акцент был сделан на народное имущество и соблюдение экономии народных ресурсов. Это сподвигло Президиум Верховного Совета СССР принять новое положение «О прокурорском надзоре»¹, которое стало четко определять средства осуществления прокурорского надзора. В соответствии с этим положением прокуратура, наконец, стала единой централизованной системой. Документ также определял, какие лица могут рассчитывать на службу в прокуратуре: если раньше при назначении на должность следователя прокуратуры или прокурора образование особо не учитывалось, то теперь для получения данных должностей требовалось обязательное высшее юридическое образование. Конечно, были и исключения из этих правил, но они согласовывались лично с Генеральным прокурором СССР. После принятия нового положения при поступлении на службу в органы прокуратуры была обязательна стажировка сроком в один год.

Область прокурорских протестов благодаря данному положению увеличилась. Прокурор имел право опротестовывать все незаконные решения сотрудников государственных органов, это распространялось на приказы, приговоры, постановления, которые были приняты необоснованно или же в нарушение законодательства.

25 декабря 1958 г. принимается и утверждает новый закон СССР «Основы законодательства о судостроительстве СССР», который вновь расширил полномочия сотрудников прокуратуры. Теперь за прокурором были закреплены обязанности по возбуждению уголовного дела, раскрытию преступлений, а также право по надзору за исполнением законодательства при осуществлении предварительного следствия и дознания. В конце этого года появились направления прокурорского надзора; их было достаточно много, но самыми актуальными считались прокурорский надзор за дея-

¹ Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР: указ Президиума ВС СССР от 24 мая 1955 г. // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

тельностью советской милиции по обеспечению охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, а также надзор за соблюдением законности в местах предварительного заключения [9].

Новый этап в области развития органов прокуратуры пришелся на 1977 г., который был связан с принятием новой Конституции СССР, а также Конституции РСФСР. В этот период в Конституции СССР появилась отдельная глава, состоявшая из пяти статей и посвященная прокуратуре, были закреплены полномочия и положения при осуществлении прокурорского надзора. Обратим внимание на первую статью этой главы, которая закрепляла за Генеральным прокурором СССР осуществление высшего надзора за исполнением законодательства в министерствах, государственных комитетах и других государственных органах.

С 1980-х гг. для всех республик СССР наступает новый этап развития: начинают создаваться акционерные общества, в страну приходят иностранные деньги, промышленность, — все это было в новинку, и прокуратуре вновь потребовалась перестройка, хоть и не очень значительная.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ было проведено разграничение функций надзора и руководства расследованием преступлений, осуществления предварительного следствия. Произошло значительное сокращение процессуальных полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия, часть из которых была восстановлена позже.

Новейший этап прокурорского надзора за уголовным процессом начался в результате реформы 2007—2011 гг. и продолжается в настоящее время.

Под прокурорским надзором за исполнением законов органами предварительного расследования понимается урегулированная нормами права деятельность уполномоченных прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса, направленная на обеспечение законности при осуществлении уголовного преследования, что и является его целью.

Функции прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства сформулированы в ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ). Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной

деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

На текущем этапе развития прокурорского надзора введены механизмы, позволяющие прокурорам более эффективно исполнять свои надзорные функции, включая возможность оперативного реагирования на нарушения законности. Сфера надзорной деятельности прокуратуры расширилась, в частности субъектный состав лиц, за соблюдением прав которых надзирает прокуратура, и качественные характеристики решений органов предварительного следствия, которые проверяются прокуратурой (оценка не только законности, но и обоснованности, мотивированности таких решений).

Прокурорам предоставлены дополнительные полномочия в процессе предварительного расследования, которое позволяет им более полно участвовать в уголовном процессе. Фактически прокурор контролирует законность и обоснованность действий следственных органов. Он также следит за законностью производства расследования, чтобы действия и решения органов следствия и дознания соответствовали требованиям уголовно-процессуального законодательства. Прокурор выступает в качестве обвинителя, что подчеркивает его активную роль в обеспечении правосудия и соблюдения закона.

Одна из значительных тенденций современного этапа развития прокурорского надзора, связанных с внедрением новейших технологий работы прокуратуры, — это применение информационных технологий для обеспечения оперативного доступа к материалам дела, который позволяет сократить время на их изучение и анализ, и использование аналитических инструментов для оценки и прогнозирования преступности, а также для повышения эффективности надзора за исполнением законов органами предварительного следствия.

Однако, к сожалению, на современном этапе есть и проблемы, к которым мы можем отнести кадровый голод — вопрос нехватки квалифицированных специалистов стоит достаточно остро, в том числе перед прокуратурой.

Статья 129 Конституция Российской Федерации в редакции закона о поправках в 2020 г. определяет прокуратуру как «единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные

функции». Это положение имеет несколько ключевых аспектов применительно к генезису развития института прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, поскольку формирует функции и систему органов государственной власти и определяет там место прокуратуре.

Единство и централизованность означают, что прокуратура функционирует как единое целое, подчиняясь одним принципам и механизмам, что предполагает единообразие в применении закона на всех уровнях — от федерального до местного. Централизованная система позволяет прокуратуре более эффективно контролировать действия других государственных органов и обеспечивать законность и правопорядок. Функция надзора за соблюдением Конституции и законов служит важным инструментом для защиты прав и свобод граждан. Прокуратура выступает в качестве гаранта законности и правопорядка.

В целом можем сказать, что новейший этап прокурорского надзора в России характеризуется комплексным подходом к обеспечению законности на всех стадиях уголовного процесса, применением современных технологий, повышением квалификации и взаимодействием с институтами гражданского общества.

Взаимосвязь исторических аспектов становления и развития системы прокурорского надзора в России с современностью является ярким примером того, как прошлое формирует настоящее, а также определяет направление будущего. Важно понимать, что изменения в обществе, политике и праве это не разрозненные события, а целостный процесс, отражающий внутренние потребности, с которыми сталкивается государство. Исторически прокуратура в России была создана как инструмент контроля над соблюдением законности и защиты интересов государства. В последние десятилетия эта функция претерпела изменения, акцентируя внимание на защите прав и свобод граждан. Заметна, например, трансформация роли прокуратуры в борьбе с корруп-

цией. Если в советский период акцент делался на соблюдении интересов коммунистической партии, то сегодня значительна роль прокуратуры в том числе в системе противодействия коррупции, что подчеркивает ее роль в защите общественных интересов.

Исторический опыт показывает, что прокуратура успешно адаптировалась к различным вызовам, и сегодня ей также предстоит решать важнейшие задачи, связанные с новыми формами преступности: киберугрозами, терроризмом и т. д. Подходы к реагированию на такие вызовы объединяют опыт прошлого и современные методики работы.

Итак, мы видим, что прокурорский надзор в России проходит через несколько ключевых исторических этапов, каждый из которых отражает изменения в политической и социальной жизни страны — от первых упоминаний о прокурорских функциях в XVII в. до постсоветского периода. Система адаптировалась к требованиям времени, что говорит о ее гибкости и способности к трансформации.

Развитие прокурорского надзора в России неразрывно связано с важнейшими историческими событиями, такими как реформы Петра I, становление советского правосознания и переход к современной демократической правовой системе. Все эти изменения подчеркивают, как прокурорский надзор реагировал на вызовы времени, как формировались его функции и полномочия в соответствии с требованиями и вызовами исторического периода.

С течением времени основная роль прокурора менялась от защиты государственных интересов до охраны прав и свобод граждан. Это изменение свидетельствует о повышении значимости прав человека в правоприменительной практике и необходимости учитывать их в рамках прокурорского надзора. Переход к правозащитным функциям прокуратуры является важнейшим шагом к формированию правового государства.

1. Шушкова М. И. Прокурорский надзор в России: история и современность, перспективы развития // Публичное право и управление: перспективы развития: материалы I Всерос. студенческой конф. (Москва, 11 апр. 2018 г.). Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 304—306.

1. Shushkova M. I. The prosecutor's supervision in Russia: history and modernity, prospects of development. In: Public law and management: prospects of development. Materials of the 1st all-Russian students conference, 11 April 2018, Moscow, Russia. Moscow: RG-Press; 2018: 304—306. (In Russ.).

2. Басков В. И. История прокуратуры Российской империи // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1997. Вып. 11 (2). С. 3—13.

3. Любушкин В. А., Зотов М. А. История становления Российской прокуратуры // Контентус. 2017. № 11 (64). С. 24—31.

4. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1986. 511 с.

5. Головатинская И. А. Об истории становления института прокурорского надзора в первоначальной стадии уголовного судопроизводства в дореволюционный период // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. студенческой конф. (Иркутск, 11 апреля 2020 г.). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2020. С. 171—173.

6. Недобор А. Н. История становления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в России // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 4. С. 26—32.

7. Платонов Е. Д. История становления и развития прокурорского надзора за органами предварительного следствия // Современная юриспруденция: Актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 октября 2017 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 201—204.

8. Кожевников О. А. К истории прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности (1802—1917 гг.). // Криминалист. 2023. № 1 (42). С. 125—131.

9. Калашников И. В. История прокурорского надзора за деятельностью исправительных учреждений // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу. Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИН России, 2022. С. 47—51.

Вологина Елена Вильгельмовна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

2. Baskov V. I. History of the prosecutor's office of the Russian empire. Moscow University Bulletin. Series 11. Law, 3—13, 1997. (In Russ.).

3. Lyubushkin V. A., Zotov M. A. History of the formation of the Russian prosecutor's office. Contentus, 24—31, 2017. (In Russ.).

4. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 4. Legislation of the period of the formation of absolutism. Ed. by. A. G. Mankov; general ed. O. I. Chistyakova. Moscow: Legal literature; 1986: 511. (In Russ.).

5. Golovatinskaya I. A. On the history of the formation of the institute of the prosecutor's supervision at the initial stage of criminal proceedings in the pre-revolutionary period. In: Topical problems of law-making and law enforcement in the Russian Federation. Materials of all-Russian scientific and practical students conference, 11 April 2020, Irkutsk, Russia. Irkutsk: Irkutsk state university; 2020: 171—173. (In Russ.).

6. Nedobor A. N. The history of the formation of the prosecutor's supervision of the procedural activity in the preliminary investigation bodies in Russia. Military legal and humanitarian sciences of Siberia, 26—32, 2022. (In Russ.).

7. Platonov Ye. D. The history of the formation and development of the prosecutor's supervision in the preliminary investigation bodies. In: Modern Jurisprudence: Topical problems, achievements and innovation. Collection of articles of the 2nd International scientific and practical conference, 25 October 2017, Penza, Russia. Penza: Science and Education; 2017: 201—204. (In Russ.).

8. Kozhevnikov O. A. On the history of the prosecutor's supervision of the legality of detective activities (1802—1917). Criminalist, 125—131, 2023. (In Russ.).

9. Kalashnikov I. V. The history of the prosecutor's supervision of the activities of correctional institutions. In: Collection of scientific works of winners of competitions for better scientific work. Novokuznetsk: KI of the FPS of Russia, 2022: 47—51. (In Russ.).

Vologina Yelena Vil'gel'movna,

associate professor at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры
конституционного и административного права
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Golomanchuk Eida Vladimirovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
candidate of juridical sciences;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.13

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ:
ПРОЦЕДУРА ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградская академия МВД России, Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия, iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. В настоящее время наиболее перспективным направлением разработки общих положений, составляющих теоретическую основу регулирования уголовно-процессуальных договоров, представляется анализ уже имеющейся регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве. Изучение процессуальных особенностей прекращения его действия в ходе досудебного производства, а также складывающейся практики правоприменения дает материал, позволяющий наметить ряд процедурных правил, которые носят универсальный характер и могли бы применяться в будущем при регламентации других видов процессуальных договоров. В ходе исследования механизма реализации досудебного соглашения о сотрудничестве была выявлена особенность процессуальных договоров, заключающаяся в том, что обязательства одной стороны процессуального договора всегда являются первичными, а у другой они носят производный характер. Это отражается на порядке прекращения действия договора: субъект договорного обязательства, являющегося первичным, вправе в любое время отказаться от исполнения соглашения, тогда как аналогичное правомочие второй стороны ограничено. В случае исполнения первичного обязательства производное обязательство трансформируется в процессуальную обязанность, в связи с чем ее исполнение должно быть поставлено под контроль властных субъектов уголовного процесса, включая суд.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор

Для цитирования: Дикарев И. С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: процедура прекращения действия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 82—88.

**THEORY ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURAL CONTRACTS:
TERMINATION PROCEDURE**

Iliya Stepanovich Dikarev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd State University,
Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. At present, the most promising direction for the development of general provisions constituting the theoretical basis for the regulation of criminal procedural contracts seems to be the analysis of the existing regulation of the pre-trial cooperation agreement. The study of the procedural peculiarities of its termination in the course of pre-trial proceedings, as well as the existing practice of law enforcement provides material that makes it possible to outline a number of procedural rules that are universal in nature and can be applied in the future, while regulating other types of procedural contracts. In the course of study of the implementation mechanism of the pre-trial cooperation agreement, a peculiarity of procedural contracts was identified, that the obligations of one party to a procedural contract are always primary, while the other party's obligations are derivative in nature. It is reflected in the procedure for termination of the contract: the subject of the primary contractual obligation has the right to refuse the agreement observing at any time, while the same right of the second party is limited. In the case of the primary obligation keeping, the derivative obligation is transformed into a procedural obligation, and its fulfillment should be controlled of the power subjects of criminal procedure, including the court.

Keywords: criminal procedural acts, procedural contract, pre-trial cooperation agreement, prosecutor

For citation: Dikarev I. S. Theory issues of criminal procedural contracts: termination procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 82—88, 2025. (In Russ.).

Одной из предпосылок активизации исследований проблематики договорных отношений в теории уголовного судопроизводства стало введение в уголовно-процессуальное право института особого порядка судебного разбирательства (далее — ОПСР). Объясняется это тем, что в основу ОПСР положено не оформляемое в письменном виде, но фактически имеющее место соглашение между заинтересованным в процессуальной экономии государством, с одной стороны, и добивающимся снижения максимального срока или размера наказания обвиняемым — с другой [1]. Как пишет В. В. Колесник, договор между сторонами как бы существует, но формально не заключается и не оформляется [2].

Тот же договорной механизм использован законодателем и в конструкции другого процессуального института — досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — ДСС): взамен на активное содействие стороне обвинения сторона защиты получает возможность рассмотрения уголовного дела в ОПСР, что влечет гарантированное снижение максимального размера или срока наказания. Как верно отмечает Г. В. Абшилава, этот институт стал важным шагом на пути к использованию договорно-правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в качестве действенного юридического средства борьбы с наиболее тяжкими преступлениями [3].

Существенной особенностью института ДСС является то, что его нормы предусматривают заключение сторонами письменного соглашения, т. е. вводят в систему уголовно-процессуальных актов принципиально новую для уголовного судопроизводства их разновидность — уголовно-процессуальный договор. Данная новелла, безусловно, носит прогрессивный характер, поскольку открывает новые возможности для установления процессуальных прав и обязанностей сторон на основе их взаимных договоренностей. Для реализации этих возможностей и дальнейшего внедрения в уголовный процесс договорных способов регулирования правоотношений между сторонами требуется разработка теории уголовно-процессуальных договоров. Решение этой задачи в настоящий момент возможно только одним способом: посредством анализа уже имеющейся процессуальной конструкции ДСС и выявления на этой основе специфических закономерностей, обобщение

которых позволит выявить универсальные положения, применимые для любых возможных в будущем процессуальных договоров.

Вопросам заключения сторонами ДСС, определению его содержания в уголовно-процессуальном законодательстве уделено достаточно внимания. Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), доктринальных позиций и правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд общих положений, которые могут применяться для регламентации новых видов процессуальных договоров. Назовем некоторые из них:

— обязательства по процессуальному договору предполагают совершение действий в интересах противоположной стороны. Соответственно, процессуальный договор может заключаться только между сторонами обвинения и защиты. Заключение договора между участниками процесса, реализующими в судопроизводстве одну и ту же процессуальную функцию, бессмысленно;

— учитывая, что уголовно-процессуальные отношения носят властный характер, процессуальный договор не может заключаться без участия субъекта, ведущего уголовный процесс. Следовательно, заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, не являющимися властными субъектами, например между обвиняемым и потерпевшим (если такие договоры будут предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством), должны утверждаться должностным лицом или органом, ведущим уголовный процесс;

— участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов своих подзащитных и доверителей, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности заключения процессуальных договоров;

— письменная форма процессуального договора может различаться в зависимости от стадии судопроизводства, на которой он заключается. В досудебном производстве такой договор должен составляться в виде отдельного документа, тогда как в ходе судебного производства договорные обязательства сторон допустимо фиксировать в протоколе судебного заседания, с обязательным подписанием сторонами соответствующей части протокола.

Что касается вопросов расторжения (прекращения) ДСС, то здесь уголовно-процессуальное законодательство не дает достаточного материала для формулирования выводов, которые могли бы носить универсальный характер и распространяться на все возможные в будущем процессуальные договоры. Законодательная регламентация, содержащаяся в ст. 317.4 и 317.5 УПК РФ, слишком специфична и может дать лишь общее представление об оценке стороной обвинения выполнения обязательств, принятых на себя другой стороной защиты.

Первое, на что необходимо обратить внимание: субъектом изменения или прекращения ДСС является прокурор. Такое положение объясняется тем, что именно прокурор является субъектом, заключающим ДСС со стороны обвинения. По смыслу ч. 4 ст. 317.4 УПК РФ вопрос об изменении или прекращении ДСС решается прокурором после окончания предварительного следствия, когда уголовное дело, по которому заключено ДСС, поступает к прокурору для утверждения обвинительного заключения. Как верно замечает Я. В. Лошкбанова, право обвиняемого на применение ОПСР «является производным от характера результатов соглашения и связано с их положительной оценкой следователем, прокурором и судом» [4, с. 13].

В такой регламентации проявляется черта, как представляется, общая для всех процессуальных договоров: все они должны носить *условный* характер. Применительно к ДСС обязательство стороны защиты оказать содействие органам предварительного расследования является *первичным*. Обязанность прокурора направить уголовное дело в суд с представлением об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу является *производной*. Здесь можно наблюдать специфический порядок реализации договорных обязательств властными субъектами. Поскольку всякое полномочие государственного органа или должностного лица превращается в обязанность каждый раз, когда появляются предусмотренные законом основания для его реализации, в конструкции процессуального договора их исполнение носит условный характер: полномочие реализуется в том случае, когда процессуальный оппонент выполняет свои обязательства. Другими словами, исполнение первичного обязательства (стороны защиты) создает фактическое основание для реализации (стороной обвинения) договорной обязанности, имеющей производный характер.

В части 5 статьи 317.4 УПК РФ предусмотрено вынесение прокурором постановления о прекращении действия ДСС в случае выявления данных, свидетельствующих о несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных таким соглашением. По смыслу, придаваемому данному положению в ведомственных нормативных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, постановление о прекращении действия ДСС выносится до окончания предварительного следствия (т. е. до направления уголовного дела прокурору). Если же данные о несоблюдении обвиняемым условий и невыполнении обязательств, предусмотренных ДСС, выявляются в период выполнения прокурором требований ст. 221 УПК РФ, то последний выносит постановление об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ¹.

Полагаем, что постановление является оптимальной формой для вынесения решения о прекращении действия ДСС, поскольку обеспечивает возможность изложения оснований и мотивов принятого решения, что является необходимым условием для его обжалования и последующей проверки.

Однако инициатива прекращения действия ДСС может исходить и от подозреваемого или обвиняемого. В юридической литературе отмечается, что прокурор в случае получения от обвиняемого соответствующего заявления обязан проверить его добровольность и участие адвоката в его составлении [5]. Думается, что и в подобных ситуациях прекращение действия ДСС должно оформляться постановлением прокурора с изложением основания принятого решения (заявление подозреваемого или обвиняемого) и результатов проверки законности при выражении стороной защиты волеизъявления.

Наличие у прокурора полномочия прекратить ДСС в период производства предварительного следствия ставит вопрос о роли, которую должен играть в принятии данного решения следственный орган. В настоящее время законодатель не относит ни следователя, ни руководителя следственного органа к числу субъектов заключения ДСС. Такое положение вызывает возражения, поскольку

¹ Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // Законность. 2010. № 6. С. 57.

именно орган предварительного следствия является по ДСС основным «выгодоприобретателем» на этапе расследования, а значит, руководитель такого органа должен непосредственно участвовать в обсуждении его условий и обязательств, принимаемых на себя стороной защиты. Очевидно, что и оценку сотрудничеству подозреваемого или обвиняемого, степени выполнения им своих обязательств по ДСС в ходе предварительного расследования должен давать прежде всего следственный орган.

В связи с этим в юридической литературе высказываются различные варианты регламентации участия следователя в прекращении ДСС. Во-первых, предлагается наделить следователя полномочием обращаться к прокурору с требованием расторжения ДСС [6; 7]. Е. Л. Федосеева при этом полагает, что в случае уклонения либо невыполнения подозреваемым или обвиняемым условий ДСС следователю надлежит составить письменное уведомление и направить его прокурору вместе с подтверждающими документами [8]. По мнению А. В. Травникова, следователю надлежит составлять мотивированное постановление о ходатайстве расторжения соглашения и направить его прокурору [5]. Во-вторых, высказывается мнение о том, что по окончании предварительного следствия именно следователь должен на основе оценки вклада обвиняемого в раскрытие и расследование преступления давать заключение о выполнении им условий ДСС. Л. Т. Ульянова считает, что следователь, а не прокурор должен выносить представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним ДСС, которое надлежит вместе с уголовным делом направлять прокурору [9]. По мнению Т. Б. Саркисяна и Е. Л. Федосеевой, о выполнении обвиняемым условий ДСС следователь должен указывать в обвинительном заключении [8;10].

Полагаем, что высказанные позиции, несмотря на их различия в деталях, являются вполне обоснованными. Руководитель следственного органа должен не только стать полноправным субъектом заключения ДСС, но и обладать полномочием инициировать прекращение ДСС до окончания предварительного следствия, направляя прокурору соответствующее представление. Кроме того, именно руководитель следственного органа должен составлять представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним ДСС. Адресатом такого представления должен быть проку-

пор, которому на основании этого процессуального документа, а также результатов личного изучения им в порядке ст. 221 УПК РФ материалов поступившего уголовного дела предстоит вынести постановление о прекращении ДСС либо же представление об ОПСР, предусмотренное ст. 317.5 УПК РФ.

Сама возможность одностороннего отказа от исполнения ДСС должна оцениваться исходя из того, по чьей инициативе прекращается действие соглашения. В том, что обвиняемый может в любой момент отказаться от дальнейшего сотрудничества, нет никакого противоречия: до назначения наказания, по правилам ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, обвиняемый не получает взамен своего сотрудничества ничего. Поэтому в вопросах продолжения сотрудничества подозреваемый или обвиняемый может руководствоваться личными интересами и соображениями целесообразности.

Иное дело сторона обвинения. Прокурор не вправе отказываться от исполнения своих обязанностей по ДСС произвольно или исходя из соображений целесообразности продолжения сотрудничества. Именно по этой причине законодатель четко указывает основания для прекращения действия ДСС прокурором (ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ). Этот властный субъект может выйти из соглашения только при наличии данных, указывающих на несоблюдение стороной защиты условий ДСС или невыполнение ею принятых на себя обязательств. Понятно, что стороны могут расходиться в оценке степени исполнения обязательств, принятых на себя подозреваемым или обвиняемым в связи с заключением ДСС, или соблюдения его условий. В случае, когда сторона защиты оказывала активное содействие расследованию, выносимое прокурором решение о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, может существенно затронуть права подозреваемого или обвиняемого. Единственным реальным способом защиты прав указанных участников уголовного процесса в данном случае является возможность обжалования решения прокурора.

Как уже было сказано выше, обязанность прокурора направить уголовное дело в суд с представлением, предусмотренным ст. 317.5 УПК РФ, является производной от исполнения стороной защиты своих обязательств по ДСС. Безупречное соблюдение подозреваемым или обвиняемым условий и выполнение обязательств, указанных ДСС, является ничем иным, как фактическим основанием вынесения прокурором представления в соот-

ветствии со ст. 317.5 УПК РФ. Появление такого основания преобразует право прокурора в обязанность, которую он должен неукоснительно выполнить. Следовательно, решение прокурора о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления согласно ст. 317.5 УПК РФ вполне поддается проверке на предмет законности и обоснованности не только вышестоящим прокурором, но и судом.

В главе 40.1 УПК РФ о возможности обжалования рассматриваемых решений прокурора ничего не сказано, в связи с чем в юридической литературе высказываются предложения прямо закрепить в законе право заинтересованных лиц обжаловать постановление прокурора вышестоящему прокурору [4; 5]. Представляется, что в этом нет большой необходимости, поскольку возможность обжалования таких решений вытекает из общих положений ст. 123 и 124 УПК РФ. К слову, пунктом 1.16 упомянутого приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации предусмотрена обязанность прокуроров направлять копии постановлений о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, обвиняемому и его защитнику с разъяснением порядка обжалования.

Что касается участия суда в контроле за законностью и обоснованностью прекращения ДСС по инициативе прокурора, то по этому вопросу высказываются различные мнения. В частности, некоторые исследователи предлагают установить судебный порядок расторжения ДСС в тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый против этого возражают [11; 12]. В качестве возражения против установления такого порядка К. Ф. Багаудинов указывает на то, что такая деятельность противоречила бы роли суда в уголовном судопроизводстве, втягивала бы суд в оценку доказательств, что, по мнению автора, является недопустимым [13]. Думается, установление судебного порядка расторжения ДСС нецелесообразно по иным причинам. В оценке судом доказательств при проверке законности и обоснованности принимаемого прокурором решения нет ничего выходящего за пределы процессуальной функции правосудия. Другое дело, что такой порядок прекращения действия ДСС неизбежно усложнил бы процесс, поскольку потребовал бы установления дополнительных процедур, направленных на выяснение отношения подозреваемого или обвиняемого к принимаемому решению, заявление им возражений, направления материалов в суд и пр. Как представляется, обжалование постановления прокурора о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления в соответствии

со ст. 317.5 УПК РФ, в порядке судебного контроля обеспечивает не меньше процессуальных гарантий, но при этом является более экономным, поскольку не предполагает необходимости загромождения досудебного производства дополнительными процедурами.

Вместе с тем в судебной практике имеются примеры отказа стороне защиты в судебном обжаловании постановления прокурора об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ. Суды при этом руководствуются разъяснением, которое дано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1¹, согласно которому «не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ решения и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу». Так, судья Лысьвенского городского суда Пермского края вынес постановление об отказе в принятии к рассмотрению жалобы защитника, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, сославшись на то, что заявитель оспаривает вопросы, непосредственно не связанные с осуществлением уголовного преследования на стадии досудебного производства. Данное решение оставлено судом апелляционной инстанции без изменения, а апелляционная жалоба защитника — без удовлетворения². По логике правоприменителя, решение прокурора о прекращении действия ДСС принимается в рамках надзорной деятельности, однако в действительности это не так. Следует иметь в виду, что на этапе изучения прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, происходит изменение его процессуальной функции: утверждая обвинительное заключение, прокурор принимает на себя исполнение функции уголовного преследования и с этого момента уже не осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [14]. Согласно ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесении судебного

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Российская газета. 2009. 18 февр.

² Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 8 февраля 2018 г. № 22К-788/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IAwR2MTKV66Y/> (дата обращения: 16.01.2025).

решения по данному уголовному делу прокурор выносит только в случае утверждения обвинительного заключения. Соответственно, приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации на случаи обжалования отказа прокурора во внесении постановления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, не распространяется. Кроме того, разногласия между стороной защиты и обвинения относительно решения, существенно затрагивающего права и законные интересы обвиняемого, не могут разрешаться только вышестоящим прокурором. Такое положение противоречило бы принципу состязательности и равноправия сторон, нарушая ключевую для состязательного процесса максиму «*peto iudex in causa sua*». В связи с этим, полагаем, прав Г. В. Абшилава: «Постановление прокурора о прекращении соглашения, отказ от внесения представления и другие решения органа предварительного расследования, в которых содержится решение о выходе из соглашения или негативной оценке действий обвиняемого по выполнению своих обязательств по соглашению, могут быть

обжалованы стороной защиты в порядке ст. 125 УПК РФ» [3, с. 138].

Подведем итоги. Все процессуальные договоры должны носить условный характер. Это означает, что обязательства одной из сторон будут первичными, а второй — производными. Исполнение первичного обязательства служит основанием для исполнения производного обязательства, т. е. договорное обязательство превращается в процессуальную обязанность. Из этого следует, что сторона первичного обязательства может в любой момент отказаться от исполнения процессуального договора, тогда как отказ от исполнения производного обязательства не может иметь произвольный характер. В случае исполнения первичного обязательства отказ второй стороны от исполнения договора следует расценивать как уклонение от исполнения процессуальной обязанности, т. е. как ее нарушение. Вследствие этого необходимо установление процессуального контроля за исполнением процессуального договора субъектом производной обязанности, включая возможность судебного обжалования вынесенного решения.

1. Дикарев И. С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 196–202.

2. Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024. 575 с.

3. Абшилава Г. В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 130–141.

4. Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 228 с.

5. Травников А. В. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при заключении, изменении и расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 108–113.

6. Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 245 с.

1. Dikarev I. S. Ensuring the rights of the victim while concluding a pre-trial agreement on cooperation. Legal State: Theory and Practice, 196—202, 2024. (In Russ.).

2. Kolesnik V. V. The concept of contractual relations in reconciling, accelerated and compromising procedures of criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Perm; 2024: 575. (In Russ.).

3. Abshilava G. V. Criminal procedural deal as a result of convergence of private and public law. Library of criminalist, 130—141, 2012. (In Russ.).

4. Loshkbanova Ya. V. Ensuring the rights and legitimate interests of the suspect, the accused and the victim while concluding a pre-trial agreement on cooperation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2015: 228. (In Russ.).

5. Travnikov A. V. Criminal procedural problems arising while concluding, modifying and terminating a pre-trial agreement on cooperation in criminal cases of terrorist offences. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 108—113, 2018. (In Russ.).

6. Edilova P. V. Agreement on cooperation with the accused in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 245. (In Russ.).

7. Багаутдинов К. Ф. Роль и полномочия следователя в заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 27–32.

8. Федосеева Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 24 с.

9. Ульянова Л. Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2010. № 15. С. 42–45.

10. Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 25 с.

11. Пиюк А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 57–59.

12. Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.

13. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 224 с.

14. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27–30.

Дикарев Илья Степанович,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
директор института права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

7. Bagautdinov K. F. The role and powers of the investigator while concluding and implementing a pre-trial cooperation agreement. Criminal Procedure, 27—32, 2018. (In Russ.).

8. Fedoseeva Ye. L. Special procedure of criminal proceedings while concluding a pre-trial agreement on cooperation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2014: 24. (In Russ.).

9. Uliyanova L. T. Subjects of pre-trial agreement on cooperation. Russian investigator, 42—45, 2010. (In Russ.).

10. Sarkisyan T. B. Conciliation procedures in criminal proceedings and their application at the stage of preliminary investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2012: 25. (In Russ.).

11. Piyuk A. V. Pre-trial agreement on cooperation: unresolved issues. Russian Justice, 57—59, 2012. (In Russ.).

12. Ivanov A. A. Theoretical and organizational-legal aspects of the implementation of the institute of pre-trial cooperation agreement in the Russian criminal process. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2013: 25. (In Russ.).

13. Bagautdinov K. F. Pre-trial agreement on cooperation: topical problems to optimize the mechanism of implementation and improve the procedural status of its participants. Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2020: 224. (In Russ.).

14. Dikarev I. C. Disputable issues of the organization of pre-trial proceedings in criminal cases. Russian Justice, 27—30, 2016. (In Russ.).

Dikarev Iliya Stepanovich,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
director of the law institute
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.125

**ПРАКТИКА ПРИНЯТИЯ СУДАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ СТРАН
РЕШЕНИЙ О МЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
И ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Александр Сергеевич Каретников*, Сергей Александрович Коретников**

* Волжский, Россия, karetnikovas@mail.ru

** Московская центральная коллегия адвокатов, Москва, Россия, koretsergei@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются статистические данные, которые иллюстрируют практику принятия на стадии предварительного расследования решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и производстве следственных действий, затрагивающих основные права личности, в Российской Федерации, ряде других бывших союзных республик, Франции и Австрии. Обосновывается вывод о том, что во всех этих странах показатели, отражающие соотношение между числом рассмотренных и удовлетворенных ходатайств должностных лиц органов расследования идентичны независимо от того, кто принимает решение об этих мерах и действиях (судья общей юрисдикции, следственный судья, судья по свободам и заключению, судья по правам человека), а законодательными маневрами в виде передачи рассмотренных полномочий от одного судьи другому достичь цели сокращения практики подавляющего удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования не удалось законодателю ни одной из указанных в статье стран. Факт этот наглядно свидетельствует о нецелесообразности введения в российский уголовный процесс института следственных судей.

Ключевые слова: суд, прокурор, следователь, следственный судья, судья по свободам и заключению, следственные действия, заключение под стражу

Для цитирования: Каретников А. С., Коретников С. А. Практика принятия судами Российской Федерации и других стран решений о мере пресечения в виде заключения под стражу и производстве следственных действий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 89—98.

**THE PRACTICE OF DECISION-MAKING
ON PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM
OF INCARCERATION AND INVESTIGATIVE ACTIONS
BY THE COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND OTHER COUNTRIES**

Alexander Sergeyevich Karetnikov*, Sergey Alexandrovich Koretnikov**

* Volzhsky, Russia, karetnikovas@mail.ru

** Moscow central bar association, Moscow, Russia, koretsergei@mail.ru

Abstract. In the article the author analyses the statistical data that illustrate the practice of decision-making to choose a preventive measure in the form of incarceration and investigative actions at the stage of preliminary investigation that affect the fundamental rights of the personality in the Russian Federation, in a number of other former Soviet republics, France and Austria. The author gives grounds for the conclusion that in all these countries the indicators reflecting the correlation between the number of the considered and accepted petitions of investigative officials are identical no matter who makes the decision on these measures and actions (a judge of general jurisdiction, an investigating judge, a judge for liberties and imprisonment, a judge for human rights), and none of the legislator of any of the countries mentioned in the article has not succeeded to achieve the goal of reducing the practice of most accepted petitions of preliminary investigation bodies with the help of legislative maneuvers in the form of transferring the considered powers from one judge to another. This fact clearly demonstrates the inappropriateness of introducing the institution of investigative judges into Russian criminal proceedings.

Keywords: court, a prosecutor, an investigator, an investigating judge, a judge for liberties and imprisonment, investigative procedures, incarceration

For citation: Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. The practice of decision-making on preventive measures in the form of incarceration and investigative actions by the courts of the Russian Federation and other countries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 89—98, 2025. (In Russ.).

После принятия Концепции судебной реформы, в период подготовки Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, далее — УПК РФ) и в первые годы его действия, значительное число научных работ (диссертаций, монографий, статей) посвящалось досудебным полномочиям суда. Содержание исследований отражало искреннюю убежденность их авторов в способности суда изменить в лучшую сторону сложившийся при прокурорском санкционировании уровень ограничения следственными органами прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и других участников досудебных стадий. Уверенность эта основывалась на постулате: только независимый и беспристрастный орган, каким является суд, способен быть надежной гарантией соблюдения основных прав, а не прокурор. Недаром профессор И. Л. Петрухин наделяние суда досудебными полномочиями считал «украшением судебной реформы» [1, с. 91].

Однако практика, как критерий истины, опровергла эти надежды.

В первые месяцы после вступления УПК РФ в силу число обращений в суды органов предварительного расследования с ходатайствами об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения было незначительным, но продолжалось это короткий промежуток времени. К концу 2002 г. постепенно стало возрастать количество поступающих в суд ходатайств и положительных решений, принимаемых судами по ним. Уже в 2003 г. судами было рассмотрено 231 149 ходатайств об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, из них удовлетворено 211 526 (91,5 %), в 2004 г. 207 024 (90,8 %) из 228 000, в 2005 г. 259 578 (91,4 %) из 284 200, в 2006 г. удовлетворено 248 608 (91,4 %) из 272 000 заявленных ходатайств. А ходатайства о производстве отдельных следственных действий удовлетворялись от 95 до 99 %¹. И эти показатели (с минимальными

отклонениями от 0,5 до 2 % в ту или иную сторону) остаются неизменными до настоящего времени².

Сложившаяся ситуация произвела эффект «ушата холодной воды» на всех, кто ожидал совсем иного от судебного порядка принятия решения о заключении под стражу и производстве следственных действий. За подавляющее удовлетворение ходатайств органов предварительного расследования в адрес судей за два десятилетия со стороны представителей исполнительной, законодательной ветви власти, руководства Верховного Суда Российской Федерации, представителей науки было высказано немало критических замечаний и упреков. В целях минимизации практики применения ареста законодателем принимались дополнения норм УПК РФ, расширяющие список мер пресечения, альтернативных заключению под стражу; ограничивающие или запрещающие применение ареста в отношении отдельных категорий подозреваемых (обвиняемых) или лиц, совершивших отдельные виды преступлений. В этих же целях и для единообразия судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято несколько постановлений по вопросам применения самой строгой меры пресечения. Уже к 2010 г. стало ясно, что ни критика, ни дополнения закона, ни постановления высшего судебного органа не способны изменить сложившуюся практику подавляющего удовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования. Н. Н. Ковтун, как последовательный сторонник судебного контроля, был вынужден признать, что «...оперативный судебный контроль, реализуемый на досудебном этапе, не стал надежной процессуальной гарантией обеспечения

¹ См.: Отчет о рассмотрении судами уголовных дел по первой инстанции за указанные годы. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.09.2023).

² В 2023 г. судами было удовлетворено 88 % ходатайств о заключении под стражу, 95 % ходатайств о контроле и записи телефонных переговоров, 96 % ходатайств о производстве выемки вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, 97 % ходатайств о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и такой же процент удовлетворения ходатайств по другим следственным действиям (см.: Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-npecc.pf/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 02.12.2024)).

прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе» [2, с. 68].

С осознанием этой действительности в юридическом сообществе возрос интерес к идее введения в уголовный процесс судьи, специализирующегося на досудебном производстве, выдвинутой еще до принятия УПК РФ А. В. Смирновым [3], который, как показало время, и стал одним из самых активных сторонников ее реализации. Необходимость введения такого института рассматривалась в научных исследованиях Н. Г. Муратовой, Н. Н. Ковтуна и других авторов.

14 октября 2014 г. вопрос о введении института следственного судьи был поднят перед Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Президент дал поручение Верховному суду Российской Федерации обсудить вопрос о целесообразности реализации этого предложения до 15 марта 2015 г.¹ После этого на страницах печати и в социальных сетях Интернета по вопросу целесообразности введения этого института в уголовный процесс развернулась дискуссия, остроте которой способствовали появившиеся в публичном пространстве концепции «О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации», разработанной Постоянной комиссией по гражданскому участию и правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека под руководством Т. Г. Морщаковой, и «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе», разработанной советником Конституционного Суда Российской Федерации А. В. Смирновым, а затем и проект федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации». Анализ аргументов авторов, высказавшихся в ходе этой дискуссии за и против введения института следственных судей, не входит в нашу задачу, к тому же он с достаточной полнотой сделан в статьях Т. Я. Рябиной [4] и Ю. Г. Овчинникова [5]. Лишь заметим, что к 2019 г. дискуссия стала утихать, и все указывало на то, что ее исход был не в пользу сторонников введения рассматриваемого института в уголовный процесс. Однако

10 декабря 2019 г. этот вопрос вновь был поднят на встрече Президента В. В. Путина с членами Совета по правам человека. Президент поручил Верховному суду Российской Федерации до 1 июня 2020 г. рассмотреть вопрос о целесообразности введения института следственного судьи и внести по нему соответствующие предложения². 10 декабря 2020 г. член Совета по правам человека Е. Мысловский в своем выступлении посетовал на то, что предложения по введению следственного судьи так и не вышли за рамки юридических дискуссий. В своем ответном слове Президент В. В. Путин поставил под сомнение способность следственного судьи стать панацеей от негативных явлений в сфере предварительного расследования³. Казалось, что вопрос о следственных судьях закрыт. Однако в научных исследованиях идея о нем продолжает жить [6—8], потому авторы настоящей статьи сочли необходимым на основе анализа результатов практики следственных судей, действующих в странах, в которых они введены в уголовный процесс, показать иллюзорность надежд, возлагаемых на них их сторонниками.

Из бывших союзных республик первыми следственных судей ввели в уголовный процесс законодатели Литвы (2001 г.) и Эстонии (2003 г.).

Следует заметить, что статистических данных, отражающих деятельность этих судей, в открытом доступе нет, они могут быть предоставлены только по запросам исследователей. В Литве исследование практики применения ареста в качестве меры пресечения в 2015 г. провел Институт мониторинга прав человека. Анализу подвергались данные, предоставленные Национальным управлением судебной администрации за период с 2010 по 2014 г., за более ранние периоды сведения не были представлены из-за их отсутствия. Результаты представлены в виде отчета «Содержание под стражей в Литве»⁴. Исследование показало,

² См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (дата обращения: 05.11.2024).

³ См.: Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения: 05.11.2024).

⁴ См.: Suėmimo taikymas Lietuvoje Tyrimo ataskaita 2015. Žmogaus teisė stebėjimo institutas, Leidykla „Eugrimas“, 2015. URL: <https://www.fairtrials.org/app/uploads/2022/01/Suemimo-taikymas-Lietuvoje-2015.pdf> (дата обращения: 08.11.2024).

¹ См.: Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 14 декабря 2014 г. URL: <http://www.president-sovet.ru/upload/iblock/391/ubddu970p35o47tvtstt0kh48sh082l.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

что в 2010 г. следственными судьями было удовлетворено 4 263 (96,27 %) из 4 428, в 2011 г. — 5 120 (95,42 %) из 5 366, в 2012 г. — 4 981 (95,07 %) из 5 239, в 2013 г. — 4 556 (95,33 %) из 4 779, в 2014 г. — 3 838 (95,54 %) из 4 017 ходатайств прокурора об аресте. В отчетах этого института, посвященных соблюдению прав человека в республике, за 2016—2017 гг., за 2018—2019 гг., за 2020—2021 гг. отмечается, что судьи по следствию удовлетворяли и в эти годы свыше 95 % ходатайств об аресте¹. Российские судьи общей юрисдикции в этот же период удовлетворяли ежегодно на 5 % меньше ходатайств об аресте (в 2010 г. — 90 %, в 2011 г. — 89,2 %, в 2012 г. — 89 %, в 2013 г. — 90,7 %, в 2014 г. — 90,7 %²), нежели следственные судьи Литвы.

На подавляющее удовлетворение ходатайств об аресте следственными судьями Эстонии указывает исследование «Продолжительность ареста в 2015 году», опубликованное в журнале «Уголовная политика» № 4 за 2016 г. Согласно данному исследованию в этой стране в 2015 г. из 1 053 рассмотренных следственными судьями ходатайств прокуроров об аресте 1 010 (96 %) были удовлетворены, и лишь в 43 ходатайств было отказано, но 6 были затем удовлетворены в вышестоящем суде³.

С 2009 по 2015 г. в Казахстане досудебные полномочия выполняли судьи общей юрисдикции, результаты деятельности которых по удовлетворению ходатайств органов предварительного расследования фактически не отличались от результатов такой деятельности российских судей общей юрисдикции. В 2013 г. ими было удовлетворено 94,4 % ходатайств об аресте, в 2014 г. — 94,5 %⁴. Новый Уголовно-процессуальный кодекс в Казахстане, предусмотревший институт следственного судьи, был принят в 2014 г., а вступил в силу с 1 января 2015 г. Анализ статистических данных,

отражающих деятельность следственных судей по рассмотрению ходатайств об аресте, за период с 2015 по 2021 г. позволяет сделать вывод, что в среднем они удовлетворили 91,7 % ходатайств об аресте, а российские судьи общей юрисдикции за этот же период удовлетворили в среднем 90,2 % таких ходатайств. В период с 2017 по 2021 г. ходатайств о производстве обыска и выемки в жилище судьи Казахстана в среднем удовлетворили 96,2 %, а российские судьи — 95,5 %. В 2023 г. процент удовлетворения ходатайств об этих следственных действиях в Казахстане составил 97,2 %, а в России 95 %⁵.

С 1 января 2019 г. следственные судьи начали свою деятельность и в уголовном процессе Киргизии (ч. 2 ст. 31 УПК Киргизской Республики). В этот же год ими было удовлетворено 96,8 %, в 2020 г. — 96,2 %, в 2021 г. — 96,65 %, в 2022 г. — 96,84 %, в 2023 г. — 97 % ходатайств о производстве обыска и выемки, о проведении специальных следственных действий в 2019 г. — 95,3 %, в 2020 г. — 95 %, в 2021 г. — 96,4 %, в 2022 г. — 95,74 %, в 2023 г. — 96,26 %. Источник указанных данных не содержит сведений о проценте удовлетворения следственными судьями этой республики ходатайств прокурора об аресте. Но, учитывая, что ими было удовлетворено в 2019 г. 94,8 %, в 2020 г. 95,6 %, в 2021 г. 93,62 %, в 2022 г. — 92,62 %, в 2023 г. — 92,32 % ходатайств о продлении срока содержания под стражей, можно с высокой степенью точности предположить, что в пределах 90 % удовлетворяются и ходатайства об избрании этой меры пресечения. К тому же, доля этой меры пресечения среди всех мер пресечения, применяемых следственными судьями, лишь растет, как в абсолютном, так и относительном выражении. В 2019 г. она составила 5 124 (74,4 %), в 2020 г. — 6 206 (79,5 %), в 2021 г. — 6 974 (83,4 %), в 2022 г. — 7 407 (92,84 %), в 2023 г. — 8 237 (96,17 %)⁶. Результаты деятельности следственных судей в этой республике подвергаются резкой критике, в том числе со стороны представителей законодательного органа, сомневающих в целесообразности

¹ См.: Žmogaus teisės Lietuvoje, 2016—2021. URL: <https://hrmi.lt/wp-content/uploads> (дата обращения: 07.10.2024).

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2010—2014 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 07.10.2024).

³ См.: Urvo Klopets. Vahistamise kestus 2015. Aastal. Kriminaalpoliitika analüüs. 2016. № 4. URL: <https://www.kriminaalpoliitika.ee/sites/krimipoliitika/> (дата обращения: 07.05.2024).

⁴ Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за указанные годы. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/> (дата обращения: 07.05.2024).

⁵ Отчеты о работе судов первой инстанции Казахстана и России по рассмотрению уголовных дел за указанные годы см.: URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/>; Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-npecc.pf/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Информацию о работе судов Кыргызской республики за указанные годы см.: URL: <http://sot.kg/statistics/main/index.php> (дата обращения: 28.10.2024).

его сохранения в уголовном процессе, на которую Председателем Верховного Суда республики Замирбеком Базарбековым был дан следующий ответ: «Сколько бы следственные судьи ни рассматривали дел, почти во всех случаях они их удовлетворяют. Моя позиция — следственный суд не оправдывает себя полностью»¹. Появились и статьи, в которых высказываются предложения об устранении этого института из киргизского уголовного процесса [9].

Статистика свидетельствует, что во Франции, как и в России, заключение под стражу широко использовалось в качестве меры пресечения в досудебном производстве. Так, с 1983 по 1985 г. наблюдался резкий рост количества задержанных лиц сроком до 24 часов и выше и лиц, заключаемых под стражу. Каждый год в этот период задерживалось более 300 тысяч лиц, а заключалось под стражу более 100 тысяч². Это явление негативно воспринималось обществом, что побуждало законодателя искать пути сокращения такой практики.

Законом № 93-2 от 4 января 1993 г. о реформировании уголовного процесса законодатель лишил следственного судью его полномочия самостоятельно принимать решение об аресте лиц, привлекаемых к рассмотрению (обвиняемых). В соответствии с этим законом данную меру пресечения по ходатайству следственного судьи мог применить председатель суда большой инстанции или назначенный им судья (ст. 15 закона)³. Порядок этот получил название «делегированных судей». Закон, как отмечает профессор Р. Ленуар, в судебском сообществе был воспринят негативно⁴. В результате просуществовал такой порядок в уголовном процессе Франции с 1 марта по 2 сен-

тября 1993 г., т. е. всего 6 месяцев. Закон № 93-1013 от 24 августа 1993 г. о внесении изменений в Закон № 93-2 от 4 января 1993 г. о реформировании уголовного процесса возвратил это полномочие следственному судье. В статье 135 УПК Франции законом были внесены изменения, в соответствии с которыми следственный судья обязан принимать решение об аресте в закрытом судебном заседании после состязательных прений, в ходе которых он заслушивает доводы прокурора, затем замечания подследственного и, при необходимости, его адвоката. Однако следственный судья не может немедленно распорядиться о заключении под стражу, когда подследственный или его адвокат требуют время для подготовки своей защиты. В этом случае он может посредством приказа, не подлежащего обжалованию, предписать лишение свободы лица на определенный период, который не может превышать четырех рабочих дней⁵. Так была внедрена в процесс форма состязательных прений, проводимых следственным судьей.

Но спустя 7 лет законодатель вновь лишил следственного судью этого полномочия, передав его законом № 2000-516 от 15 июня 2000 г.⁶ новому должностному лицу — судье по свободам и заключению. За следственным судьей было закреплено право обратиться к этому судье с ходатайством о предварительном заключении лица, привлеченного к рассмотрению (обвиняемого), и продлении срока действия этой меры пресечения (ст. 137-1 УПК Франции)⁷. Прокурор республики в случае разногласия со следственным судьей по вопросу применения к обвиняемому этой меры пресечения вправе обратиться к судье с подобным ходатайством (ст. 137-4 УПК Франции). В основном же прокурор иницирует необходимость избрания ареста в процедурах, не требующих производства предварительного следствия по уголовному делу (ст. 135-2). Это происходит при немедленном приводе в суд (ст. 396, 397-1-1, 397-7 УПК), а также явке в суд в случае предвари-

¹ Гуля Кожокулова сравнила следственных судей с аппендиксом. URL: https://kaktus.media/doc/475196_gylya_kojokylova_sravnila sledstvennyh_sydey_s_appendiksom.html (дата обращения: 15.11.2024).

² См.: Tableau A1: Personnes mises en cause, garde à vue, personnes écrouées / Rapport commission de suivi de la Détention provisoire 2017—2018, avril 2018. P. 57. URL: <https://www.legifrance.gouv> (дата обращения: 07.03.2022).

³ Loi № 93-2 du 4 janvier 1993 portant réforme de la procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006093996> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴ См.: Lenoir R. Droit pénal et droit civil. À propos d'une réforme de la mise en détention provisoire // *Politix*. Le pouvoir des légistes. 1995. Vol. 8, №32. Quatrième trimestre. P. 139—153. URL: https://www.persee.fr/doc/polix_0295-2319_1995_num_8_32_2094 (дата обращения: 17.03.2024).

⁵ Loi № 93-1013 du 24 août 1993 modifiant la loi № 93-2 du 4 janvier 1993 portant réforme de la procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT00000530523> (дата обращения: 15.07.2022).

⁶ Loi №2000-516 du 15 juin 2000 renforçant la protection de la présomption d'innocence et les droits des victimes. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte> (дата обращения: 17.12.2022).

⁷ Code de procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071154/> (дата обращения: 17.02.2023).

тельного признания обвиняемым вины (ст. 495-10 УПК). И это право, как показывает практика, прокуроры используют довольно часто. В подобных случаях заключение под стражу выступает мерой, обеспечивающей явку обвиняемого в суд, а потому оно носит характер кратковременного задержания. Например, в 2018 г. в процедуре немедленной явки продолжительность предварительного заключения в среднем составила 0,4 месяца, а в ходе предварительного следствия — 8 месяцев¹. Потому есть смысл сравнивать статистические данные, отражающие применение предварительного заключения следственными судьями с данными, отражающими подобную деятельность судей по свободам и заключению под стражей. За период с 1994 по 1999 г. в среднем 89,6 % состязательных прений закончились принятием следственным судьей решений о заключении обвиняемого под стражу. За период с 2001 по 2011 г. уже судьями по свободам и заключению под стражу было закончено принятием решения об аресте обвиняемого в среднем 90,4 % таких прений². Не представляется возможным привести статистические данные, отражающие этот вид деятельности судьи по свободам и заключению в последующие годы, несмотря на предложение комиссии по мониторингу практики предварительного заключения, действующей при министре юстиции, включить их в отчеты, так как внедренная в 2011 г. во Франции автоматизированная система сбора и обработки статистических данных Cassiopree их не содержит.

Но и приведенные показатели — наглядное свидетельство того, что передача полномочия на принятие решения об аресте судье, основная забота которого — защита прав личности в уголовном процессе, не изменила сложившуюся при следственном судье практику в подавляющем числе случаев завершать состязательные прения решением об аресте. Нельзя не заметить и того, что эти показатели практики ареста идентичны таким же показателям российских судей общей юрисдикции, у которых этот вид деятельности не основной.

Теперь обратимся к судебной практике Австрии. В этой стране до 1 января 2008 г. предварительное расследование проводилось по образцу Франции. Дознание — полицией под руководством прокуратуры, следствие — следственным судьей, который и принимал решения об аресте и иных мерах, ограничивающих основные права личности в ходе производства по уголовному делу. В 2004 г. законодатель Австрии принял Закон о реформе уголовного процесса³, которую в этой стране называли «реформой века». В силу закон этот вступил с 1 января 2008 г.

Одна из основных задач, решаемых указанной реформой, — наделение прокуратуры и полиции полномочиями по производству предварительного расследования с упразднением института следственного судьи (по образцу Германии). Прокурор стал ее организатором и руководителем (ч. 1 § 4, ч. 1 § 20, ч. 1 § 101 УПК Австрии)⁴. Как заметил прокурор Зальцбурга Роберт Хольцляйтнер, изменилась парадигма деятельности прокурора, поскольку «все меры, даже нарушающие основные права, в основном осуществляются по приказу прокурора»⁵. В новых условиях прокурор при необходимости применения меры принуждения или производстве следственного действия свое решение формулирует в приказе, который направляет в земельный суд вместе с материалами уголовного дела, обосновывающими необходимость применения этих мер или действий (ч. 2, 3 § 101 УПК Австрии). В соответствии с ч. 1 § 31 УПК Австрии приказ прокурора и прилагаемые к нему материалы рассматривает единолично судья, которого именуют судьей по вопросам содержания под стражей и правовой защите (Haft- und Rechtsschutzrichter). В некоторых публикациях его именуют судьей по правам человека.

В УПК Австрии основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступ-

³ Bundesgesetz, mit dem die Strafprozessordnung 1975 neu gestaltet wird (Strafprozessreformgesetz). Bundesgesetzblatt authentisch ab 2004. URL: https://www-ris-bkagv.at.translate.google/eli/bgbl/I/2004/19?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Strafprozessordnung Österreich. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stpo> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Holzleitner, Robert 10 Jahre StPO-Reform — die Sicht der Staatsanwaltschaft // Journal für Strafrecht. 2019. Issue 4. S. 328. URL: <https://elibrary.verlagoesterreich.at/article/10.33196/jst201904032701> (дата обращения: 15.06.2022).

¹ См.: Les chiffres-clés de la Justice 2020. URL: <http://www.justice.gouv.fr/art> (дата обращения: 10.07.2022).

² Tableau 5: Résultat du débat contradictoire et recours (cadres des parquets) // Rapport annuel 2013 Commission de suivi de la detention provisoire. P. 54. URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/rapport_csdp_2013.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

ления (Festnahme), предварительного заключения (Untersuchungshaft), условия содержания под стражей до суда, а также применения альтернативных мер принуждения регулируются в § 170—189. Не вдаваясь в их анализ, лишь отметим процессуальные особенности рассмотрения судьей приказа и прилагаемых к нему материалов уголовного дела. Срок рассмотрения судьей вопроса о применении к лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, меры пресечения в виде ареста составляет 48 часов с момента его доставления в следственный изолятор. В течение этого срока судья, если это необходимо по юридическим или фактическим причинам для принятия решения, может распорядиться о проведении дополнительных расследований уголовной полицией или провести их самостоятельно, руководствуясь принципом *ex officio*, если ожидается, что его результат окажет существенное влияние на оценку подозрения в совершении преступления или основания для предварительного заключения (ч. 2 § 105, ч. 1 § 174 УПК Австрии). Перед принятием решения судья допрашивает задержанное лицо относительно оснований, указанных в приказе прокурора в качестве аргументации необходимости применения предварительного заключения. Защитнику и прокурору предоставляется возможность принять участие в этом допросе. Закон, в случае согласия судьи с основаниями и мотивами для ареста, изложенными в приказе прокурора, не обязывает судью выносить процессуальный документ (приказ или постановление) о применении этой меры принуждения. В подобных ситуациях утверждение приказа прокурора происходит путем проставления на оборотной стороне процессуального документа прокурора служебного штампа с указанием даты утверждения, удостоверенной подписью судьи, указанием срока действия меры или иных обстоятельств (ч. 1 § 105 УПК Австрии). Процедура эта именуется *Stampiglienverfahren*. Например, на оборотной стороне приказа прокурора об аресте лица, обвиняемого в сбыте наркотиков, решение судьи представлено в следующей редакции: «Приказ прокурора об аресте утверждается по основаниям, указанным в приказе»¹. Отдельный процессуальный документ судья составляет только в том случае, если отказывает в решении применения меры принуждения или производстве следственного действия. Фактически

процедура эта тождественна существовавшей в Российской Федерации и других бывших союзных республиках процедуре санкционирования прокурором решений должностных лиц органов предварительного расследования о применении ареста и производстве следственных действий. Сами судьи в своих интервью такую форму принятия решения оценивают положительно. По заявлению одного из судей, он не понимает, зачем в отдельном документе повторять то, что по существу верно изложено в приказе прокурора². Но форма эта стала подвергаться критике, и, судя по содержанию публикаций, практика стала меняться в сторону вынесения судьями постановлений и при утверждении приказов прокуроров.

В ежегодных отчетах по безопасности не приводятся статистические данные, отражающие процентное соотношение между количеством поступивших в суды приказов прокурора об аресте и количеством положительно принятых по ним решений судей. В них содержатся только данные, отражающие общее количество лиц, ежегодно подвергаемых предварительному заключению. В исследованиях, посвященных предварительному заключению, их авторы отмечают, что с 2000 г. практика применения этой меры пресечения не претерпела изменений. Этот вывод соответствует официальным данным о числе ежегодно подвергаемых предварительному заключению лиц. Например, в 2001 г. следственный судья применил арест к 1 539, в 2002 г. — к 1 749, в 2007 г. — к 1 959 лицам, а судья по правам человека в 2009 г. — к 1 845, в 2010 г. — к 1 852, в 2015 г. — к 1 752, в 2019 г. — к 1 756, в 2020 г. — 1 512³, за 10 месяцев 2024 г. — к 1 808 лицам⁴. Судя по ответам австрийских прокуроров, судей и адвокатов на вопросы тех, кто анализирует практику применения этой меры пресечения, можно сделать вывод, что австрийские судьи по правам человека

² См.: Birklbauer, Stangl, Soyer [et al.] Die Rechtspraxis des Ermittlungsverfahrens nach der Strafprozessreform Eine rechtstatsächliche Untersuchung. Wien; Graz, 2011. S. 361—363. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXIV/III/272/imfname_231131.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

³ См.: Sicherheitsbericht 2020. S. 178. URL: <https://www.google.com/search?q=23.+Sicherheitsbericht+2020> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Verteilung des Insassinnen bzw Insassenstandes. URL: <https://www.justiz.gv.at/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassinnen-bzw-insassenstandes.2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html> (дата обращения: 05.11.2024).

¹ Anordnung der festnahme. URL: <https://docplayer.org/78611836-Anordnung-der-festnahme.html> (дата обращения: 01.07.2022).

утверждают подавляющее большинство приказов прокурора об аресте. Например, один из прокуроров в своем интервью заявил: «В течение последних 10 лет я этим занимаюсь и ни в одном случае не получил отрицательного решения в отношении конкретных ходатайств... никогда». Другой заявил: «Если у нас есть основания для заключения под стражу и мы указываем мотивы, то в 99 % случаев судьи используют эти основания для заключения под стражу, а заменяют его более мягкими мерами только в отдельных случаях». Третий: «В 95 % случаев, когда я ходатайствую о назначении предварительного заключения под стражу, оно будет назначено. Даже чаще». Четвертый: «Наша оценка при обращении за досудебным содержанием под стражей почти во всех случаях согласуется с оценкой суда»¹. Судьи в своих ответах подтверждают эти заявления прокуроров. Объясняют они это тем, что прокуроры работают хорошо, приказы их обоснованы, а потому случаев, когда они отказывают в утверждении приказов, не так много. В то же время как прокуроры, так и судьи скептически относятся к альтернативным мерам пресечения, считая их применение «рискованным делом», ибо они — ненадежная гарантия того, что обвиняемый не скроется от следствия и суда или не совершит новых преступлений. Как отмечают исследователи, на работы которых мы ссылаемся, официальных данных, отражающих практику замены ареста на более мягкие меры пресечения, не существует, но, как заявляют сами судьи в своих интервью, это бывает очень редко и в основном по делам несовершеннолетних.

В австрийском уголовном процессе домашний арест с электронным наблюдением — не самостоятельная мера пресечения, а один из способов реализации решения о предварительном заключении, наравне с помещением обвиняемого в следственный изолятор. Какой из этих способов применить, решает судья при утверждении приказа прокурора о предварительном заключении или по истечении определенного времени нахождения обвиняемого в следственном изоляторе. Потому домашний арест является альтернативным способом реализации меры пресечения в виде содержания под стражей, а не альтернативной мерой пресечения. Но даже такой способ реализации

ареста судьи применяют в единичных случаях. В 2013 г. он был применен ими в 8, в 2014 г. — в 13, в 2015 — в 4², за 10 месяцев 2024 г. — в 5 случаях³.

Практика реализации австрийскими судьями досудебных полномочий, как и в других странах, подвергается критике, особенно со стороны адвокатов. По их мнению, с появлением судьи по заключению и правовой защите ничто не изменилось в вопросах, отнесенных к его компетенции, по сравнению с периодом, когда они были компетенцией следственного судьи. Судьи «штампуют» практически все приказы прокурора, искать отказы в их утверждении — что искать иголку в стоге сена. В подтверждение этого приводятся данные о том, что в 2019 г. судьями было одобрено 5 108 приказов прокурора об обыске жилищ, а отказано лишь в 58 случаях, в 2020 г. было одобрено 5 108, отказано в 44 случаях⁴. Эту образную оценку деятельности судей по утверждению приказов прокуроров вполне можно отнести и к другим следственным действиям. Например, в 2018 г. судьями Австрии было удовлетворено 9 534 (99 %) из 9 622, в 2019 г. — 9 380 (99 %) из 9 476, в 2023 г. — 7 301 (99,1 %) из 7 365 заявленных ходатайств о разрешении на получение информации о данных передачи сообщений, мониторинг сообщений и определение местонахождения технического объекта (ст. 135 УПК Австрии)⁵. Для сравнения: в России в 2018 г. было удовлетворено 242 786 (96,7 %) из 250 988, в 2019 г. — 259 619 (96,8 %) из 268 292, в 2023 г. — 244 801 (97 %) из 252 020 рассмотренных ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п. 12 ч. 2 ст. 29, ст. 186.1 УПК РФ)⁶.

²См.: Hammerschick W., Reidinger V. Detour: Towards pre-trial detention as ultima ratio. 1st Austrian National Report. Vienna, 2016. October. P. 25. URL: https://www.irks.at/detour/1st%20Austrian%20National%20Report_141216.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

³См.: Verteilung des Insassinnen bzw Insassenstandes. URL: <https://www.justiz.gv.at/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassinnen-bzw-insassenstandes.2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴См.: Wenn Richter Razzien abstempeln. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2094827-Wenn-Richter-Razzien-abstempeln.html> (дата обращения: 11.01.2023).

⁵См.: Sicherheitsbericht, 2018, 2019, 2023. URL: <https://www.justiz.gv.at/justiz/daten-und-fakten/sicherheitsberichte.bc7.de.html> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶См.: Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.анип-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 02.12.2024).

¹ Hammerschick W., Reidinger V. Detour: Towards pre-trial detention as ultima ratio: 2nd Austrian National Report on Expert Interviews. Vienna, 2017. October. P. 62—63. URL: https://www.irks.at/detour/Uploads/2nd%20Nat%20Report%20AT_Fin%20for%20Web.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

Проведенный анализ судебной практики разрешения ходатайств об аресте и производстве следственных действий в Российской Федерации и других странах позволяет сделать следующие выводы. Первый: величина показателей, отражающих результаты этих направлений судебной деятельности, во всех этих странах фактически идентична, независимо от того, какой судья принимает решения об этих мерах и действиях — судья общей юрисдикции, следственный судья, судья по вопросам содержания под стражей и правовой защите, судья по свободам и заключению под стражу.

Второй: если данные показатели остаются в этих странах неизменными на протяжении длительного периода, следовательно, они отражают реальную, а не мнимую потребность как следственных органов, так и самих судов в этих мерах и действиях, которую можно обеспечить только при сложившемся уровне удовлетворения ходатайств об аресте и следственных действиях. Снижение этого уровня чревато наступлением для

производства по уголовному делу негативных последствий, примером чему служит практика следственных судей Украины, которые после 2014 г. начали снижать процент удовлетворяемых ходатайств об аресте, доведя его к 2020 г. до 43,9 %; это привело к резкому росту числа дел, приостановленных в связи с тем, что лицо, совершившее преступление, скрылось. Если в 2014 г. по этому основанию было приостановлено 4 392 уголовных дела, то в 2020 г. вдвое больше — 9 657 дел [10].

Третий: если законодательными маневрами в виде передачи рассмотренных полномочий от одного судьи другому достичь цели сокращения практики подавляющего удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования не удалось законодателю ни одной из указанных в статье стран, зачем же российскому законодателю вводить в уголовный процесс институт следственного судьи?

1. Петрухин И. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91—94.

2. Ковтун Н. Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: фикция или конституционная, по сути, гарантия? // Государство и право. 2011. № 1. С. 60—69.

3. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. Санкт-Петербург: Наука: Альфа, 2000. 224 с.

4. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200—213.

5. Овчинников Ю. Г. О попытке введения следственного судьи в ткань современного уголовно-процессуального законодательства: подведение итогов дискуссии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 2 (35). 2019. С. 135—139.

6. Созонов Т. И. К вопросу о введении института следственных судей в российский уголовный процесс // Вопросы российской юстиции. 2021. № 202. С. 398—404.

7. Даниленко И. А. Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6А. С. 308—316.

8. Поликарпова О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого и введение института следственных судей — взаимосвязанные

1. Petrukhin I. On the effectiveness of judicial control over the investigation and detective activity. Criminal law, 91—94, 2007. (In Russ.).

2. Kovtun N. N. Operative judicial control in criminal proceedings in Russia: fiction or constitutional, in fact, is it a guarantee? State and law, 60—69, 2011. (In Russ.).

3. Smirnov A. V. Models of criminal procedure. Saint Petersburg: Nauka: Alpha; 2000: 224. (In Russ.).

4. Ryabinina T. K. Is the Russian criminal process in need of the institute of investigative judge? Lex Russica, 200—213, 2017. (In Russ.).

5. Ovchinnikov Yu. G. On the attempt to introduce the investigating judge into the content of modern criminal procedural legislation: summarizing the discussion. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 135—139, 2019. (In Russ.).

6. Sozonov T. I. To the issue of introducing the institution of investigative judges in the Russian criminal process. Issues of Russian justice system, 398—404, 2021. (In Russ.).

7. Danilenko I. A. A judge of the preliminary investigation as an example of Italian experience. Issues of Russian and International law, 308—316, 2023. (In Russ.).

8. Polikarpova O. S. The development of the procedural status of the suspect and the introduction of the institute of investigative judges — inter-related prospects for improving Russian criminal

перспективы совершенствования российского уголовного судопроизводства // Российский следователь 2024. № 5. С. 23—28.

9. Иманкулов Т. И. Следственный судья в Кыргызской Республике как геополитический проект по сохранению институционального правового контроля за постсоветскими странами, подменяющий прокурорский надзор за следствием, противоречащий конституционным основам построения уголовного процесса в Кыргызской республике // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 2. С. 463—483.

10. Каретников А. С., Коретников С. А. Защита судом надлежащего порядка производства по уголовному делу // Администратор суда. 2023. № 1. С. 42—46.

proceedings. Russian investigator, 23—28, 2024. (In Russ.).

9. Imankulov T. I. An investigative judge in the Kyrgyz Republic as a geopolitical project to maintain institutional legal control over the post-Soviet countries, replacing the prosecutor's oversight of the investigation, contradicting the constitutional foundations for the construction of criminal proceedings in the Kyrgyz Republic. Bulletin of science and practice, 463—483, 2024. (In Russ.).

10. Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. Protection of the proper order of proceedings in a criminal case by the court. Court administrator, 42—46, 2023. (In Russ.).

Каретников Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент;
karetnikovas@mail.ru

Коретников Сергей Александрович,
адвокат
Московской центральной коллегии адвокатов;
koretsergei@mail.ru

Karetnikov Alexander Sergeyevich,
candidate of juridical sciences, docent;
karetnikovas@mail.ru

Koretnikov Sergey Alexandrovich,
barrister
of the Moscow central bar association;
koretsergei@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 02.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.13

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В СОВРЕМЕННОЙ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ****Вадим Сагитьянович Латыпов*, Алексей Юрьевич Терехов****

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Vadi-latypov@yandex.ru

** terekhov.au@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство на предмет правового регулирования отстаиваемых в уголовном судопроизводстве интересов. В результате исследования авторы приходят к выводу, что существующий комплекс частных и публичных интересов в уголовном процессе не позволяет в полном объеме отразить интересы государства. Сформулированное в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации назначение уголовного судопроизводства подлежит расширению с обязательным отражением национальных интересов государства. В целях обеспечения нормативного закрепления сформулированного в тексте статьи авторского определения данной категории интересов аргументирована инициатива дополнить ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указанной дефиницией.

В завершение авторами сформулирован тезис о необходимости развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации с учетом комплексного законодательного, доктринального и правоприменительного подходов, отражающих сформировавшиеся ценности, идеологию, правоприменительный опыт, а также сложившихся и перспективных вариантов развития внешнеполитических отношений нашего государства.

Ключевые слова: процессуальный интерес, национальный интерес, законный интерес, уголовно-процессуальная политика, стратегия развития уголовного процесса, назначение уголовного судопроизводства

Для цитирования: Латыпов В. С., Терехов А. Ю. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 99—106.

**NATIONAL INTEREST IN MODERN RUSSIAN
CRIMINAL PROCEDURE POLICY****Vadim Sagitiyanovich Latypov*, Aleksey Yurievich Terekhov****

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

* Vadi-latypov@yandex.ru

** terekhov.au@gmail.com

Abstract. The article researches the acting criminal procedure legislation from the point of view of legal regulation of the criminal procedure interests being defended. As a result of the research the authors come to the conclusion that the existing system of private and public interests in criminal procedure does not fully reflect the interests of the state. The criminal procedure function stated in the Art. 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is to be broadened to reflect the national interests of the state. Providing the legislative grounds of the authors' definition of such interests the paper suggests amending Art. 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the definition.

In conclusion, the authors dwell on the importance of improving the criminal procedure policy of the Russian Federation from the point of view of complex legislative, doctrinal and law enforcement approaches reflecting the values, ideology, law enforcement experience, as well as the existing and promising ways of foreign-policy relations advancement for our state.

Keywords: procedural interest, national interest, legal interest, criminal procedure policy, criminal procedure improvement strategy, criminal procedure functions

For citation: Latypov V. S., Terekhov A. Yu. National interest in modern Russian criminal procedure policy. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 99—106, 2025. (In Russ.).

Уголовное судопроизводство представляет собой особый вид государственной деятельности, которая отражает как внешнюю, так и внутреннюю политику страны. Вместе с тем современное уголовное судопроизводство отличается своей метаморфозностью, склонностью чутко реагировать на изменения в экономических, социальных, политических, военных и иных видах отношений как в стране, так и за ее пределами. Парадокс заключается в том, что именно перманентно происходящие преобразования действующего уголовно-процессуального законодательства позволяют обеспечить стабильную защиту сформированных социальных ценностей в процессе разрешения возникшего уголовно-правового спора.

Полагаем, что в настоящее время уголовный процесс в нашей стране находится на пороге нового этапа своего развития, вызванного проведением специальной военной операции (далее — СВО), что требует пересмотра существующих уголовно-процессуальных механизмов, направленных на гуманизацию правосудия, анализ видов и способов реализации процессуальных интересов.

Целью настоящего исследования является теоретический анализ категории национального интереса в современной уголовно-процессуальной политике России с выработкой его авторского определения и предложением нормативного закрепления.

Интерес в уголовном процессе. Категория интереса в уголовно-процессуальном праве представляет собой одну из наиболее актуальных и дискуссионных тем. Обусловлен данный факт тем обстоятельством, что именно интерес является своего рода катализатором проводимого расследования, способствующим возникновению и развитию уголовно-процессуальных правоотношений.

Анализ имеющихся в доктрине уголовного процесса подходов к определению понятия «интерес» позволил прийти к выводу об отсутствии единого в его понимании. Так, в теории права интерес рассмотрен в качестве объективно возникающей потребности и последующего ее осознания [1]. И. Г. Смирнова, конкретизируя определение, отмечает наличие потребности в получении конкретной пользы или выгоды [2]. Достаточно убедительное и заслуживающее поддержки определение рассматриваемого понятия в уголовном судопро-

изводстве представлено в одной из работ А. В. Спирина. Автор рекомендует под интересом понимать основанные на потребностях и отраженные в законодательстве Российской Федерации побудительные мотивы осуществления процессуальной деятельности участников и вовлекаемых в уголовный процесс лиц, выделяя при этом правовую и общесоциальную категории интереса [3].

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит легального определения интереса, но в то же время достаточно часто его употребляет. Более того, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) апеллирует такими понятиями, как интерес и законный интерес. В теории уголовно-процессуального права одни авторы отмечают тождественность указанных понятий и говорят об их синонимическом употреблении в действующем уголовно-процессуальном законодательстве [4; 5], другие — разграничивают и формулируют собственные авторские определения для каждого из них, а также отражают их признаки, включающие в себя интеллектуальные, волевые и юридические компоненты [3; 6]. К примеру, под законным интересом в уголовном процессе А. В. Филатов подразумевает простое юридическое гарантированное государством дозволение пользоваться социальными благами, а также удовлетворение не противоречащих общественным личным потребностей, заручившись защитой компетентных органов [7]. Определение, отличающееся лапидарностью, сформулировано И. С. Дикаревым и заключается в том, что законным является интерес, на удовлетворение которого субъект имеет право рассчитывать. Однако при этом автор отмечает, что подобного рода классификации не только не имеют значения для правоприменительной деятельности, но вредны и опасны [8].

Следует отметить выделение в теории уголовно-процессуального права и иных видов интереса. К их числу может быть отнесен процессуальный интерес, заключающийся в возможности реализации участниками уголовного судопроизводства уголовно-процессуальных функций и достижения ими необходимых результатов в уголовно-процессуальных отношениях и принимаемых процессуальных решениях [5; 9; 10].

Не вдаваясь в детальный анализ и не вступая в научную полемику по поводу приведенных авторами определений и классификаций, вернемся к тексту действующего уголовно-процессуального законодательства. Традиционно, анализируя уголовно-процессуальную деятельность, принято выделять интерес частный и публичный. Наличие указанных видов интереса легло в основу построения существующих видов уголовного преследования: частного, частно-публичного и публичного (ст. 20 УПК РФ). Разделяя позицию А. А. Насонова, рекомендуем к категории частного интереса отнести осознанное стремление участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями, к удовлетворению личных потребностей в уголовном судопроизводстве путем достижения желаемых результатов в проводимых уголовно-процессуальных действиях и принимаемых процессуальных решениях [6]. Публичный же интерес в уголовном процессе представлен стремлением общества к удовлетворению социально значимых потребностей за счет деятельности властных субъектов государственных органов в рамках осуществляемого уголовного судопроизводства. Таким образом, следует констатировать, что частный и публичный интересы в уголовном процессе, взаимообеспечивая друг друга, формируют эффективные правовые и процессуальные механизмы, направленные на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Подчеркнем, что само построение уголовно-процессуального законодательства основано на балансе публичных и частных интересов, а существующие уголовно-процессуальные институты сформированы таким образом, чтобы обеспечить гармоничную реализацию прав и законных интересов как отдельно взятого индивида, так и общества в целом. В свою очередь, построение такого уголовного процесса невозможно без четко определенной государством уголовно-процессуальной политики, которая имеет не только нормативную, но и научную основу, позволяющую путем анализа результатов имеющихся теоретических исследований, правоприменительной деятельности и действующего законодательства сформировать четкую систему российского уголовного правосудия, определить ключевые ее принципы, а также цель, задачи и стратегические направления развития отечественного уголовного судопроизводства.

В то же время в формируемой уголовно-процессуальной политике представляется целесообразным выделение иного вида интереса, отличного от частного и публичного.

Уголовно-процессуальная политика: проблемы и пути решения. Сформированное в юридической доктрине понимание понятия и значения уголовной и уголовно-процессуальной политики позволило создать единый законодательный подход к уголовному судопроизводству, необходимый современному демократическому государству. Это нашло отражение в принятой в октябре 1991 г. «Концепции судебной реформы в РСФСР», в основу которой легла идея обеспечения состязательных начал в условиях процессуального равноправия сторон. Данная идея была частично реализована в принятом УПК РФ 2001 г.

Справедливо замечание А. М. Баранова о том, что действующий УПК РФ существенно отличается по содержанию от первоначально принятого в 2001 г. [11] Действительно, по состоянию на 1 января 2025 г. в УПК РФ были внесены изменения 350 федеральными законами и 37 постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации. Однако утверждать о полной бессистемности вносимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство не совсем корректно. Учитывая объем внесенных поправок, их частоту и количество, при хаотичном законодательном подходе наша система судопроизводства вовсе не смогла бы функционировать.

Полагаем, что приоритетом современного законодателя является улучшение жизни российского общества, осознанно или непреднамеренно вовлеченного в орбиту уголовно-процессуальных отношений. Однако вследствие стремительно меняющихся общественных отношений на международном и внутригосударственном уровнях, развития научно-технического прогресса, эпидемиологических, политических и военных обстоятельств законодатель вынужден оперативно и точно корректировать (совершенствовать) отдельные уголовно-процессуальные нормы или институты. Это, по классическим законам нормотворчества, порождает цепную реакцию, выраженную в возникновении коллизий и противоречий между новыми и уже существующими нормами.

Однако ряд исследователей указывает на дополнительные проблемы, характерные для современной уголовно-процессуальной политики. Так, А. С. Александров выделил целый комплекс проблем, среди которых: отсутствие идеологии, направленной на построение справедливого уголовного судопроизводства; недостаток специалистов, способных разрабатывать государственную политику в сфере уголовного судопроизводства; возникновение новой экономической политики в уго-

ловной сфере; необходимость пересмотра устаревшей советской терминологии; потребность в реформировании предварительного расследования через отказ от следственной формы; необходимость трансформации уголовно-процессуальных институтов с учетом цифровизации и роста киберпреступности [12]. Соглашаясь со многими из обозначенных проблем, следует отметить, что некоторые из них представляют собой самостоятельные перспективные направления развития отечественной уголовно-процессуальной политики.

Иные вопросы, дополняющие указанные проблемы, отражены в работе А. Н. Конева. Он выделяет такие аспекты, как постоянное обновление уголовно-процессуального законодательства, изолированность процесса подготовки концептуальных законодательных изменений, отсутствие системности в современной уголовно-процессуальной политике [13]. В дополнение к вышеизложенному приведем перечень проблем, выделенных А. М. Барановым, в число которых вошли: развитие российской уголовно-процессуальной политики по экстенсивному пути, заключающемуся в увеличении числа государственных органов и расширении их контрольных полномочий над следственной деятельностью; чрезмерная детализация процесса производства по уголовным делам [14].

Приведенные позиции упомянутых авторов позволяют говорить об очевидной потребности в формировании современной уголовно-процессуальной политики. «Современность» при этом должна быть реализована созданием нормативной основы для обеспечения национальных интересов в уголовном судопроизводстве, что следует признать одним из стратегических направлений развития уголовно-процессуальной политики.

Определение национального интереса в уголовно-процессуальной политике. Развивая озвученный нами ранее тезис о необходимости признания существования интересов в уголовном процессе, отличных от частных и публичных, позволим себе выделить интерес национальный.

Представляется, что национальный интерес не тождественен по своему объему охватываемых правоотношений публичному интересу, поскольку превосходит его и включает в себя социальные ценности, присущие последнему.

Под национальным интересом следует понимать официально признанные государством и обеспеченные правом внутренние и внешние интересы народа России, которые направлены на безопасное, конституционное, суверенное, независимое, поступательное развитие страны, обеспеченное

территориальной целостью, стабильностью, взаимовыгодными, равными и партнерскими отношениями с другими странами. В основу данного понятия легли имеющиеся в теории государства и права подходы таких ученых, как О. Н. Быков, Э. А. Поздняков, С. В. Студеникина, В. В. Трухачев, В. Ю. Туранин и др.

Категория публичных интересов в уголовном судопроизводстве выражает потребность общества в пресечении готовящихся, а также раскрытии и расследовании совершенных преступлений с принятием законных и обоснованных процессуальных решений, позволяющих сформировать в конечном итоге справедливое правосудие. Находясь в симбиозе и взаимодополняя друг друга, частные и публичные интересы находят отражение в самом назначении уголовного судопроизводства, нормативно закрепленном в ст. 6 УПК РФ. Тем не менее убеждены, что представленная редакция указанной статьи требует существенной корректировки, поскольку не отражает интересы государства, образующие национальные интересы, которые заключаются в обеспечении безопасности населения страны, суверенитета, территориальной целостности государства и его конституционного строя.

Система национальных интересов нашей страны определяется в утвержденной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, и обеспечение этих интересов вполне допустимо в уголовно-процессуальном пространстве, имеющем неучтенный мощнейший потенциал решения государственных задач [15].

Необходимость отражения в уголовно-процессуальном законодательстве национального интереса и его приоритет над иными видами интереса приобретают особую актуальность в современных условиях, связанных с проведением СВО. Происходящие внешнеполитические события, незавуалированное посягательство на целостность и суверенитет нашей страны потребовали от главы государства принятия оперативных решений, в том числе с привлечением Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ). Эти обстоятельства легли в основу построения современной внешней и внутренней государственной политики, что нашло закономерное отражение в комплексном совершенствовании уголовного

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

законодательства, направленном на пресечение ложной информации о ходе проведения СВО и деятельности ВС РФ, их дискредитации, усиление ответственности за воинские преступления, охрану государственных оборонных заказов и др. [16]

Комплексный подход к реформированию уголовной политики в современных условиях не мог не затронуть и уголовно-процессуальное законодательство. Так, Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ¹ детализировал срок задержания в условиях военного положения по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также установил время предъявления обвинения по данным категориям преступлений подозреваемому, которому была избрана мера пресечения. Кроме того, Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ² в устоявшуюся систему оснований приостановления предварительного расследования введено новое основание, а также установлены правила прекращения расследования уголовных дел в связи с призывом к прохождению военной службы либо заключением контракта с Министерством обороны Российской Федерации о ее прохождении. Позднее Федеральным законом от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ³ указанные основания распространены на стадии производства в суде первой инстанции и апелляционного производства.

В условиях существования лишь частных и публичных интересов законодательная новелла, позволяющая приостанавливать предварительное расследование (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и производство по уголовному делу в суде (п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ), при наличии лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, видится несколько абсурдной. Действительно, возникают закономерные вопросы о том,

достигнуто ли назначение уголовного судопроизводства, реализован ли частный интерес на возмещение причиненного ущерба и восстановление утраченных прав либо публичный — на неотвратимость наказания, принятия правосудного решения, при условии что лицо, совершившее преступление, уже установлено? Очевидно, что в данной ситуации законодатель руководствуется интересом национальным, представляющим собой нечто большее, нежели частный или публичный интересы [17]. Перефразируя известное выражение Д. Н. Стефановского [18], следует констатировать, что при столкновении существенных национальных интересов с частно-публичными последние должны быть принесены в жертву первым. Безусловно, выбранное государством направление стратегического развития национальных интересов в уголовно-процессуальной политике заслуживает поддержки, но при этом требует комплексных самостоятельных исследований. Приоритет национальных интересов в реализации уголовно-процессуального законодательства требует создания новых либо совершенствования имеющихся публично-правовых механизмов разрешения уголовно-правовых споров с учетом существующих правовых основ реализации уголовно-процессуальных функций участников уголовного судопроизводства в особых условиях, т. е. в период действия военного или чрезвычайного положения, проведения контртеррористических операций, в условиях вооруженного конфликта и других чрезвычайных ситуаций. Защита национальных интересов при этом должна осуществляться с соблюдением принципов законности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем несколько выводов.

1. Порядок формирования и функционирования уголовного судопроизводства определен необходимостью реализации целого комплекса интересов его участников, субъектов, вступающих в уголовно-процессуальные отношения, не имеющих регламентированного процессуального статуса, а также общества и государства. Интересы государства при этом могут быть выражены не только в реализации публичных интересов, но и в необходимости обеспечения интересов национальных.

2. Предлагается нормативно закрепить правовую категорию национальных интересов в ст. 5 УПК РФ, дополнив ее пунктом 16.1 и изложив ее в следующем виде: «Национальный интерес — совокупность официально признанных государством и обеспеченных правом внутренних и внеш-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

³ О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

них интересов народа России, которые направлены на безопасное, конституционное, суверенное, независимое, поступательное развитие страны, обеспеченное территориальной целостью, стабильностью, взаимовыгодными, равными и партнерскими отношениями с другими странами».

3. Определенное действующим уголовно-процессуальным законодательством в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства не позволяет отразить всего многообразия возникающих уголовно-процессуальных отношений и преследуемых целей. Представленная норма не образует правовой основы для обеспечения национальных интересов государства. На основании изложенного считаем рациональным часть 1 статьи 6 УПК РФ

дополнить пунктом 3 следующего содержания: «3) защиту национальных интересов страны от преступных посягательств».

4. Стратегия развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации видится в комплексном законодательном, доктринальном и правоприменительном подходе по разработке эффективных правовых механизмов обеспечения защиты национальных интересов страны в уголовном процессе с учетом сформировавшихся ценностей, идеологии, правоприменительного опыта, а также сложившихся и перспективных вариантов развития внешнеполитических отношений.

1. Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королева. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.

2. Смирнова И. Г. Интерес — понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 14—18.

3. Спирин А. В. Интерес и законный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 32—36.

4. Смолькова И. В., Мазюк Р. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 1. С. 156—169.

5. Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2017. № 4 (18). С. 76—84.

6. Насонов А. А. Система частных интересов в российском уголовном процессе и роль категории «согласие» в обеспечении ее сбалансированности // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 225—233.

7. Филатов А. В. Интерес в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 241—244.

8. Дикарев И. С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе // Государство и право. 2010. № 8. С. 55—62.

9. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2001. 219 с.

10. Ильницкая Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 201 с.

1. Yavich L. S. General theory of law. Red. by A. I. Korolev Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1976: 285. (In Russ.).

2. Smirnova I. G. Interest — the concept of criminal procedure. State and law, 14—18, 2008. (In Russ.).

3. Spirin A. V. Interest and legal interest in criminal procedure. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 32—36, 2019. (In Russ.).

4. Smolkova I. V., Mazyuk R. V. Legal, illegal and procedural interests of the accused in Russian criminal procedure. All-Russian journal of criminology, 156—169, 2016. (In Russ.).

5. Mazyuk R. V. Procedural interests of participants in criminal procedure. Siberian criminal procedural and criminalistic readings, 76—84, 2017. (In Russ.).

6. Nasonov A. A. The system of private interests in the Russian criminal procedure and the role of the category "consent" in ensuring its balance. The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 225—233, 2022. (In Russ.).

7. Filatov A. V. Interest in criminal procedure. Society and law, 241—244, 2011. (In Russ.).

8. Dikarev I. S. Legal interests of the accused in criminal procedure. State and law, 55—62, 2010. (In Russ.).

9. Shestakova S. D. The adversarial nature of the criminal procedure. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2001: 219. (In Russ.).

10. Ilnitskaya L. I. Personal interests of participants in the Russian criminal procedure. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2003: 201. (In Russ.).

11. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 16—22.

12. Александров А. С. Проблемы современной уголовно-процессуальной политики // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13 нояб. 2018 г.). Омск: Омск. акад. МВД России, 2019. С. 7—11.

13. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная политика как источник идеологических проблем современного уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 5—9.

14. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: современные вызовы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 22 апр. 2022 г.). Омск: Сиб. юрид. ун-т, 2023. С. 3—7.

15. Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации: постановка проблемы // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г. А. Аванесова (Москва, 27 сент. 2024 г.). Ч. 1. Москва: Акад. управления МВД России, 2024. С. 309—318.

16. Шишков А. А. Уголовное законодательство при проведении специальной военной операции // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 8-1. С. 345—354.

17. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 10—15.

18. Стефановский Д. Н. О пределах исследования в уголовном процессе // Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века: хрестоматия / сост. Ю. В. Астафьев, А. Ю. Астафьев; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2016. 479 с.

11. Baranov A. M. Criminal procedural policy of Russia: yesterday, today, tomorrow. Siberian criminal procedural and criminalistic readings, 16—22, 2017. (In Russ.).

12. Aleksandrov A. S. Problems of modern criminal procedure policy. In: Improvement of criminal procedure and criminalistic measures to crime prevention. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, 13 November 2018, Omsk, Russia. Omsk: Publishing House of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2019: 7—11. (In Russ.).

13. Konev A. N. Criminal procedure policy as a source of ideological problems of modern criminal justice. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 5—9, 2019. (In Russ.).

14. Baranov A. M. Criminal procedure policy of Russia: modern challenges. In: Advanced topics of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation. Materials of the International scientific and practical conference, 22 April 2022, Omsk, Russia. Omsk: Publishing House of the Siberian Law University of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 3—7. (In Russ.).

15. Panfilov P. O. Criminal procedure policy to ensure the national interests of the Russian Federation: problem statement. In: Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects. Collection of scientific research papers based on the materials of the international scientific and practical conference, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor G. A. Avanesov, 27 September 2024, Moscow, Russia. Moscow: Publishing House of the Academy of Management of the MIA of Russia; 2024: 309—318. (In Russ.).

16. Shishkov A. A. Criminal legislation while conducting a special military operation. Issues of Russian and international law, 345—354, 2023. (In Russ.).

17. Latypov V. S. The institution of suspending the preliminary investigation in view of the amendments introduced by Federal Law No. 64-FZ of 23 March 2024. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 10—15, 2024. (In Russ.).

18. Stefanovsky D. N. On the research limits in the criminal procedure. In: Theory of judicial evidence in the criminal procedure: the end of the 19th — beginning of the 20th century. A textbook. Comp. Yu. V. Astafyev, A. Yu. Astafyev. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University; 2016: 479. (In Russ.).

Латыпов Вадим Сагитьянович,
начальник кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
Vadi-latypov@yandex.ru

Терехов Алексей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент;
terekhov.au@gmail.com

Latypov Vadim Sagitiyanovich,
head of the criminal procedure department
of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
Vadi-latypov@yandex.ru

Terekhov Aleksey Yurievich,
candidate of juridical sciences, docent;
terekhov.au@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.296

**ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ОБ УКЛОНЕНИИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ****Юрий Вадимович Нагаев-Кочкин**

Бугульминский городской суд Республики Татарстан, kochkin821@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, актуальный в контексте расследования уголовного дела об уклонении от уплаты налогов. Проанализированы позиции различных авторов по рассматриваемому вопросу, положения закона и подзаконные межведомственные акты, обосновывающие необходимость возмещения ущерба, причиняемого государству противоправными действиями неплательщиков-уклонистов, а также проанализированы примеры судебной и следственной практики.

Обоснован вывод о том, что достижение цели возмещения ущерба в ходе расследования дела о неуплате налогов имеет положительные стороны, но вместе с тем оно не должно осуществляться вопреки принципу презумпции невиновности и существенно нарушать права подозреваемого, а также юридического лица, которым он руководит. Проиллюстрированы примеры из следственной практики – как добровольного возмещения налоговых недоимок, так и выявленных в следственной практике методов воздействия, применение которых с целью склонения подозреваемых к возмещению недоимки может нарушить их права.

Ключевые слова: следователь, расследование, возмещение ущерба, прекращение уголовного дела, недоимка, налоговый орган, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов

Для цитирования: Нагаев-Кочкин Ю. В. Возмещение ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). 107—113.

**COMPENSATION FOR DAMAGE IN CRIMINAL CASES
RELATED TO TAX EVASION****Yuri Vadimovich Nagayev-Kochkin**

Bugulma city court of the Republic of Tatarstan, Bugulma, Russia, kochkin821@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issue of compensation for damage caused by a crime, topical in terms of investigation of a criminal case related to tax evasion. Various authors' points of view, as well as trial and investigative practice examples, legal regulations and inter-departmental subordinate regulatory acts to ground the necessity of compensation for damage caused to the state by illegal actions of tax evaders are analyzed.

The conclusion is justified that achieving the aim of compensation for damage through the tax evasion case investigation has benefits, although it must be based on the presumption of innocence and must not break the rights of the suspect or the legal entity he or she is the head of. The author demonstrates investigative practice examples of both voluntary tax arrears compensation and ways of enforcement developed through investigative practice, but breaking the rights of the evaders, if applied to make them pay compensation for the arrears.

Keywords: investigator, investigation, compensation for damage, termination of the criminal case, arrears, tax agency, tax crimes, tax evasion

For citation: Nagayev-Kochkin Yu. V. Compensation for damage in criminal cases related to tax evasion. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 107—113, 2025. (In Russ.).

Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) определяет как назначение уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

При совершении налоговых преступлений нарушаются публичные интересы, потерпевшей стороной фактически выступает государство. Одной из форм защиты интересов государства и восстановления нарушенных общественных отношений является возмещение ущерба, причиненного преступлением, осуществляемое путем уплаты полной суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа. Закон (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ст. 28.1 УПК РФ, примечание к ст. 198, 199 УК РФ) предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба. При этом не является обязательной уплата денежных сумм именно лицом, совершившим преступление. Данные положения закона свидетельствуют о том, что государству крайне важно взыскание налоговой недоимки. Получая сокрытые ранее суммы налога, бюджет в то же время экономит денежные средства на процедуре привлечения лица к уголовной ответственности, так как государство отказывается от продолжения его преследования.

Об актуальности данной темы свидетельствует дискуссия в научных трудах.

Н. Н. Апостолова отмечает, что фискальная направленность здесь очевидна и является приоритетной, а пополнение казны без применения уголовной репрессии выступает основной целью [1, с. 115].

Е. В. Благов акцентирует внимание на необходимости уплаты не только полной суммы недоимки, но и пеней и штрафа, сумма которых рассчитывается налоговым органом. При этом он полагает, что штраф в данном случае является мерой налоговой ответственности, и ставит под сомнение целесообразность применения штрафа при освобождении от уголовной ответственности [2, с. 122].

С. А. Шумаков определяет установленную законом необходимость уплаты пеней и штрафа как обоснованную и являющуюся более строгим, но справедливым критерием освобождения от уголовной ответственности [3, с. 94].

И. О. Ткачев, рассматривая различные аспекты освобождения от уголовной ответственности, приходит к выводу об излишней правовой регламентации данного вопроса в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, так

как соответствующие положения уже закреплены в Особенной части кодекса [4, с. 30].

Е. А. Ефремова предлагает алгоритм действий для принятия исчерпывающих мер по обеспечению возмещения ущерба и восстановления нарушенных прав [5, с. 170].

А. В. Серебrenникова, положительно оценивая стремление государства избавить бизнес от неблагоприятных последствий, но оставить за собой право считать нарушения в данной сфере крайне негативными для бюджетной системы, убеждена в том, что данный институт может стать работоспособным инструментом гуманизации закона [6, с. 60].

Согласно ст. 160.1 УПК РФ при установлении факта причинения совершенным преступлением имущественного вреда следователь обязан незамедлительно принять меры по установлению имущества подозреваемого (обвиняемого), стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, а также по наложению ареста на такое имущество. Ряд ведомственных и межведомственных документов¹ указывает на необходимость совершения действий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением. Однако в уголовно-процессуальном законе нет конкретной нормы, которая бы прямо обязывала следственные органы производить мероприятия по возмещению налоговой недоимки.

С. В. Валов, отмечая отсутствие такой обязанности, в то же время описывает случаи получения подчиненными конкретных установок (вплоть до запрета направления прокурору уголовных дел, по которым не принят достаточный комплекс мер по возмещению ущерба) от руководителей следственных органов различных уровней [7, с. 100].

¹ О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями: совместный приказ Генпрокуратуры России № 182, МВД России № 189, МЧС России № 153, ФСБ России № 243, СК России № 33, ФСКН России № 129, ФТС России № 800, ФССП России № 220, Росфинмониторинга № 105 от 29 марта 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О взаимодействии между следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, Министерством внутренних дел по Республике Татарстан, Управлением Федеральной налоговой службы по Республике Татарстан: соглашение следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан от 12 февраля 2021 г. № 8, Министерства внутренних дел по Республике Татарстан № MVD/C-16/21, Управления Федеральной налоговой службы по Республике Татарстан № 2.1-21/47.

Известно, что одним из показателей эффективности деятельности органов предварительного расследования является сумма возмещенного ущерба, причиненного преступлением [8, с. 21; 9, с. 147].

Применительно к уголовным делам об уклонении от уплаты налогов организаций показатели возмещения ущерба особенно важны, ведь сумма ущерба по данной категории дел, как правило, превышает ущерб по всем — вместе взятым — иным составам преступлений.

Так, в следственном управлении по Республике Татарстан в 2022 г. размер возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам по фактам уклонения от уплаты налогов составил 2 млрд 147 млн рублей, в 2023 г. — 1 млрд 591 млн рублей, в первом полугодии 2024 г. — 1 млрд 82 млн рублей.

В целях обеспечения высоких показателей по возмещению ущерба в ряде следственных управлений создаются специализированные отделы по расследованию налоговых преступлений (например, в Республике Татарстан, г. Санкт-Петербурге, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре), деятельность которых связана главным образом с планированием, организацией и проведением следственных и оперативно-разыскных мероприятий, направленных именно на возмещение ущерба.

С одной стороны, подобная деятельность не в полной мере связана с решением задач Следственного комитета Российской Федерации, первой из которых является оперативное и качественное расследование преступлений, поскольку взыскание денежных средств во исполнение решения суда отнесено к компетенции органов принудительного исполнения. Однако, как указывает Э. С. Каминский, цели уголовного судопроизводства могут быть достигнуты с помощью не только традиционных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов (путем осуждения лица), но и менее репрессивных мер, заключающихся в отказе от уголовного преследования лиц, загладивших причиненный ущерб [10, с. 3].

«Возможность прекращения уголовного дела об уклонении от уплаты налогов представляет собой устранение последствий уголовно-правового конфликта посредством возмещения ущерба», — пишет В. В. Момотов [11, с. 11].

О. А. Малышева предлагает законодательно стимулировать прекращение уголовных дел на досудебной стадии, внести коррективы в порядок ведения правоохранительными органами статистики, в систему поощрения сотрудников этих органов, чтобы — при наличии к тому законных оснований — сотруднику правоохранительных органов было комфортнее самостоятельно прекратить уголовное преследование без передачи

дела в суд [12, с. 22]. Обоснованием такой позиции является констатирование возможности оптимизации расходования бюджетных средств и перенаправления сэкономленных средств в иные сферы, в том числе на расследование иных тяжких и особо тяжких преступлений.

Однако в ходе анализа практики применения данного института помимо положительного эффекта, указанного авторами, выявляются и некоторые негативные тенденции, ставящие под сомнение необходимость повсеместного его применения. Так, наличие в законе положения о возможности прекращения уголовного дела без проведения полноценной процедуры установления всех обстоятельств в совокупности с необходимостью поддержания и повышения ведомственных показателей эффективности ведет к пренебрежению следователями обязанностью по доказыванию вины. Первоочередным становится не установление события преступления и вины лица, а размер недоимки и возможность ее погашения любыми не запрещенными законом способами.

Как исключительно положительный пример (таковых в следственной практике немало) может быть рассмотрена следующая ситуация: следователь разъясняет подозреваемому положения закона о возможности прекращения уголовного дела в связи с возмещением ущерба, а подозреваемый ущерб возмещает, и уголовное дело прекращается.

Так, еще на стадии доследственной проверки директор ООО «Т» сообщил следователю о готовности уплатить все необходимые суммы денежных средств. При этом сумма недоимки еще даже не была установлена, так как налоговая проверка к тому моменту не завершилась. Уголовное дело было возбуждено по материалам, собранным органом внутренних дел. В течение нескольких месяцев подозреваемый Х. всю сумму недоимки уплатил, уголовное дело прекращено на основании ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ¹.

Аналогичным образом прекращено уголовное дело в отношении И., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ. В ходе допроса И. не выразил своего отношения к подозрению, ограничился лишь согласием с уплатой всех необходимых задолженностей и прекращением уголовного дела, состоявшимся уже на пятые сутки после возбуждения².

¹ Уголовное дело № 000035 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, 2021 г.

² Уголовное дело № 000019 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, 2021 г.

Однако во многих случаях в добровольном порядке подозреваемый ущерб не возмещает, а следователь, не ограничиваясь разъяснением стороне защиты ее прав и применением обеспечительных мер, фактически начинает выступать в роли «взыскателя задолженности», применяя для этого полномочия, представленные ему уголовно-процессуальным законом.

На начальной стадии расследования, до производства экономической (бухгалтерской, налоговой) судебной экспертизы, сумма недоимки может быть значительно завышена в результате, например, ошибочных выводов налогового органа. Так, при возбуждении уголовного дела в отношении З. в постановлении фигурировала сумма недоимки в размере более 65 млн рублей, а с учетом пеней и штрафов — более 95 млн рублей. Подозреваемый З. в начале расследования выразил желание возместить сумму недоимки в размере 30 млн рублей, однако следственный орган настаивал на полном возмещении всей инкриминируемой суммы, основанной на решении налогового органа. Проведенная в ходе расследования налоговая экспертиза подтвердила неуплату в бюджет только 900 000 рублей. Результат экспертизы обусловлен неправомерными действиями подозреваемого по сокрытию необходимых документов, однако иных весомых и допустимых доказательств его вины не оказалось. Спустя 12 месяцев расследование уголовного дела было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Спор между организацией и налоговой службой в арбитражном суде продолжился, но не закончился взысканием недоимки¹.

Случаи снижения размера ущерба после проведения экономического исследования далеко не редкость, поэтому склонение подозреваемых к незамедлительной уплате всей суммы недоимки, пеней и штрафа, хотя и выгодное для повышения ведомственных показателей, имеет не в полной мере законные основания.

Побуждая к уплате недоимки, следователь может попытаться создать психологически неудобные условия для подозреваемого, подводя последнего к мысли о том, что проще выплатить задолженность перед бюджетом, чем продолжать состязательный уголовный процесс, неся и значительные косвенные денежные траты, связанные с участием в процедуре (это и оплата труда адво-

ката, и обеспечение необходимости систематически участвовать в следственных действиях, которые по месту и времени могут идти вразрез с бизнес-планами подозреваемого). Проведение многочисленных обысков, выемок с изъятием электронных носителей информации (рабочих компьютеров, серверов, личных мобильных телефонов), автомобилей, иного имущества может серьезно затруднить рабочие процессы. Вопрос о наличии или отсутствии фактической необходимости в данных действиях при этом решается следователем.

Арест на имущество, по смыслу закона, накладывается соразмерно причиненному ущербу. Однако ничто не мешает следователю заявить перед судом ходатайство на значительно большие суммы, попытаться полностью остановить движение денежных средств по банковским счетам подозреваемого. И, хотя наложение ареста на имущество производится лишь с разрешения суда, как показало изучение судебной практики, принцип соразмерности соблюдается не всегда.

К примеру, следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на денежные средства ООО «А» в размере 68 млн рублей. Постановлением Советского районного суда г. Казани ходатайство следователя было удовлетворено частично: наложен арест на денежные средства в размере 55 млн рублей с запретом совершения расходных операций по счету. Апелляционная инстанция с таким решением не согласилась и направила материал на новое рассмотрение. Одной из причин отмены постановления явилось нарушение принципа соразмерности. Так, суд апелляционной инстанции указал, что вопрос о соразмерности суммы арестованных у общества денежных средств и причиненного ущерба, с учетом сведений о наложении ареста на иное имущество подозреваемых, не исследован. Более того, данные о наложении ареста на иное имущество подозреваемых следователь не представил, в связи с чем суд первой инстанции, при отсутствии указанных сведений, не имел возможности установить соразмерность².

Постановлением Советского районного суда г. Казани разрешено наложение ареста и на недвижимое имущество ООО «Ар» по возбужденному по ч. 1 ст. 199 УК РФ уголовному делу по факту уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость на общую сумму 25 млн рублей (без учета

¹ Уголовное дело № 000007 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, 2021 г.

² Уголовное дело № 000040 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, 2021 г.

пеней и штрафа). Апелляционным постановлением решение суда первой инстанции отменено с направлением материала на новое рассмотрение. Мотивируя принятое решение, суд апелляционной инстанции указал, что судом первой инстанции не был выяснен факт погашения ООО «Ар» налоговой задолженности в размере 25 млн рублей, имеющий существенное значение при разрешении ходатайства о наложении ареста на имущество¹.

Проведение следственных действий в отношении контрагентов организации-уклониста может негативно сказаться на ее деловой репутации. Публикация в средствах массовой информации сведений о возбуждении уголовного дела по факту уклонений организации от уплаты налогов не противоречит требованиям законодательства, однако очевидно, что бенефициары желали бы избежать такой огласки.

Приведенные примеры действий, направленных на склонение подозреваемого к уплате недоимки, в условиях рыночной экономики могут не только причинить вред хозяйствующему субъекту, но и привести к его полному устранению. Таким образом, действия следователя могут существенно нарушить права лиц, вина которых не доказана и судом не установлена, если вопрос о достоверности суммы недоимки надлежащим образом не исследован.

Возмещение ущерба по делам об уклонении от уплаты налогов в настоящее время является приоритетной целью следственных органов. Оценка эффективности их работы осуществляется на основе определения показателя возмещения ущерба. По мнению многих авторов, прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба отвечает публичным интересам. В то же время погоня за возмещением ущерба и досудебным пре-

кращением уголовного дела не должна осуществляться вопреки презумпции невиновности.

Подводя итог, отметим достаточность правовой урегулированности рассматриваемых правоотношений. Установленный законодательно механизм прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, как указано, имеет определенные преимущества. Негативная же сторона данного явления, проиллюстрированная выше, связана главным образом с частными случаями правоприменения. Дополнение норм, установление ограничений или новых обязательных условий для прекращения снизят имеющийся положительный эффект. Право не всемерно и может быть социально полезно лишь в тех случаях, когда его сила и возможности соответствуют его природе, в обществе должен действовать принцип достаточности права [13]. Следователи и руководители следственных органов могут и должны работать не только в соответствии с буквой закона и интересами повышения показателей ведомственной эффективности, но и с совестью, моралью и нравственностью, на что указывают, в том числе, кодексы профессиональной этики.

Любое процессуальное решение, будь то прекращение уголовного дела по реабилитирующему либо нереабилитирующему основанию, должно быть обоснованным, а выводы — подтверждаться материалами дела. В связи с этим необходимо рекомендовать в ходе расследования рассматриваемой категории уголовных дел производить сбор достаточных доказательств, устанавливая событие преступления и вину лица, лишь после этого выносить итоговое решение.

¹ Уголовное дело № 000026 // Архив следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, 2021 г.

1. Апостолова Н. Н. Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве: прекращение уголовного преследования по ст. 28. 1 УПК РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 3. С. 114—119.

2. Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 118—127.

3. Шумаков С. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением

1. Apostolova N. N. Business interest advocacy in criminal procedure: termination of criminal prosecution on the Art.28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. North-Caucasus law journal, 114—119, 2016. (In Russ.).

2. Blagov Ye. V. Discharge (release) from criminal responsibility while paying compensation for damage. Topical issues of Russian law, 118—127, 2019. (In Russ.).

3. Shumakov S. A. Discharge (release) from criminal responsibility while paying compensation

ущерба и денежным возмещением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 90—96.

4. Ткачев И. О. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76. 1 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 30—35.

5. Ефремова Е. А. Общие положения организации на досудебной стадии уголовного судопроизводства обеспечения возмещения причиненного преступлением ущерба // Закон и право. 2021. № 7. С. 166—171.

6. Серебренникова А. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба: практика применения в отношении налоговых преступлений (ст. 76.1 УК РФ) // Colloquium-journal. 2020. № 28 (80). С. 56—61.

7. Валов С. В. Причиненный преступлением вред и обязанность следователя: возмещать или обеспечивать возмещение? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 91—103.

8. Монид М. В. Деятельность органов предварительного следствия МВД России в «зеркале» ведомственной статистики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29). С. 20—26.

9. Цыренов Ж. В. Об объективности формирования статистической отчетности по обеспечению возмещения ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 145—151.

10. Каминский Э. С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2021. 198 с.

11. Момотов В. В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 5—17.

12. Малышева О. А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 7. С. 20—24.

13. Власенко Н. А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 41—47.

for damage or monetary compensation. Legal science and law enforcement practice, 90—96, 2021. (In Russ.).

4. Tkachev I. O. Discharge (release) from criminal responsibility while paying compensation for damage (Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminal justice, 30—35, 2019. (In Russ.).

5. Yefremova Ye. A. Common guidelines to ensure compensation of a damage caused by a crime at the pre-trial stage of criminal procedure. Law and legality, 166—171, 2021. (In Russ.).

6. Serebrennikova A. V. Discharge (release) from criminal responsibility while paying compensation for damage: application practice in terms of tax crimes (Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Colloquium-journal, 56—61, 2020. (In Russ.).

7. Valov S. V. Damage caused by crime and responsibilities of the investigator: whether to compensate it or to ensure compensation? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—103, 2024. (In Russ.).

8. Monid M. V. Activities of the preliminary investigation agencies of the Internal Affairs Ministry of Russia as reflected in departmental statistics. Journal of the Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 20—26, 2017. (In Russ.).

9. Tsyrenov Zh. V. On the issue of impartiality of making statistical reports to ensure compensation for damage at the pre-trial stages of criminal procedure. Journal of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 145—151, 2020. (In Russ.).

10. Kaminsky E. S. Ensuring public legal interests while applying alternative ways of criminal and legal conflict resolution at the pre-trial procedure. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2021: 198. (In Russ.).

11. Momotov V. V. Justice economy: on the State welfare and an individual's benefit. Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence, 5—17, 2017. (In Russ.).

12. Malysheva O. A. On the issue of feasibility of the institute to reconcile the parties by preliminary investigation agencies. Russian investigator, 20—24, 2019. (In Russ.).

13. Vlasenko N. A. The issue of sufficiency and aggressiveness of legal regulation. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 41—7, 2018. (In Russ.).

Нагаев-Кочкин Юрий Вадимович,
судья Бугульминского городского суда
Республики Татарстан,
kochkin821@yandex.ru

Nagayev-Kochkin Yuri Vadimovich,
judge at Bugulma city court
of the Republic of Tatarstan;
kochkin821@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА
КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО
С ПОЛУЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ**

Юлия Владимировна Белецкая

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, beletzkaya.yu@yandex.ru

Аннотация. В рамках данной статьи автор проводит анализ личностных характеристик субъектов, совершающих мошенничества, сопряженные с получением социальных выплат. Рассматриваются наиболее типичные их черты и признаки, образующие уникальный социально-психологический портрет, необходимый для всесторонней криминалистически значимой оценки данного вида преступления. В исследовании акцентируется внимание на классической диагностике индивидуальных качеств людей, склонных к совершению таких преступлений, что позволяет выделить ключевые аспекты, формирующие личность и ее мотивацию в аспекте незаконной деятельности, связанной с социальными выплатами. В работе также анализируются основные теоретические подходы, физиологические и социальные характеристики субъектов данного вида преступления. Выделяется шесть важных элементов, образующих содержание криминалистически значимой информации о таких субъектах преступления. Рассмотрение каждого элемента сопровождается примерами из архивных материалов уголовных дел и результатов анкетных опросов практических работников. В заключительной части работы представлен авторский комплексный социально-психологический портрет лица, склонного к совершению мошенничества при получении социальных выплат (ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: криминалистика, мошенничество при получении социальных выплат, методика раскрытия и расследования, криминалистически значимая информация, личность преступника, комплексный социально-психологический портрет субъекта преступления

Для цитирования: Белецкая Ю. В. Личность преступника как системообразующий элемент криминалистической характеристики мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 114—121.

**IDENTITY OF THE CRIMINAL
AS A SYSTEM-FORMING ELEMENT
OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD
ASSOCIATED WITH SOCIAL BENEFITS OBTAINING**

Yulia Vladimirovna Beletskaya

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, beletzkaya.yu@yandex.ru

Abstract. In the context of this article, the author analyzes the identifying characteristics of subjects committing frauds associated with social benefits obtaining; consider their most typical signs and features forming a unique socio-psychological portrait necessary for a comprehensive criminalistic assessment of this type of crime. The study: focuses on the classical diagnosis of individual qualities of people prone to commit such crimes that gives an opportunity to identify key aspects to form the identity and its motivation in the aspect of illegal activities related to social benefits; analyzes the basic theoretical approaches, the physiological and social characteristics of the subjects committing this type of crime; identifies six important elements to form the content of criminalistic information related to such subjects of the crime.

The analysis of each element is accompanied with examples from archival criminal cases and the results of questionnaires of law enforcement practitioners. In the final part of the work, the author presents a comprehensive socio-psychological portrait of a person prone to make fraud associated with social benefits obtaining (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: criminalistics; fraud while obtaining social benefits, the methodology of solution and investigation, criminalistic information, identity of the criminal, a comprehensive socio-psychological portrait of the subject of the crime

For citation: Beletskaya Yu. V. Identity of the criminal as a system-forming element of the criminalistic characteristics of fraud associated with social benefits obtaining. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 114—121, 2025. (In Russ.).

На протяжении многих десятков лет изучение личности преступника является одним из ключевых аспектов раскрытия и расследования преступлений. Понимание общефизиологических, психологических и социальных характеристик помогает верифицировать [1, с. 161] факторы, способствующие формированию криминального поведения субъекта преступных действий. В связи с этим и возникает необходимость в разностороннем анализе субъективных характеристик лиц, склонных к совершению преступлений, как с научной, так и с практической точки зрения.

Понятие «личность» своими корнями уходит в эпоху существования латинского термина «persona», который первоначально обозначал маску, используемую актерами в античном театре и символизировавшую не только внешние характеристики, но и социальные роли индивида. В ходе эволюции представление о содержании данного понятия претерпело значительную трансформацию, став диалектически более сложным и многогранным.

Одним из наиболее значительных событий в аспекте изучения личности преступника является наследие Чезаре Ломброзо, итальянского психиатра и антрополога XIX в., который стал основоположником криминальной антропологии. В частности, по его мнению, анатомические и физиологические особенности человека могут служить индикаторами предрасположенности к преступной деятельности [2]. В свою очередь, Г. Тард акцентировал внимание на социальных и психологических аспектах, подчеркивая, что преступное поведение формируется под воздействием окружающей среды и социальных факторов [3].

Мысли обоих авторов нам понятны, однако на наш взгляд, истина «лежит» где-то между ними, поскольку формирование «преступной личности», в чем мы убеждены, включает как анатомо-физиологические, так и социально-демографические аспекты в самом различном их сочетании.

Б. Г. Ананьев в числе первых сформулировал комплексную модель структуры личности, которую основывал на материалистическом подходе в философии. В этой модели он интегрировал биологические, социальные и психологические аспекты, рассматривая личность как синтез природ-

ных и общественно обусловленных факторов. Данный автор подчеркивал важность системного взгляда на индивидуальность, уделяя внимание взаимным связям и зависимостям — корреляции различных компонентов личности [4].

Его работа, по нашему мнению, могла способствовать преодолению фрагментарного «выборного» подхода к изучению личности человека, более полному осознанию многогранности человеческой сущности в аспекте проводимого нами исследования.

Так, А. И. Щербаков в своей работе изучил не только интраиндивидуальные аспекты, т. е. характеристику личности как элемента социальной системы, представляющей собой совокупность ее внешних качеств и проявлений, но и интериндивидуальные аспекты, обозначающие совокупность индивидуальных характеристик, формирующих внутренний мир человека. Кроме того, он предложил добавить третий аспект, который трактуется как метаиндивидуальный (индивидуальное восприятие окружающих как отображение персонализации индивида в сознании другого человека) [5].

Данный подход к рассмотрению личности через призму указанных А. И. Щербаковым аспектов позволяет, как нам представляется, глубже понять механизмы взаимодействия людей как индивидов в обществе.

Давно известно, что анализ личности преступника является одним из центральных направлений криминалистической науки, неизменно вызывающих профессиональный интерес как у научных работников, так и у субъектов, занимающихся непосредственно раскрытием, расследованием и предотвращением преступлений. К примеру, Р. И. Хамбулатов подчеркивает, что личность преступника не существует в вакууме, а формируется под воздействием различных факторов, таких как семья, окружение, культурные и экономические аспекты [6]. Мысль, высказанная автором, заслуживает внимания, поскольку она позволяет не только глубже понять природу преступного поведения, но и разобраться в более эффективных методах его предотвращения.

Исследуя личность преступника, В. И. Коммисаров и Я. В. Коммисарова выделяют такие ее ас-

пекты, как: а) уровень социальной адаптации, б) эмоциональная устойчивость, а также в) типичные черты характера. Особое внимание авторы уделяют личной истории каждого индивидуума, включая его отношения с окружением, образование и криминальный опыт [7]. Мы согласны с позицией авторов, поскольку личность преступника действительно является системообразующим элементом, в том числе в криминалистической характеристике преступлений, им совершаемых, обладающим особым сочетанием различных общефизических, антропогенных [8] и функциональных особенностей, которые охватывают не только внутреннее, но и внешние факторы.

В конце XX — начале XXI в. исследованием личности преступника через призму криминалистических характеристик занимались И. Ф. Герасимов, Ю. Л. Дяблова, Н. И. Махыхина и др. Большинство ученых выделяют пять групп признаков личности преступника: а) социально-демографические; б) уголовно-правовые; в) морально-нравственные; г) физические; д) психологические. К первой категории характеристик личности преступника относят: возраст, пол, образование, социальный уровень и т. п. Вторая категория включает анализ криминального прошлого, изучение мотивации преступного поведения и характер вины. Третья категория фокусируется на ценностных установках личности, ее отношении к обществу и другим социальным группам. Четвертая и пятая категории включают в себя физические характеристики, такие как сила и выносливость, а также психологические особенности, например склонность к агрессии и низкий уровень самооценки, которые могут способствовать выбору преступного пути.

В настоящее время ученые-криминалисты и сотрудники практических органов так и не достигли согласия по поводу криминалистически значимых признаков, которые могли бы в полной мере охарактеризовать лицо, совершившее преступление. Вместе с тем понимаем, что такая ситуация является диалектически актуальной, поскольку криминалистическая теория и практика раскрытия и расследования преступлений изначально связаны с множеством факторов, влияющих на характер и содержание преступного события.

Так, криминалистический анализ мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, предусмотренного ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), требует комплексного подхода, выходящего за рамки простого описания

преступления, поскольку включает в себя не только правовые и криминалистические аспекты, но и социальные, экономические и психологические факторы.

Анкетные опросы практических работников, ознакомление со статистическими данными о подобных преступлениях, а также изучение материалов архивных уголовных дел и судебных решений позволяет нам составить предметный и системный образ преступника.

1. Общефизические признаки: *пол, возраст*. Из результатов анкетирования следователей и дознавателей узнаем, что мошенничество, сопряженное с получением социальных выплат, совершается лицами: *мужского пола* — 55,9 % случаев, *женского пола* — 44,1% случаев. Из архивных материалов уголовных дел следует, что в 40 % случаев данный вид мошенничества совершили лица женского пола, мужского — в немногим более 58 % случаев. Из этого же источника узнаем, что женщины чаще всего совершают преступления данной категории в отношении такой государственной выплаты, как денежный материнский капитал, — более чем в 23 % случаев, в связи с тем, что его преимущественно получают именно женщины, тогда как выплата данного пособия мужчинам осуществляется редко. *К примеру, гр. Ф., являясь владельцем государственного сертификата на семейный капитал, договорилась с супругом гр. А. приобрести квартиру, используя деньги по социальной выплате для улучшения жилищных условий. При этом она планировала приобрести квартиру за меньшую сумму, чем выделено в надлежащем сертификате, что и было указано в договоре купли-продажи. Оставшуюся часть суммы материнского капитала гр. Ф. обналичила и потратила в личных целях. Таким образом, бюджету РФ был причинен ущерб в размере 236 000 руб.*¹

В ходе проведенного исследования установлено, что представители мужского пола чаще совершают мошенничество при получении таких социальных выплат, как пособие по безработице, пособие по инвалидности и некоторые другие, что может быть связано с уровнем воспринимаемого риска, а также наличием психологической устойчивости. *Так, гр. Л., будучи осведомленным о мерах социальной поддержки участников ликвидации аварии на АЭС со стороны государства в соот-*

¹ Приговор № 1-18/2017 от 20 марта 2017 г. по делу № 1-18/2017 // Архив Виноградовского районного суда Архангельской области.

ветствии с Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», принял решение о незаконном завладении указанными денежными средствами путем предоставления заведомо ложных сведений в Главное управление труда, в результате чего он получил соответствующие выплаты, чем причинил государственному бюджету ущерб в размере 428 340 руб.¹

Несмотря на такое разделение, нами установлено, что совершение мошенничества, сопряженного с получением отдельных социальных выплат, не ограничивается мужской частью населения. Женщины, в силу известных причин часто занимая уязвимые социальные позиции, прибегают к данному виду противоправных действий, стараясь, к примеру, обеспечить своих детей и преодолеть временные финансовые проблемы.

Согласно данным анкетного опроса сотрудников правоохранительных органов, возрастные группы преступников могут значительно варьироваться в зависимости от типа социальной выплаты, на которую претендует конкретное лицо. К примеру, мошенничество с пенсионными выплатами чаще совершают лица в возрасте от 50 лет и старше, в то время как мошенничество с детскими пособиями — лица в возрасте от 25 до 40 лет.

В связи с этим можно выделить шесть основных возрастных групп лиц, осуществляющих мошеннические действия при получении социальных выплат: а) до 18 лет — 2,1 % случаев; б) от 18 до 25 лет — немногим более 15 %; в) от 26 до 35 лет — 48,5 %; г) от 36 до 40 лет — 16,1 %; д) от 45 до 55 лет — немногим менее 9 %; е) от 55 лет и старше — около 8,5 % случаев.

Как видим, максимальное число хищений при получении социальных выплат почти в 90 % случаев совершаются людьми в возрасте от 26 до 50 лет. По результатам изучения архивных материалов уголовных дел, около 80 % случаев исследуемого мошенничества совершается в возрастном промежутке от 26 до 45 лет, а в 20,2 % случаев — от 46 лет и старше.

Исходя из представленной статистики, можно сделать вывод о том, что мошенничества с социальными выплатами чаще всего совершаются лицами старше 26 лет, что может быть обусловлено: 1) возрастающей потребностью в дополнительных

финансовых ресурсах; 2) наличием у них необходимого опыта и навыков для совершения подобных действий; 3) адекватной оценкой уровня риска и мотивации. Сочетание названных факторов в различных сферах жизнедеятельности конкретного субъекта в данном возрастном периоде формирует благоприятные условия, способствующие осуществлению указанных противоправных деяний.

2. Социальные признаки: *уровень образования, семейное положение, род занятий, уровень дохода*. По результатам анкетирования следователей и дознавателей была выявлена взаимосвязь между уровнем образования и участием в мошенничестве при получении социальных выплат. Наибольшую долю (57,8 % случаев) составляет группа лиц со средним профессиональным образованием. За ней — лица с высшим (неоконченным высшим) образованием (29,4 %), а затем — с общим средним образованием (12,8 % случаев). Представленная статистика коррелируется с результатами анализа архивных материалов уголовных дел, в которых около 58,6 % случаев подозреваемые имели аттестат о среднем профессиональном образовании.

На основании результатов анкетного опроса практических работников и архивных материалов уголовных дел исследуемого вида преступлений в аспекте рода занятий лиц, участвовавших в них, получены следующие данные: трудоспособный — 43,3 % случаев; не работающий трудоспособный — 33,1 %; учащийся общеобразовательной школы, студент вуза — около 2 % случаев.

Таким образом, примерно половина лиц, совершающих преступления исследуемого вида, являются трудоспособными. Данный факт, как нам представляется, свидетельствует о значительной части населения, вовлеченной в преступную активность и имеющей стабильный доход, что может быть связано, к примеру, с улучшающимися социально-экономическими условиями, уровнем образования и степени доступа к ресурсам. Важно отметить при этом, что наличие постоянного источника дохода не обязательно исключает возможность вовлечения в преступную деятельность, поскольку мотивы и цели, побуждающие к такому поведению, могут быть неоднозначными, сложными и внезапно возникающими.

По результатам анкетирования следователей и дознавателей, а также изучения архивных материалов уголовных дел по поводу вопроса, связанного с семейным положением лиц, склонных

¹ Приговор № 1-407/17 от 28 июля 2017 г. по делу № 1-407/17 // Архив Промышленного районного суда г. Самара.

к совершению данного преступления, были получены следующие результаты: 1) женат / замужем — около 51,1 % случаев; 2) холост / не замужем — примерно 15,2 %; 3) разведен / разведена — 23,5 %; 4) вдовец / вдова — 10,2 % случаев. Как видим, большая часть лиц (51,1 %) состоит в браке. Данный факт не исключает возможности использования взаимосвязей и общих интересов супругов при манипулировании системами в целях приобретения реальных льгот, не соответствующих конкретной ситуации в отдельно взятой семье. Вместе с тем такие факторы, к примеру, как наличие иждивенцев, развод и т. п., могут также способствовать формированию соответствующих психологических установок и потребностей, побуждающих лицо к совершению мошеннических действий в сфере социального обеспечения.

Анализ официальных данных Федеральной службы государственной статистики показал¹, что в разных регионах нашей большой страны условия жизни различаются в зависимости от объективных, в том числе климатических факторов. В то же время величина среднего заработка по России на 2023 г. составляла примерно 71 419 руб. Однако в разных ее регионах она различна: где-то равняется 30—40 тыс. руб., а где-то — 100 тыс. руб. и больше [9].

В целях предметного и всестороннего рассмотрения вопроса о личности мошенника в сфере социальных выплат мы также использовали эмпирический материал, полученный в республиках Адыгея, Дагестан, Крым; Краснодарском, Ставропольском краях; Ивановской, Ростовской областях; Ненецком АО. Мы получили информацию и об уровне дохода лиц, проживающих в данных регионах, которые наиболее часто совершают рассматриваемый вид преступления: а) низкий доход (менее МРОТ) — примерно в 21 % случаев; б) средний — практически равный 63 %; в) высокий — около 15,5 % случаев.

Таким образом, вторая группа признаков, характеризующих лиц, совершающих мошенничество при получении выплат, дает нам возможность говорить о том, что данный вид преступления совершается лицами со средним уровнем дохода и предположительно потому, что они чаще других сталкиваются с определенными финансовыми трудностями: несмотря на стабильный до-

ход, текущие расходы в отдельных случаях превышают реальные возможности этих семей, что толкает их к поиску дополнительных источников дохода, которые нередко бывают незаконными.

3. Морально-психологические свойства личности являются важным аспектом, который формирует отношение индивида к обществу, ценностям и социальным стандартам, а также показывает, как его внутренние переживания отражаются на окружающих. По мнению В. И. Шиян, отличительной чертой, к примеру, женщин, совершивших преступления, является их эмоциональная привязанность к текущим обстоятельствам, бурное реагирование на действительность и глубокая сосредоточенность на своем внутреннем мире [10].

В свою очередь, преступник мужского пола обладает таким качеством, как низкий уровень контроля поведения, что является следствием импульсивности и неудовлетворенности своим положением в обществе. На наш взгляд, каждое преступление имеет свои уникальные предпосылки, влияющие на формирование личности преступника, и мошенничество в сфере социальных выплат не является исключением.

Определение положительных и отрицательных характеристик личности преступника может выявить его сильные и слабые стороны. Например, к первой группе качеств можно отнести уверенность и харизму, а ко второй — импульсивность и эгоцентризм, т. е. выдвигание на первый план своих мотивов, взглядов, интересов и т. п. В ходе анкетного опроса следователей и дознавателей была получена информация о том, что такие лица обладают повышенной социальной адаптацией (повышенной психологической и эмоциональной устойчивостью, хорошо развитым интеллектом) — около 35 % случаев, склонностью к риску — 23,7 %, лживостью — примерно 30 %, манипулятивностью — 11,6 % случаев.

Изучение перечисленных особенностей позволяет составить более полный социальный портрет подозреваемого, что, в свою очередь, сможет повысить общую эффективность раскрытия и расследования мошенничества при получении социальных выплат.

4. Уголовно-правовые данные о личности преступника. Статистика за последние шесть лет свидетельствует о высокой доле осужденных по статьям УК РФ, связанным с мошенничеством при получении социальных выплат. Наиболее распространенными являются преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 159.2 УК РФ — немногим более 40 %, а также ч. 2 ст. 159.2 — около 30 %. Доля

¹ Данные судебной статистики // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm (дата обращения: 17.11.2024).

осужденных по ч. 3 составляет 12,8 %, а по ч. 4 — немногим более 18 %¹.

Таким образом, мы можем представить следующую картину о наличии судимости у мужчин и женщин, совершающих данный вид мошенничества: 1) ранее не судим (не судима) по другим составам преступления — 55,2 % случаев; 2) однократно привлекался (привлекалась) — около 19 %; 3) два и более раз — примерно 5 %; 4) привлекался (привлекалась) к административной ответственности (ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ) — немногим более 2,5 % случаев.

Исходя из этого, напрашивается вывод о том, что лица, склонные к совершению данного вида преступления, часто не имели ранее проблем с законом ни в уголовной, ни в административной сфере.

В результате анкетного опроса следователей и дознавателей мы получили следующие данные о составе участников совершения указанного вида мошенничества: а) единолично — около 21,6 % случаев; б) в составе группы лиц по предварительному сговору — 35,1 %; в) с использованием служебного положения — 23,2 %; г) в составе организованной группы лиц — немногим более 20 % случаев.

В ходе изучения архивных материалов уголовных дел было установлено, что почти в 26,1 % случаев лицо совершало данное преступление самостоятельно; примерно 33 % случаев приходилось на совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору; с использованием служебного положения — 22,4 %; в составе организованной группы лиц — 18,3 % случаев.

Учитывая вышеизложенную информацию, можно выделить две основные группы субъектов, совершающих рассматриваемое преступление: а) лица, фактически не имеющие законных оснований для получения соответствующих выплат, но обманным путем выдающие себя за нуждающихся в них; б) сотрудники государственных и коммерче-

ских структур, а также должностные лица, в служебные обязанности которых входит оформление соответствующих документов (к примеру, справок об инвалидности и т. п.). *Так, гр. З., действуя совместно с гр. Н., совершил мошенничество при получении социальных выплат путем предоставления заведомо ложных сведений в Управление Пенсионного Фонда РФ по Кемеровской области. Гр. Н., являясь специалистом по документоведению (изучение, классификация, анализ и управление документами), осуществлял проведение экспертизы граждан на предмет признания их инвалидами и выдачу подтверждающих документов. Он же, обладая доступом к строгой отчетности официальных бланков, изготовил заведомо фиктивную справку об инвалидности для себя и гр. З., вследствие чего им были назначены соответствующие денежные выплаты, чем бюджету РФ был причинен материальный ущерб в размере 62 734,87 руб.*²

Таким образом, существенная доля случаев мошенничества при получении выплат, на наш взгляд, совершается группой лиц по предварительному сговору — около 36 % случаев. Данную ситуацию можно объяснить рядом причин как экономического, так и социального характера: во-первых, объединение усилий нескольких человек позволяет разработать более сложные и тщательно продуманные схемы обмана, эффективно распределяя роли между собой, что значительно повышает шансы на успешное решение сформулированных задач и достижение желаемого результата; во-вторых, преступное поведение в группе может быть связано с чувством большей уверенности в правильности принятого решения, что помогает сформировать в группе ощущение безопасности и способствует большей склонности к риску.

На основании изложенного нам представляется возможным сформулировать комплексный социально-психологический портрет типичного лица, совершающего мошенничество при получении социальных выплат. Таким человеком чаще всего является лицо мужского пола от 26 до 55 лет со средним профессиональным образованием; он трудоспособен и женат; ранее не привлекался к уголовной ответственности по другим составам преступления; при этом данный вид преступления совершал в составе группы лиц по предвари-

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsr.ru/documents/statistics/?year=2024> (дата обращения: 22.11.2024).

² Приговор № 1-478/2017 от 11 июля 2017 г. по делу № 1-478/2017 // Архив Заводского районного суда г. Кемерово.

тельному сговору; имеет средний уровень дохода и обладает достаточно высоким уровнем социальной адаптации.

Важно также обратить внимание и на то обстоятельство, что в зависимости от вида социальной выплаты субъектом преступления может быть другое лицо. Проведенное нами исследование показало, что мошенничество, сопряженное с получением социальных выплат в виде материнско-

го капитала или пособия по беременности и родам, чаще всего совершаются лицами женского пола от 26 до 45 лет; замужними женщинами, имеющими одного или двух детей; со средним профессиональным образованием; трудоспособными; ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности; с низким уровнем дохода и достаточно высокой степенью манипулятивности.

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: ок. 25 000 слов и словосочетаний. 2-е изд., доп. Москва: Рус. яз., 2000. 856 с.

2. Ломброзо Ч. Преступный человек: [пер. с ит.]. Москва: Эксмо: МИДГАРД, 2005. 876 с.

3. Тард Габриэль де. Преступник и преступление / пер. Е. В. Выставкиной, под ред. М. Н. Гернета и с предисл. Н. Н. Полянского. Москва: Т-во И. Д. Сытина, 1906. 324 с. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/tard/tard.htm> (дата обращения: 20.11.2024).

4. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. 2-е изд. Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2001. 260 с.

5. Щербakov А. И. Структурный феномен личности преступника в современной криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 20 с.

6. Хамбулатов Р. И. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Новое слово в науке: стратегии развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 2 июля 2017 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 166—167.

7. Криминалистическое изучение личности: науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов [и др.]; отв. ред. Я. В. Комиссарова. Москва: Проспект, 2016. 224 с.

8. Коджаспирова Г. М. Педагогика: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 711 с.

9. Семенова Л. В. Уровень оплаты труда в регионах России: существующие различия и тенденции в оплате труда в различных регионах России // Научный аспект. 2024. Т. 11, № 2. С. 1367—1376.

10. Шиян В. И. Нравственно-психологическая характеристика личности корыстных преступниц // Российский следователь. 2012. № 17. С. 36—39.

1. Krysin L. P. Explanatory dictionary of foreign words: approx. 25,000 words and phrases. 2nd ed., add. Moscow: Russkiy yazyk, 2000: 856. (In Russ.).

2. Lombroso Ch. Crime person: [transl. from Italian]. Moscow: Exmo; MIDGARD; 2005: 876. (In Russ.).

3. Tard Gabriel de. Criminal and crime [transl. by Ye. V. Vystavkina; red. M. N. Gernet; N. N. Polyansky's preface]. Moscow: Partnership of I. D. Sytin; 1906: 324. Available from: <http://yurpsy.com/files/biblio/tard/tard.htm>. Accessed: 11 November 2024.

4. Ananiyev B. G. On the problems of modern study of human nature. 2nd ed. Saint Petersburg [et al.]: Peter; 2001: 260. (In Russ.).

5. Shcherbakov A. I. Structural phenomenon of the identity of the criminal in modern criminology. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2001: 20. (In Russ.).

6. Khambulatov R. I. Identity of the criminal as an element of criminalistic characteristics. In: New word in science: strategies of development. Collection of materials of the international scientific and practical conference, 2 July 2017, Cheboksary, Russia. Cheboksary: Interactive Plus; 2017: 166—167. (In Russ.).

7. Bedrizov A. G. (et al.). Criminalistic study of the identity: scientific-practical tutorial for masters. Resp. red. is Ya. V. Komissarova. Moscow: Prospekt; 2016: 224. (In Russ.).

8. Kodzhaspirova G. M. Pedagogy. Textbook for universities. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2024: 711. (In Russ.).

9. Semenova L. V. Level of remuneration in the regions of Russia: existing differences and trends in remuneration in various regions of Russia. Nauchnyi aspekt, 1367—1376, 2024. (In Russ.).

10. Shiyan V. I. Moral and psychological characteristics of the personality of criminals having a personal gain. Russian investigator, 36—39, 2012. (In Russ.).

Белецкая Юлия Владимировна,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России;
beletzkaya.yu@yandex.ru

Beletskaya Yulia Vladimirovna,
associate adjunct
at the department of criminalistics
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia;
beletzkaya.yu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 28.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.98

**О ТАКТИЧЕСКИ ГРАМОТНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПСИХОЛОГИИ И КРИМИНАЛИСТИКИ
В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(КРИМИНОГЕННАЯ СКЛОННОСТЬ
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА)**

Евгений Иванович Замылин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

Аннотация. Ключевым фактором в деятельности следователя в ходе производства по уголовному делу является исследование личности преступника, познание совокупности психологических свойств, выступающих отправной точкой совершения им уголовно наказуемого деяния, выявление индивидуальных психологических особенностей, в силу которых в сложившихся условиях он для достижения поставленной цели действовал преступным образом. Решение индивида о совершении противоправных действий обусловлено побудительными мотивами, где субъективное восприятие, оценка внешней среды формирует приемлемый для него способ достижения преступного результата. Характерные черты, присущие общим типам криминогенной личности, следует учитывать при выявлении закономерностей преступного поведения. Совокупность сведений о характеристике психической деятельности индивида как на этапе подготовки, так и в ходе совершения преступления, при наличии у следователя соответствующих познаний в области криминалистики и психологии (в их взаимосвязи), способствует выработке наиболее эффективных методов раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: следователь, расследование, личность преступника, психология личности, преступный результат, типы криминогенной личности

Для цитирования: Замылин Е. И. О тактически грамотном использовании возможностей психологии и криминалистики в их взаимосвязи в расследовании преступлений (криминогенная склонность личности преступника) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 122—128.

**ON THE TACTICALLY COMPETENT USAGE
OF THE POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGY AND CRIMINALISTICS
IN THEIR INTERRELATION IN CRIME INVESTIGATION
(CRIMINOGENIC TENDENCY OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY)**

Yevgeny Ivanovich Zamylin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
efrommm@mail.ru

Abstract. The key factor in the investigator's activity in the criminal proceedings process is the investigation of the criminal's personality, the learning of a complex of psychological features that serve as a starting point for committing a criminal offence, the identification of individual psychological characteristics, due to which under the current circumstances, he acted in a criminal manner in order to achieve his goal. The decision of an individual to commit illegal actions is caused by stimulating motives, where the subjective perception, evaluation of the external environment forms an acceptable method for him to achieve a criminal result. The characteristic features of common types of criminogenic personality should be taken into consideration when identifying patterns of criminal behavior. The complex of information related to characteristics of the individual's mental activity both at the stage of preparation and during the commission of a crime, if the investigator has appropriate knowledge in the sphere of criminalistics and psychology (in their interrelation), contributes to the development of the most effective methods of detection and solution of crime.

Keywords: investigator, investigation, the criminal's personality, the psychology of personality, criminal result, types of criminogenic personality

For citation: Zamylin Ye. I. On the tactically competent usage of the possibilities of psychology and criminalistics in their interrelation in crime investigation (criminogenic tendency of the criminal's personality). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 122—128, 2025. (In Russ.).

...Понятие личности венчает
всю систему психологии.

А. Н. Леонтьев

Комплексный подход к организации раскрытия и расследования преступлений обеспечивается за счет активной интеграции в данный процесс приемов, средств и методов, разработанных и применяемых в различных отраслях научного знания и практической деятельности. На стыке юриспруденции с психологией, психиатрией, судебной медициной, социологией и другими науками и междисциплинарными областями знаний возникают и развиваются новые отрасли, имеющие двойственную природу, но закономерное предназначение — качественное проведение расследования и оптимизация правоприменительной деятельности в целом. Особое место в этом отведено криминалистике и юридической психологии, взаимосвязь которых в практике борьбы с противоправными проявлениями налицо.

Отметим, что психология, как наука, изучающая в самом широком смысле закономерности человеческого поведения, способна «расщепить на атомы», структурные элементы весь процесс и механизм совершения преступления конкретным индивидом. Начиная от побуждений личности виновного, толкнувших его на противоправное деяние, и проявлений личностных качеств на момент подготовки и реализации преступного умысла и завершая посткриминальным характером поведения в отношении правоприменительной системы в целом и жертвы преступного посягательства в частности. Во многом это предопределено составляющими духовного мира индивида; именно здесь кроются первопричины его противоправной деятельности, характер и тяжесть совершенного деяния, потенциальная готовность к его совершению при определенных внешних условиях.

Любому индивиду свойственно быть носителем только ему присущих качеств, привычек, свойств характера, которые неоднозначно проявляются в окружающей его среде. Выдающийся психиатр, психолог, основатель отечественной школы психоневрологов академик В. М. Бехтерев в своем классическом труде отмечал, что так называемая личная сфера выступает «как бы интимным ядром невропсихики всякого организма, объединяющим значительную часть следов от внешних раздра-

жений и являющимся главным руководителем внешних реакций организма... Личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для организма прошлого опыта, как бы образует собой главный центр нервно-психической деятельности, лежащей в основе активно-самостоятельного отношения живого организма к окружающему миру» [1, с. 393].

Не лишним будет здесь обратить внимание и на его размышления о личности как самобытной психической особи в социуме, а именно: «Личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными способностями — индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям. ...Личность с объективной точки зрения есть не что иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру» [2, с. 6, 7].

Исследование личности преступника, познание всей совокупности психологических свойств, которые являются отправной точкой субъективной «необходимости» и возможности совершения им уголовно наказуемого деяния, — ключевой фактор в деятельности правоприменителя.

Если взять за основу деятельность следователя (дознавателя), то в ходе производства по делу краеугольным камнем служит выявление индивидуальных психологических особенностей фигуранта, вовлеченного в процесс расследования в качестве подозреваемого или обвиняемого, в силу которых в сложившихся условиях он для достижения поставленной цели действовал преступным образом. Нельзя при этом заинтересованным лицам оставлять за пределами познания и такой фактор, как инициатива совершения уголовно наказуемого деяния: исходила ли она от лица, привлекаемого к уголовной ответственности, или это стечение каких-либо неблагоприятных обстоятельств, среди которых, кроме прочего, выделим и вовлечение его в преступную деятельность, порой посредством уговоров, «соблазнов» преступной романтики, а иногда — физического и психического насилия. Поэтому в порядке вещей следует признать обязательным тот факт, что должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно ставить перед собой соответствующую задачу по оценочному суждению и при-

нимать оптимальные меры по ее решению: что же в психологии личности выступило причиной совершения деяния, в силу каких индивидуальных психологических особенностей личности в сложившихся условиях человек действовал именно преступным образом, а не как-либо иначе?

Изучение личностных предпосылок преступного поведения необходимо для реконструирования психологической стороны генезиса совершенного деяния, выявления его мотивов и целей, психического состояния субъекта как на этапе подготовки (если этот элемент имел место), так и в ходе совершения самого преступления. Сведения об интересующих нас элементах при наличии соответствующих познаний в области психологии и криминалистики, тактически грамотном использовании в их взаимосвязи способствуют выработке наиболее эффективных методов раскрытия и расследования преступлений, особенно той категории, что совершены в условиях неочевидности.

Для того чтобы судить о криминогенных особенностях личности фигуранта по делу, необходимо обратиться к психологическим истокам его преступного замысла. Противоправное поведение фигуранта по делу обусловлено состоянием психологической готовности к поведенческому акту в форме общественно опасных действий либо бездействия. Базовыми в достижении поставленной цели следует признать и его жизненный опыт, и профессиональные (преступные) навыки, и те или иные способности, наклонности, и пр.

Потенциальная готовность субъекта к преступному деянию (так называемая криминогенная склонность личности преступника) обусловлена побудительными мотивами, степенью внутренней необходимости преступного поведения. Своеобразной точкой опоры в данном случае является субъективное восприятие и оценка внешней по отношению к нему среды; индивид, взвешивая все за и против, прорабатывает приемлемый именно для него способ достижения преступного результата. Надо признать при этом, что хотя внешние обстоятельства (факторы окружающей среды, ситуационные факторы) нельзя игнорировать, все же побудительными мотивами к совершению уголовно наказуемого деяния вполне определенно будут являться именно внутренние факторы (в том числе наследственные, культурные и пр.), которые самым непосредственным образом влияют и сказываются на формировании и становлении индивида как личности; здесь налицо именно волевое решение дееспособного индивида.

Соответственно, в психологии определено, что преступление как волевое действие индивида осуществляется или как простое, или как сложное развернутое. Так, уголовно наказуемое деяние, где эмоции становятся побудительной составляющей его поступков и действий, без их предварительного обдумывания (спонтанно), совершается в форме простого волевого действия; его структура такова: ситуативные обстоятельства — антисоциальные установки — стереотипное действие — преступный (ожидаемый) результат. В свою очередь структура преступления, совершаемого в виде сложного волевого действия, по мнению профессора М. И. Еникеева, многоступенчата, разветвлена и представлена:

- 1) мотивацией и мотивами преступного действия;
- 2) формированием его цели;
- 3) принятием решения о совершении конкретного деяния; направленностью и содержанием преступного умысла;
- 4) способами осуществления преступного деяния;
- 5) достижением результата, его оценкой и отношением субъекта к этому результату.

«Эта внутренняя, психическая структура преступного деяния коррелирует с внешними условиями — с ситуативными обстоятельствами, наличными средствами достижения цели, объективными условиями выполнения преступного действия» [3, с. 158].

Примерно о тех же структурных элементах преступного деяния говорит и Ю. В. Чуфаровский, несколько расширяя их перечень и включая сюда, кроме вышеизложенного, форму вины, предмет действия, средства и условия его реализации [4, с. 299].

Комбинация перечисленных элементов относительно сложного уголовно наказуемого деяния и образует так называемый механизм совершения преступления; он обусловлен своеобразным «переплетением» негативных поведенческих установок преступника с условиями внешней среды, образуя своеобразный симбиоз: мотив — цель — решение — исполнение — результат. Данная структура лежит в основе типовых версий о механизме совершения преступления в условиях практически полного отсутствия сведений о картине произошедшего события, обстоятельствах его совершения, лице, группе лиц, принимавших в нем участие, и пр., а значит, при построении в подобной ситуации мысленных моделей, замещающих в познавательном процессе реальный объект.

Осознание всего комплекса информации о механизме совершенного деяния, куда входят побуждение или потребность, мотив и цель его совершения, принятие решения и выбор способа, которым наиболее эффективно, по мнению индивида, будет достигнут желаемый им преступный результат, дает основание выдвигать близкие к реальности предположения о психологических и физиологических особенностях личности преступника. Как следствие, систематизация индивидуальных особенностей формирования готовности субъекта к совершению преступного деяния при систематическом осуществлении преступной деятельности дала возможность психологам сформулировать и обосновать практическую значимость целого ряда общих типов криминогенной личности, предложить (раскрыть) их психологические особенности [5—8; и др.].

Речь идет о типологии, которая служит инструментом установления закономерностей преступного поведения: его причин, самого процесса противоправных проявлений и отношения к последствиям совершенного деяния. Надо признать, что в литературных источниках, которые мы взяли за основу, представлено довольно пространное толкование криминогенной личности и ее типов, в связи с чем мы позволили себе фрагментарно интерпретировать их применительно к теме исследования. Вместе с тем предлагаемые нами характерные черты, присущие тому или иному типу криминогенной личности, отчасти перекликаются с разработками в данной области, проведенными до нас, но это наше авторское видение относительно поднятой проблемы, а именно:

- наличие определенной криминальной потребности индивида потенциально предопределено его готовностью к совершению преступного деяния. Доминирует здесь криминальное влечение, которое подавляет все иные его стремления; порой это происходит на грани здравого смысла;

- субъективно непротиворечивое принятие преступного способа удовлетворения отдельных потребностей, когда правомерный способ достижения той или иной цели не является для индивида приоритетным;

- исключительно благоприятное стечение внешних обстоятельств как условие реализации преступного умысла. Для данной категории лиц в достижении своих целей все же более приемлем правомерный способ;

- внутренне противоречивый характер принятия решения о совершении уголовно наказуемого

деяния. Создавшейся ситуации присуща субъективная оценка индивидом действительности, когда вынуждающие его обстоятельства превалируют над удовлетворением потребностей в рамках правового поля;

- склонность к импульсивному совершению противоправных действий на фоне аффекта, стресса; здесь, как правило, налицо элемент спонтанности. Для данного деяния характерен комплекс действий как ответная реакция на немотивированные действия потерпевшей стороны (возможны даже провокационные действия), развившиеся, например, в оскорблении, унижении «нашего» фигуранта. «Ответная реакция» в своей основе предполагает отсутствие этапа подготовки к совершению уголовно наказуемого деяния;

- отсутствие антикриминальной устойчивости личности, неспособность противостоять криминогенному влиянию иных лиц, если можно так выразиться; данной категории фигурантов порой присущ «стадный» образ поведения: «не только я, но и другие», «я, как все».

Профессор С. В. Познышев, исследовавший данную проблему, пришел к выводу, что преступный тип очень сложен, в него входит много признаков, среди которых он предлагает различать основные и дополнительные. Основные — это взгляды, расчеты и склонности личности, т. е. черты, благодаря которым представление известного преступления заняло у нее господствующее место в сознании и возникла склонность к его совершению для достижения определенных результатов. Дополнительные признаки, по его мнению, характеризуют общее физическое, умственное и нравственное состояние личности. Они образуют общий фон, на котором вырисовывается известное сочетание основных признаков [9].

Действительно, если за основу взять дополнительные признаки (по С. В. Познышеву), то здесь в обязательном порядке необходимо акцентировать внимание и на следующем:

- во-первых, на проблеме умственного развития преступника, его интеллекта;

- во-вторых, на совокупности его индивидуальных устойчивых психических свойств (характере), степени проявления тех или иных предрасположенностей;

- в-третьих, на отношении и пристрастии индивида к вредным привычкам, зависимости от них (например, от алкоголя, наркотиков и пр.);

- в-четвертых, на наличие депрессивных и невротических симптомов у интересующего нас лица.

Думаем, уместно будет отчасти коснуться и так называемой конкуренции криминальных типов, т. е. криминалистической ситуации, когда одно лицо вполне реально при совершении конкретного преступления может быть носителем, совмещать в себе несколько порой совершенно противоположных типов криминальной направленности. Так, выявляя, возможно даже моделируя поведенческую установку преступника в зависимости от превалирования (сочетания) тех или иных условий и обстоятельств, нельзя не учитывать тот факт, что лицо, встав на преступный путь, иногда выходит за границы, которые им «наработаны» на протяжении ряда лет. Например, квартирный вор, застигнутый на месте совершения преступления, одномоментно может «превратиться» и в грабителя, и в разбойника, а может совершить и убийство, преследуя цель избежать уголовной ответственности, при том что умысел его первоначально был направлен лишь на тайное хищение чужого имущества. Нельзя отрицать и то, что это не является закономерным фактом, но имеет место на практике, и не принимать во внимание изложенное было бы опровержимо.

Обобщение теоретического материала и следственной практики подвело нас к выводу, что в своей основе «конкуренция» криминальных типов более свойственна несовершеннолетним, их несформировавшейся, неустойчивой психике; на современном этапе развития общества данное проявление обусловлено их правовым невежеством и правовым нигилизмом, нравственной и духовной деградацией. Так, при сборе эмпирического материала нас заинтересовало уголовное дело, где группа подростков, занимающихся мелкими кражами и уличным хулиганством, выполняя «заказ» по запугиванию лица, содействующего расследованию преступления, посчитали словесные угрозы недостаточными и учинили физическую расправу. *А именно: отец одного из несовершеннолетних, совершивших в группе ряд разбойных нападений и изнасилований, обратился к знакомым ему подросткам (предварительно обговорив их материальное вознаграждение) с просьбой посредством угроз добиться отказа потерпевшей Т. от изобличающих его сына показаний. Как следствие, выполняя «заказ», подростки не ограничились запугиванием и нанесли Т. несколько ножевых порезов, которые привели к неизлечимому обезображиванию ее лица. Совершенно это было, с их слов, «для закрепления успеха»¹.*

¹ Уголовное дело № 1—217/14 // Архив Стерлитамакского районного суда Республики Башкортостан.

Разграничения криминогенной личности на типы, а также описание их психологических особенностей позволяет нам конструировать на их основе средне-статистический портрет вероятного преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние определенной категории и направленности. Здесь же повторяемость способов преступного поведения и рецидив конкретного деяния, так называемая постановка, выработка почерка или отработанная система, рассматривается как свойство личности совершать аналогичные действия, направленные на достижение цели при удачном предыдущем опыте. Применительно к изложенному психологами используется термин «фиксация успеха»: этот психологический механизм запускается как следствие эмоционального отклика на достижение положительного результата в предыдущем опыте противоправной деятельности.

Как отмечалось ранее, современный уровень развития науки предполагает появление междисциплинарных подходов к решению правоприменительных проблем. В связи с этим, полагаем, уместным будет уделить внимание и профайлингу. Если изначально он, как правило, применялся лишь в криминалистике для составления психологического портрета преступника, то в настоящее время его использование значительно расширилось и нашло свое достойное место в ряде иных сфер, довольно далеких от правоприменительной деятельности, например в бизнесе, в работе кадровых аппаратов, в сфере информационной безопасности и пр. По мнению ряда ученых (надо признать его достойным внимания), криминальный профайлинг направлен на выявление личностных особенностей преступников и их жертв, отношений между ними, их мотивации и действий во время совершения преступления. Методика криминального профайлинга предполагает работу с материалами уголовного дела и интерпретацию доказательств; и результатом этой работы является криминальный профиль — юридически значимый документ, в котором описаны личность и поведение преступника в ключе совершенного уголовно наказуемого деяния [10].

Именно профайлинг, как следствие прогнозирования поведения человека в различных жизненных ситуациях, позволяет выстраивать своеобразный, только ему присущий профиль личности индивида, совершившего уголовно наказуемое деяние, а именно: выделение основных черт его характера, психологии, стиля мышления, мировоззренческих, жизненных установок и других характеристик. В целом из среднестатистического портрета фигуранта

по делу, понимания его личности и обработки информации о совершенном преступлении выводится предполагаемый психологический профиль (портрет) преступника, который определяет субъективную сторону деяния и механизм преступного поведения, а также является одной из основ прогностической деятельности следователя и способствует определению направлений тактики раскрытия и расследования преступления.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Практика борьбы с преступностью убедительно доказала, что данное социально-правовое явление не подвержено регрессу: напротив, на протяжении последних десятилетий появились новые составы преступлений, способы их совершения и последствия, расширился перечень объектов преступного посяательства, изменилась качественная характеристика жертвы, объекта и субъекта преступления.

В связи с этим мы предприняли попытку в очередной раз обратить внимание и обосновать необходимость активной интеграции в процесс раскрытия и расследования преступлений приемов, средств и методов, разработанных и применяемых в различных отраслях научного знания и практической деятельности. В представленной статье использованы современные знания из области криминалистики и юридической психологии с позиции конструирования и моделирования преступного деяния, где за основу были взяты общие типы криминогенной личности, в том числе разработанные и предложенные отечественными психологами и учеными стран ближнего зарубежья. Отдельные исследования (касательно личности, личной сферы, преступного типа и пр.) проводились более 120 лет назад, и надо признать, что полученные результаты актуальны и сегодня.

1. Бехтерев В. М. Объективная психология. Москва: Наука, 1991. 475 с.

2. Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья: речь, произнес. 4 сент. 1905 г. на Втором съезде отеч. психиатров в г. Киеве // [Соч.] акад. В. Бехтерева. 2-е изд. Санкт-Петербург: К. Л. Риккер, 1905. 43 с.

3. Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2010. 336 с.

4. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 472 с.

5. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Юридическая психология: учебник. Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. 596 с.

6. Пастушеня А. Н., Урбанович А. А. Юридическая психология: учеб. пособие. Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2020. 274 с.

7. Спектор Л. А., Фейдина Е. О. Личность преступника: характерные особенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11-2. С. 337—342.

8. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. Москва: РГ-Пресс, 2022. 400 с.

9. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Глава 3: Основные и дополнительные признаки преступного типа. Ленинград: Госиздат, 1926. 270 с. URL: <https://studfile.net/preview/6749171/page:6/> (дата обращения: 28.10.2024).

1. Bekhterev V. M. Objective psychology. Moscow: Nauka; 1991: 475. (In Russ.).

2. Bekhterev V. M. The personal identity and conditions of its development and health: speech, pron. 4 Sep. 1905 at the Second Congress of Russian psychiatrists in Kiev. In: [Works] by acad. V. Bekhterev. 2nd ed. Saint Petersburg: K. L. Ricker; 1905: 43. (In Russ.).

3. Yenikeev M. I. Legal psychology. Textbook. 10th ed., rev. and add. Moscow: Prospect; 2010: 336. (In Russ.).

4. Chufarovsky Yu. V. Legal psychology. Textbook. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Prospect; 2023: 472. (In Russ.).

5. Bandurka A. M., Bocharova S. P., Zemlyanskaya Ye. V. Legal psychology. Textbook. Kharkov: Publishing house of the National university of internal affairs; 2002: 596. (In Russ.).

6. Pastushenya A. N., Urbanovich A. A. Legal psychology. Educational textbook. Minsk: Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus; 2020: 274. (In Russ.).

7. Spector L. A., Feydina Ye. O. The personality of the criminal: characteristic peculiarities. Journal of the Altai academy of economics and law, 337—342, 2021. (In Russ.).

8. Antonyan Yu. M., Yenikeev M. I., Eminov V. Ye. Psychology of crime and punishment. Monograph. Moscow: RG-Press; 2022: 400. (In Russ.).

9. Poznyshev S. V. Criminal psychology. Criminal types. Chapter 3: Basic and additional signs of a criminal type. Leningrad: Gosizdat; 1926: 270. Available from: <https://studfile.net/preview/6749171/page:6/>. Accessed: 28 October 2024. (In Russ.).

10. Ениколопов С. Н., Ли Н. А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 295—299.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

10. Yenikolopov S. N., Lee N. A. Psychological features of criminal profiling. Psychological science and education, 295—299, 2007. (In Russ.).

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 10.11.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.102

**ОЦЕПЛЕНИЕ (БЛОКИРОВАНИЕ) УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ,
ПОМЕЩЕНИЙ, СТРОЕНИЙ И ДРУГИХ ОБЪЕКТОВ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

Евгений Владимирович Буряков*, Егор Юрьевич Дорош**

Омская академия МВД России, Омск, Россия

* bur.e2010@yandex.ru

** deo-2002@mail.ru

Аннотация. В статье на основе изучения научных данных и опыта практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел рассмотрен вопрос оцепления (блокирования) участков местности, помещений, строений и других объектов при проведении оперативно-разыскных мероприятий. В ходе указанных мероприятий сотрудникам оперативных подразделений приходится принимать меры, направленные на преодоление противодействия законным требованиям сотрудника; защиту жизни и здоровья их участников и иных лиц; сохранение следов преступной деятельности и других объектов, которые необходимо изъять; пресечение нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве над местом проведения мероприятия; решение других проблемных вопросов. Интерес авторов к данной проблематике продиктован дефицитом внимания к ней ученых, отсутствием необходимой и целенаправленной нормативной регламентации принуждения при проведении оперативно-разыскных мероприятий, что в конечном итоге влияет на недостаточную обеспеченность реализации прав участников оперативно-разыскного процесса. В статье проанализированы аспекты, связанные с трудностями при реализации указанных прав, предоставленных оперативным подразделениям органов внутренних дел, а также пути их преодоления.

Представляется, что теоретическая разработанность этих вопросов и внесение соответствующих изменений в оперативно-разыскное законодательство будут способствовать решению изложенных проблем.

Ключевые слова: блокирование, государственное принуждение, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оцепление

Для цитирования: Буряков Е. В., Дорош Е. Ю. Оцепление (блокирование) участков местности, помещений, строений и других объектов при проведении оперативно-разыскных мероприятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 129—136.

**LOCKING DOWN (BLOCKING) AREAS,
PREMISES, BUILDINGS AND OTHER OBJECTS
WHILE CONDUCTING DETECTIVE ACTIVITY**

Yevgeny Vladimirovich Buryakov*, Yegor Yurievich Dorosh**

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

* bur.e2010@yandex.ru

** deo-2002@mail.ru

Abstract. Based on the study of the scientific data and practical experience of the detective units of the internal affairs bodies the given article deals with the issue to lock down (block) areas, premises, buildings and other objects while conducting detective activity. During these activities, the officers of the detective units have to take measures aimed at: overcoming disobedience to the police officer's legal orders; protecting the life and health of their participants and other persons; preserving traces of criminal activity and other objects that need to be seized; preventing presence of unmanned aerial vehicles in the air-space above the location; solving other issues.

The authors are interested in the given issue because there is some shortage of attention to it by the scientists, absence of necessary and targeted legal regulation related to coercion, while conducting detective activities

as it influences insufficient ensuring rights of the participants in a detective procedure. The authors of the article analyze the aspects related to the difficulties in implementing these rights given to detective units of the internal affairs bodies as well as ways to solve them.

The authors consider the theoretical development of all these issues and introduction of appropriate amendments to the detective legislation to be sufficient to solve the mentioned problems.

Keywords: blocking, state coercion, detective activity, detective measures, locking down

For citation: Buryakov Ye. V., Dorosh Ye. Yu. Locking down (blocking) areas, premises, buildings and other objects while conducting detective activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 129—136, 2025. (In Russ.).

Согласно Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) человек, его права и свободы являются самой высшей ценностью, и государство обязано признавать, соблюдать и защищать эти права. Решающую роль в решении этих важных задач играет право, реализующееся в том числе при помощи принудительных мер, что позволяет говорить о феномене государственного принуждения, которое является основанием для такого воздействия. Оперативно-разыскная деятельность (далее — ОРД) также требует применения принудительных мер в процессе выполнения возложенных на нее задач. Однако в действующем законодательстве недостаточно регламентированы права оперативно-разыскных органов по применению принудительных мер в ходе оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ). Исследование деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что использование принудительных мер в некоторых случаях является единственным способом эффективного проведения ОРМ и решения задач ОРД. Таким образом, применение принуждения в ходе ОРМ является объективной необходимостью, возникающей в рамках реализации полномочий соответствующими органами. Отсутствие ясно установленных законодательных норм по применению принудительных мер в ОРД может привести к нарушениям прав и свобод человека и гражданина, а также к другим негативным последствиям.

Рассматривая меры принудительного характера в ОРД, необходимо отметить, что сотрудники оперативных подразделений принимают меры, направленные на обеспечение проведения ОРМ, в частности, связанные с возможным преодолением противодействия законным требованиям сотрудника, защиту жизни и здоровья их участников и иных лиц. Проведенный в рамках исследования опрос оперативных сотрудников показал, что периодически они сталкиваются с противодействием со стороны лиц, вовлекаемых в опе-

ративно-разыскной процесс, которое выражается в создании препятствий для доступа в помещение (55,7 %), в попытке покинуть место проведения ОРМ (46,7 %), в попытке уничтожить предметы, документы, подлежащие изъятию (46,1 %) ¹. Помимо этого, считаем необходимым условием проведения большинства ОРМ недопущение на место их осуществления посторонних и иных лиц, которые могут воспрепятствовать работе оперативных сотрудников, и обеспечение присутствия граждан в месте их проведения. Таким образом, важным аспектом является возможность оцепления (блокирования) как места проведения ОРМ, так и иных прилегающих территорий. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») не наделяет оперативных сотрудников обозначенными правами. Вместе с тем указанные меры нашли свое отражение в статусном законе — Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О полиции»), однако их законодательное регулирование не дает права говорить об их достаточной правовой регламентации для использования в качестве меры обеспечения проведения ОРМ. Полагаем, что необходимо проанализировать данные нормы законодательства применительно к возможности их осуществления при проведении ОРМ. По результатам опроса, 24,0 % респондентов указали, что осуществляли блокирование или оцепление участков местности при проведении ОРМ как принудительную меру. В то же время многие сотрудники испытывают трудности, связанные с реализацией указанных задач, так как не могут дать правовой оценки и, соответственно, сомневаются в законности своих действий. Так, 31,2 % сотрудников затруднилось ответить на вопрос о правомерности оцепления

¹ В ходе исследования был проведен опрос 167 сотрудников оперативных подразделений ОВД из 27 регионов России. Общая сумма ответов может превышать 100 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов.

места проведения ОРМ, а 25,2 % указали, что в случае требования гражданином прохода на место ОРМ не будут ему препятствовать. Не менее сложным вопросом для них является необходимость блокирования лиц на месте проведения ОРМ: 16,2 % респондентов ответили, что в ситуации проведения гласного обследования не будут препятствовать тому, что участвующие в ОРМ лица покинут место его проведения, 18,0 % затруднились ответить на поставленный вопрос, а 65,8 % респондентов указали, что заблокируют выход из помещения, а в случае неподчинения применят физическую силу, специальные средства в соответствии с положениями ФЗ «О полиции».

Рассматривая принудительную меру в виде оцепления (блокирования) участков местности, помещений, строений и других объектов при проведении ОРМ, необходимо отметить, что она затрагивает право на свободу передвижения человека и гражданина, являющееся одной из существенных составляющих конституционного статуса личности и закрепленное в ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Это право определяет область индивидуальной свободы человека и гражданина, в которую не допускается неправомерное вмешательство государства, и в то же время оно выполняет гарантирующую функцию в отношении иных прав и свобод [1]. Тем не менее указанное право может быть законодательно ограничено особым порядком пребывания на той или иной территории, участке местности и др., в том числе обеспечено пропускным режимом¹. Согласно

ч. 1 ст. 55 Конституции России права и свободы человека и гражданина, в том числе свобода передвижения, могут быть ограничены исключительно федеральным законом в строго установленных целях, а эти ограничения можно устанавливать только соразмерно конституционно установленным целям². Исходя из этого, ограничение права граждан на свободу передвижения допустимо, вместе с тем возможно исключительно в соответствии с предусмотренными законодательством мерами на конкретный срок, т. е. должно иметь временную определенность, осуществляться своевременно и с учетом интересов как отдельной личности, так и общества и государства в целом [2].

Полагаем, что оцепление (блокирование) вызвано необходимостью обеспечения проведения ОРМ, сохранения следов преступной деятельности и других объектов, которые необходимо изъять или принять меры к их сохранности, а также обеспечения участия лиц в проведении ОРМ, в том числе в целях последующего применения мер оперативно-разыскного и уголовно-процессуального принуждения. Оцепление места проверочной закупки, оперативного эксперимента и других ОРМ, когда предполагается задержание с поличным и лицо может попытаться оказать сопротивление, скрыться, продиктовано необходимостью защиты жизни и здоровья граждан. В связи с тем что законом не урегулирован вопрос принуждения в ОРД, в оперативно-разыскной науке главенствующим мнением является добровольность участия граждан в проведении ОРМ. Вместе с тем изучение деятельности оперативных подразделений показывает насущную потребность в обеспечении участия лиц в ряде ОРМ, например при гласном обследовании. С одной стороны, сотрудники не имеют законных оснований требовать от лиц оставаться на месте проведения ОРМ, однако по устоявшейся практике в ряде случаев происходит силовое блокирование места его проведения, и лица ограничиваются в своих правах. Исследование приме-

¹ Так, Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г. № 5242-1 ограничивает право на передвижение в пограничной зоне, в закрытых военных городках, в закрытых административно-территориальных образованиях, в зонах экологического бедствия, на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности, а также на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение (ст. 8). В соответствии со ст. 53.5 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ органы государственной власти, орга-

ны местного самоуправления ограничивают пребывание граждан в лесах и въезд в них транспортных средств в целях обеспечения пожарной или санитарной безопасности.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

нения охранительных норм обеспечения проведения ОРМ в соответствии со ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), предусматривающих ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудников полиции, показало, что суды по-разному и неоднозначно трактуют нормы ФЗ «О полиции» и «Об ОРД», касающиеся участия лиц в ОРМ и возможности покинуть место его проведения, а административная ответственность главным образом увязана с оказанием силового сопротивления сотрудникам полиции.

Как показал анализ деятельности оперативных подразделений, использование указанной принудительной меры происходит в том числе в случаях проведения ОРМ и вызвано необходимостью соблюдения принципа конспирации при их осуществлении. Например, применение на законных основаниях оцепления (блокирования) места при производстве осмотра места происшествия, в частности дорожно-транспортного происшествия.

Рассмотрим, что же подразумевается под понятиями «оцепление» и «блокирование». Термин «оцепить» имеет лексическое значение «окружить с целью охраны или прекращения доступа куда-нибудь» [3, с. 114], «блокировать» — «подвергнуть блокаде» [3, с. 49], т. е. изоляции для прекращения сношений с внешним миром [3, с. 48]. Таким образом, мы приходим к выводу, что оцепление представляет собой изоляцию участка местности для воспреещения несанкционированного прохода на него граждан и проезда транспортных средств. Блокирование заключается в воспрепятствовании оставлению места проведения мероприятия, а именно выходу граждан, выезду транспортных средств из блокируемого участка. Как правило, оцепление и блокирование проводятся одновременно, поэтому законодатель, регулируя указанные права полиции, определяет единый режим регламентации и реализации. Ряд ученых, не разделяя рассматриваемые понятия ввиду их схожести, под оцеплением (блокированием) понимают мероприятия, осуществляемые полицией для перекрытия по определенному рубежу отдельных участков территории, и действия ее подразделений, нарядов и сотрудников по временному установлению специального порядка пропуска людей, транспортных средств, грузов, товаров и животных в зону оцепления, чтобы ликвидировать последствия чрезвычайных ситуаций и проведения специальных операций [4, с. 12; 5, с. 135].

Блокирование в теории ОРД рассматривается как тактический прием ОРД, заключающийся в изоляции территории, где предположительно могут находиться скрывающиеся преступники, и, по мнению В. А. Селиверстова, представляет собой оперативно-тактическое действие, которое применяется сотрудниками оперативных подразделений, направленное на пресечение преступлений и (или) задержание лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление [5, с. 7]. Таким образом, в ОРД блокирование рассматривается главным образом с позиции организационного аспекта, но не как право и мера принудительного характера, тем более за скобками находится вопрос законных оснований для его осуществления.

Анализ норм ФЗ «О полиции» позволяет сделать вывод, что современное полицейское законодательство наделяет полицейских правом на проведение оцепления (блокирования) в двух хоть и схожих, но самостоятельных режимах. Так, предоставленное законодателем органам внутренних дел право проводить оцепление (блокирование) регламентировано ст. 16 ФЗ «О полиции». Согласно этой статье указанные действия представляют собой меру государственного принуждения и проводятся по решению руководителя территориального органа или лица, его замещающего, в отношении жилых помещений, строений и иных объектов, принадлежащих гражданам и организациям, если это необходимо для предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, которые не могут быть защищены иным способом. Закон при этом оговаривает, что указанная мера применяется в строго определенных случаях, их всего пять, и в трех из них прямо не указано, но подразумевается, что оцепление (блокирование) может быть осуществлено в рамках проводимых ОРМ, а именно: при розыске лиц, совершивших побег из-под стражи, и лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также при проведении контртеррористической операции, проверке сведений об обнаружении взрывчатых веществ или взрывных устройств либо ядовитых или радиоактивных веществ. Указанный перечень является исчерпывающим, и, соответственно, мы говорим исключительно об особых случаях, подразумевающих проведение специальной операции, представляющей собой совокупность согласованных по цели, месту и времени специальных мероприятий и войсковых (тактических) действий, проводимых ОВД в чрезвычайной обстановке в целях

обеспечения (восстановления) общественной безопасности [6]. Как правило, указанные операции связаны с задействованием значительного количества сил и средств, требуют четкой организации, хорошо налаженной связи и взаимодействия [7]. Законом обозначено, что при оцеплении (блокировании) участков местности может быть ограничено или запрещено движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан и общественного порядка, проведения следственных действий, ОРМ, охраны места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия, а также для защиты объектов собственности, которым угрожает опасность (ч. 4 ст. 16).

Несмотря на то что ФЗ «О полиции» не определил, в каком виде принимается решение руководителя территориального органа о проведении оцепления (блокирования), по мнению ученых, оно может быть оформлено письменно, в виде постановления, в том числе после его проведения [8, с. 220]. Вместе с тем изучение деятельности оперативных подразделений показало, что указанные решения принимаются и в виде устного приказа.

Следующая обозначенная нами норма ФЗ «О полиции» напрямую не говорит об оцеплении, но фактически подразумевает эти действия, наделив полицию, а следовательно, и оперативные подразделения ОВД правом требовать от граждан покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, ОРМ, документирования обстоятельств совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельств происшествия (п. 7 ст. 13). В указанной норме обозначены и цели оцепления: для сохранения следов преступления, административного правонарушения, происшествия, а также для обеспечения безопасности граждан. Полагаем, что перечисленные требования осуществляются вне рамок нормы ст. 16 ФЗ «О полиции», применяются ко всем случаям, где необходимо обеспечить неприкосновенность места совершения преступления, и реализуются сотрудниками, непосредственно участвующими в мероприятиях, путем устных обращений к гражданам, а также через оцепление, огораживание специальными сигнальными средствами и др.

Законом обозначены места возможного оцепления, к которым отнесены места совершения преступления и административного правонаруше-

ния, а также места происшествия. Таким образом, конструкция указанной нормы не предполагает возможности оцепления места проведения ОРМ. Да и в целом законодатель значительно сузил число мест, которые могут быть оцеплены. Так, изучение деятельности правоохранительных органов показывает, что необходимость оцепления может возникнуть при проведении таких следственных действий, как обыск, проверка показаний на месте, следственный эксперимент и др. В то же время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) также не указывает на возможность оцепления места производства следственного действия, лишь оговаривая, что при производстве обыска следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте его производства, покидать его (п. 8 ст. 182 УПК РФ).

Изученное нами применение ст. 19.3 КоАП РФ показывает, что суды, принимая решения об административной ответственности, иногда отождествляют место проведения ОРМ с местом происшествия. Считаем такой подход не совсем верным. В работах по криминалистике даются определения места происшествия как помещения или участка местности, в пределах которого обнаружены следы совершенного преступления (похищенное имущество, труп или части трупа, спрятанное преступником оружие) [9], а также иные данные, имеющие значение для дела. Помимо этого, к указанным местам относятся районы аварий, катастроф, дорожно-транспортных происшествий [4]. Место проведения ОРМ не всегда означает, что там совершено преступление или какое-либо происшествие. Да и логика законодателя все же была направлена именно на обеспечение сохранности места проведения действий в рамках уголовно-процессуальной и административной деятельности, а обозначенная в норме возможность проведения ОРМ вызвана необходимостью раскрытия преступлений, в том числе по горячим следам, и связана главным образом с работой оперативных сотрудников в составе следственно-оперативных групп.

В 2019 г. были внесены изменения в ст. 13 ФЗ «О полиции»¹, которая была дополнена пунктом 40, наделившим полицию правом пресекать находже-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

ние беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории проведения неотложных следственных действий и ОРМ¹. В этой норме уже конкретно говорится о возможности пресечь нахождение упомянутых аппаратов над местом проведения ОРМ без привязок к местам происшествия и преступления. Во исполнение указанной нормы МВД России утвердило Порядок принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и ОРМ, а также перечень должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных на принятие решения². В рамках исследования нам не удалось получить сведений о реализации полицией и оперативными подразделениями этого права в рамках проводимых ОРМ, однако обозначенная в законе и инструкции цель пресечения заключается в обеспечении безопасности граждан в результате возможных падений аппаратов. Вместе с тем полагаем, что цель рассматриваемого выше действия несколько шире, и оно проводится для обеспечения беспрепятственной работы оперативных сотрудников, недопущения получения информации о планах по проведению ОРМ, расстановке сил и средств и др., тем самым ограничивая право на доступ к информации³. Таким образом, изучаемое воздействие на летательные объекты может быть расценено как один из элементов блокирования участков мест-

ности при проведении ОРМ, а его принудительный аспект не вызывает сомнения, так как затрагивается право собственности, а также, вероятно, неприкосновенность личности по причине применения физической силы и специальных средств в целях завладения пультом управления.

Мы приходим к выводу, что оцепление (блокирование) места проведения ОРМ является необходимой мерой обеспечения его проведения, вместе с тем нормы ФЗ «О полиции» не предусматривают данной возможности, за исключением оговоренных законом случаев проведения специальных операций по указанию руководителя территориального ОВД. Исходя из изложенного, дадим определение оцеплению (блокированию), которое, на наш взгляд, представляет собой принудительную меру обеспечения проведения оперативно-разыскных мероприятий, состоящую в изоляции места проведения ОРМ для воспрепятствования несанкционированного прохода на него граждан и проезда транспортных средств, а также в воспрепятствовании оставлению места проведения мероприятия, вызванную необходимостью сохранения следов преступной деятельности, иных объектов, подлежащих изъятию, обеспечения участия лиц в проведении ОРМ для последующего применения к ним мер оперативно-разыскного и (или) уголовно-процессуального принуждения, а также защиты жизни и здоровья граждан.

Полагаем, что нормы ФЗ «Об ОРД» должны быть дополнены возможностью устного требования к гражданам покинуть место проведения ОРМ, а также требования оставаться на месте проведения ОРМ, т. е. запрета покидать место его проведения по решению лиц, уполномоченных на осуществление ОРД, до окончания мероприятия, если необходимо их участие в проведении мероприятия. Указанная норма должна быть реализована вне оперативного задержания. Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования оцепления (блокирования) участков местности, помещений, строений и других объектов при проведении ОРМ, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД», дополнив ее пунктом следующего содержания: «В целях проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществлять оцепление (блокирование) участков местности, помещений, строений и других объектов, временно ограничивать или запрещать передвижение физических лиц и транспортных средств по отдельным участкам местности (на отдельных объектах), требовать от лиц покинуть место проведения оперативно-розыскных мероприятий или обязывать оставаться там.».

¹ Указанные действия осуществляются посредством подавления или преобразования сигналов дистанционного управления, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения данных судов.

² Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий и Перечня должностных лиц, уполномоченных на принятие такого решения: приказ МВД России от 30 апреля 2020 г. № 252 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

1. Миролюбова С. Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. Москва: Статут, 2013. 154 с.

2. Опалева С. А. О критериях и принципах допустимого ограничения прав граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1. С. 46—49.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеол. выражений. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю. А. Аврутин, С. П. Булавин, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. Москва: Проспект, 2015. 551 с.

5. Селиверстов С. А. Оперативно-боевая деятельность органов внутренних дел Российской Федерации: монография. Ч. 1. Москва: ВНИИ МВД России, 2013. 196 с.

6. Воронков Л. Ю., Муфаздалов С. И., Смушкин А. Б. Тактико-специальная подготовка: учеб. пособие. 2-е изд., стер. Москва: Юстиция, 2016. 254 с.

7. Плохих Г. И. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. 350 с.

8. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. Москва: Проспект, 2019. 336 с.

9. Криминалистика. Полный курс: учебник / [В. В. Агафонов и др.]; под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2011. 835 с..

Буряков Евгений Владимирович,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
bur.e2010@yandex.ru

Дорош Егор Юрьевич,
доцент кафедры криминологии
и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
deo-2002@mail.ru

1. Mirolyubova S. Yu. The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect. Moscow: Statut; 2013: 154. (In Russ.).

2. Opaleva S. A. On criteria and principles of permissible restriction of citizens' rights. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 46—49, 2005. (In Russ.).

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraselological expressions. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Az; 1994: 907. (In Russ.).

4. Avrutin Yu. A., Bulavin S. P., Solovey Yu. P., Chernikov V. V. Commentary on the Federal Law "On Police" (article-by-article). Moscow: Prospekt; 2015: 551. (In Russ.).

5. Selivyerstov S. A. Detective and combat activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Monograph. Part 1. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 196. (In Russ.).

6. Voronkov L. Yu., Mufazdalov S. I., Smushkin A. B. Tactical and special training. Textbook. 2nd ed., repr. Moscow: Yustitsiya; 2016: 254. (In Russ.).

7. Plokhikh G. I. Special training the officers of the internal affairs bodies. Textbook. Kursk: Southwest State University; 2014: 350. (In Russ.).

8. Gusev V. A., Lugovik V. F. Theory of detective procedures. Monograph. Moscow: Prospekt; 2019: 336. (In Russ.).

9. Agafonov V. V. (et al.) Criminalistics. Full course. Textbook. Red. by A. G. Filippov. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2011: 835. (In Russ.).

Buryakov Yevgeny Vladimirovich,
professor at the department of detective activity
of the Internal affairs bodies
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
bur.e2010@yandex.ru;

Dorosh Yegor Yurievich,
associate professor at the department
of criminology and crime prevention
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
deo-2002@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.102

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ТАЙНА»
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Андрей Иванович Тамбовцев**Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
bestcopat@mail.ru

Аннотация. Осуществление оперативно-разыскной деятельности ее многочисленными субъектами и лицами, оказывающими им конфиденциальное содействие, объективно связано с появлением, оборотом и вариативным использованием сведений об оперативно-разыскных силах, средствах и методах, содержащих служебную и государственную тайну. Вместе с тем в целом ряде федеральных законов и ведомственных нормативных правовых актов есть положения, регламентирующие ее оборот в деятельности правоохранных ведомств вообще и субъектов оперативно-разыскной деятельности в частности. Закон Российской Федерации «О государственной тайне» в ст. 1 декларирует официальное легитимное определение понятия «государственная тайна». Однако содержание, которое вкладывается законодателем и ведомственными нормотворцами в понятие «тайна» (и ее разновидности) в иных нормативных правовых актах, и его (понятия) юридическая интерпретация правоведами и правоприменителями не являются едиными и однозначными. К тому же длительные исследования социально-правового феномена тайны учеными, представляющими различные отрасли права, тоже не привели к устранению коллизий в понимании сущности и содержания рассматриваемого понятия и его дефиниции. Автором предпринята попытка проанализировать современные воззрения ученых и практиков на понятие «тайна» в рамках исследования феномена негласности в оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, тайна, государственная тайна, частная теория негласности, негласность в оперативно-разыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы определения и толкования понятия «тайна» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 137—146.

**ISSUES TO DETERMINE AND INTERPRET
THE CONCEPT OF "SECRET" IN DETECTIVE ACTIVITIES****Andrey Ivanovich Tambovtsev**Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia, bestcopat@mail.ru

Abstract. Implementation of detective activities by its numerous subjects and persons providing confidential assistance to them is objectively associated with the appearance, turnover and variables of information related to detective forces, means and methods containing official and state secrets. At the same time, in a number of federal laws and departmental regulatory legal acts, there are provisions to govern its turnover in the activities of law enforcement departments in general and subjects of detective activities in particular. Law of the Russian Federation "On State Secret" declares an official legitimate definition of the concept of "state secret" in Art. 1. However, the content of the concept of "secret" (and its varieties) determined by the legislator and departmental creators of regulatory acts in other regulatory legal acts, as well as legal interpretation of the concept made by lawyers and law enforcement agents are not unified and unambiguous (definite). In addition, scientists representing various branches of law have studied the socio-legal phenomenon of "secret" for a long-term period and their results have not lead to the elimination of conflicts in understanding the essence and content of the concept under consideration and its definition. The author attempts to analyze the modern views related to the concept of "secret". These views of scientists and practitioners are considered as a part of the study of the phenomenon of non-publicity in detective activities.

Keywords: detective activities, secret, state secret, private theory of non-publicity, non-publicity in detective activities, ensuring non-publicity, institution of non-publicity, conspiracy (secrecy)

For citation: Tambovtsev A. I. Issues to determine and interpret the concept of "secret" in detective activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—146, 2025. (In Russ.).

Эффективность любой не спонтанной, а осознанной и целенаправленной деятельности лиц и неких малых и больших социальных организаций, структур и институтов зависит от широкого ряда весьма разнообразных, неоднородных причин. Со временем человек и общество приходят к пониманию необходимости выявления, осмысления и формулирования принципов, закономерностей, условий эффективности и проблематики того или иного вида деятельности и к осознанию зависимости конечной эффективности деятельности от научной разработанности как общих базисных теоретических положений указанной деятельности, так и ее отдельных, более узких эмпирико-направленных управленческих, организационно-тактических, технических, психологических и иных структурных составляющих. В то же время актуальность и практическая значимость последних является производной от научной обоснованности и разработанности первых.

Выработка концептуальных положений разрабатываемой нами частной научной теории негласности в оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) должна основываться главным образом на формулировании безупречного максимально полного, точного, единообразного фундаментального понятийно-категориального аппарата. Его содержание должно быть приемлемым прежде всего для всестороннего абстрактно-теоретического описания, исследования и раскрытия изучаемого социального явления / деятельности (в данном случае — негласности и вопросов ее обеспечения) в сфере непосредственного существования изучаемого социального феномена (применения, реализации, обеспечения деятельности). Но также содержание должно быть приемлемым и для использования в смежных направлениях социальных активностей и / или институтов. Кроме того, понятийный аппарат должен быть применим к непосредственному использованию в выявлении, изучении и решении сугубо прикладных эмпирических проблем, в нашем случае — проблем правоприменительной практики и граничащих с ней иных отраслей и сфер жизни.

Изучая феномен негласности во всех его функционально-прикладных, нормативно-правовых и сугубо научно-теоретических проявлениях и выраже-

ниях, можно утверждать, что понятия «негласность» и «обеспечение негласности» как некие социально-правовые явления и связанные с ними различные виды прикладной активности (деятельности лиц, организаций и ведомств), несомненно, имеют оперативно-разыскные, общеправовые и даже общеправовые философские смыслы / значения. В свою очередь рассматриваемые явления и понятия, их определяющие, по содержанию и смыслу, семантически и прагматически (функционально) связаны со смежными и в чем-то пересекающимися, взаимосвязанными и взаимозависимыми явлениями и понятиями — тайна (сохранение тайны), конспирация, конфиденциальность, режим секретности, которые до сих пор используются некоторыми правоведами как синонимы [1, с. 79], что, конечно же, представляется весьма полемичным. Вместе с тем понятие «режим секретности» официально используется не только в оперативно-разыскной сфере, но и во многих других, прямо или косвенно связанных с оборотом государственной тайны¹, а понятие «тайна», общее для всех иных понятий, еще более распространено и может быть связано со сферами, вообще не относящимися к правоохране.

Однако существующие в настоящее время авторские научные воззрения на сущность и соотношение данных социально-правовых институтов достаточно вариативны, вплоть до категорично-коллизийных. Тем не менее действующее законодательство России (не только закон об ОРД, но и другие нормативные правовые акты) либо вообще не раскрывают значения большинства упомянутых терминов, либо делают это лишь частично (в основном в контексте регламентируемой отрасли права), что недостаточно для всестороннего научного анализа, сопоставления данных терминов и установления их сущности и соотношения, пригодного для использования в частной научной теории. Исходя из этого, ввиду имеющейся полемичности рассматриваемых терминов, существует проблема их всестороннего теоретического осмысления и дальнейших умозаключений с ними, ибо, как

¹ См., например: Об утверждении Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 дсп.

справедливо отмечено профессором Г. Ч. Синченко, «наука не состоятельна без строгости мышления и терминологии» [2, с. 33].

Все без исключения работы наших предшественников, исследовавших сущностную природу тайны, негласности, конспирации и режима секретности [3—5], свидетельствуют о необходимости определения не просто сущности и содержания упомянутых феноменов, но именно их субординации, соотношения и «влияния» друг на друга, и это полностью соответствует утверждению, что «для развития любой науки необходимы дескриптивные аналитические схемы, с помощью которых выявляются черты сходства и различия между объектами и явлениями, составляющими изучаемую этой наукой область» [6, с. 81]. Именно это позволяет выявить суть каждого из тесно переплетенных и взаимосвязанных рассматриваемых явлений и определить их предпосылки, функциональную и правовую природу. Результаты многочисленных исследований указанной проблематики такими учеными, как С. И. Суслова, А. А. Дворников, И. В. Бондарь, А. В. Швецов, И. Ю. Мирских, Т. А. Андропова, Ю. В. Кайнова, Д. И. Гунин, И. А. Ворошилин, С. В. Мицук и др., показали бесспорный прагматизм данного направления, в связи с чем нами избран аналогичный подход в наших научных изысканиях.

В контексте сказанного предметом рассмотрения настоящей статьи будут вопросы о сущности и содержании понятия «тайна».

Начиная размышления о сущностной природе тайны как таковой, полагаем, что следует согласиться с выводами ученых, ранее исследовавших данную проблематику [7—9] и считающих, что само явление тайны, содержание чего-то в секрете от окружающих свойственно человечеству с древнейших времен, задолго до появления институтов государства, права, ОРД и т. п., и не требует каких-либо фактических доказательств. Основываясь на этом, можно утверждать, что родовым (и всеобъемлющим понятием для всех рассматриваемых) является именно понятие «тайна». Этот же постулат прослеживается в более поздних и близких нам по духу концептуальных исследованиях нашего современника профессора Н. В. Павличенко, изучавшего негласность и конспирацию как обеспечивающие меры охраны (безопасности) лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД [10].

В то же время считаем возможным и необходимым толковать рассматриваемые положения расширительно, так как институт тайны и ее со-

хранения (защиты) относится не только к ОРД (или деятельности силовых ведомств и спецслужб), но и ко многим иным социальным сферам, а значит, и рассматриваемое понятие «тайна» и «смежные» с ним иные понятия должны удовлетворять их все без исключения. Поддержку выбранного нами подхода находим у ученых, рассматривавших ранее тайну как некий феномен, свойственный не только и не столько ОРД (или правоприменению вообще), но и многим иным не «силовым» сферам жизни общества — коммерции, журналистике, медицине, нотариату, банковской деятельности и пр. [11—13], имеющим многолетнюю и даже многовековую историю. Однако анализ дефиниций понятия «тайна» показывает неоднозначное понимание авторами и нормотворцами его содержания, что является неприемлемым для нашего исследования и требует своей конкретизации, так как «важно сформулировать понятие изучаемого явления, поскольку оно служит методологическим инструментом его познания» [14, с. 8].

Наиболее простое, но в то же время универсальное определение понятия «тайна» имеется в энциклопедических изданиях, ставших «обязательными классическими» источниками во всех без исключения фундаментальных работах по исследуемой тематике [15; 16]. Основываясь на многочисленных дефинициях понятия «тайна», обобщенно и вместе с тем избегая смысловых и содержательных ошибок, его можно представить как «некий секрет; нечто, скрываемое от других; что-то, известное не всем». Обращаем особое внимание на изначальную смысловую неопределенность в отношении скрываемого объекта (объекта тайны) и на отсутствие в рассмотренных дефинициях указания на информацию или сведения, что в контексте дальнейших рассуждений представляется принципиально важным и значимым. Причем считаем это не авторской или редакторской ошибкой наших предшественников, а осознанной и специально указанной спецификой. Кроме того, важнейшим с общефилософской точки зрения нам представляется именно обобщенный характер термина «секретный / тайный» без какого-либо соотношения с такими делопроизводственными и «режимными» характеристиками тайн и их носителей, как «государственная», «служебная», «профессиональная», «корпоративная», «особой важности», «совершенно секретно», «секретно» и т. п. Правильно сформулированное понятие должно соответствовать любому из упомянутых описательных терминов, даже если оно

касается только и исключительно чего-то личного, обсуждаемого / происходящего между двумя лицами.

В контексте сказанного интересными и важными нам представляются научные рассуждения наших коллег о сущностной и правовой природе тайны. Так, в своей концептуальной работе о проблемах защиты тайн в ОРД Д. В. Попандопуло представляет важнейшие для нашей работы взгляды — свои и своих коллег-исследователей — на содержание понятия «тайна»: «Сериков В. Н. не считает нужным разделять категории тайны и секрета, и им дано следующее определение: секрет (тайна) — это конкретизированное субъектом состояние материального объекта (свойство предмета, вещества, содержание какого-либо события, явления, действия, процесса, замысла), которое посредством его сокрытия может быть использовано в противостоянии сторон, с целью достичь, не допустить или затруднить получение преимуществ одной стороны относительно другой» [17]. В данном случае он отождествляет тайну и секрет, с чем невозможно согласиться в полной мере. Например, секретом в военном деле называется наблюдательный пост, а в биологии — вещества, вырабатываемые и выделяемые организмом человека и животных [18]. Замысел (особенно нереализованный), упомянутый в определении, достаточно сложно отнести к материальным объектам. Вместо предлагаемого В. Н. Сериковым подхода представляется правильным в области права отдать предпочтение разделению данных категорий, относя секрет к свойствам идеального или материального объекта, а тайну — к информации об этих свойствах и субъективному отношению обладателя объекта на необходимость сокрытия сведений о них от других лиц [19].

Критически рассматривая представленные научные взгляды, мы считаем возможным и целесообразным высказать некоторые сомнения в их аргументации.

Во-первых, в контексте нашего исследования не принципиально (и даже — вредно) «терминологическое» разделение понятий «секрет»¹ и «тайна».

¹ Нами не принимается во внимание «биологическое» значение термина «секрет» как некие физиологические (гормональные, запаховые, слюнные и пр.) выделения железами человека или животного, не имеющие никакого отношения к теме нашего исследования. В то же время считаем, что военный термин «секрет», как скрытный наблюдательный пост, по нашему убеждению, имеет ту же самую этимологическую и се-

Принципиально речь в обоих случаях ведется о том, что неизвестно, неочевидно, скрывается. Опосредованным, но тем не менее доказательством нашей правоты является тот факт, что смысловое разделение этих двух практически синонимичных терминов в их наиболее общем значении свойственно в основном русскому языку. Иные иностранные языки имеют единый общий термин (слово) для обозначения обоих этих понятий, например: английский — *secret*, немецкий — *geheimnis*, испанский — *secreto*, итальянский — *segreto*, арабский — *سر* (*sirun*), китайский — 秘密 (*Mimi*), иврит — *תיו* и др.

Во-вторых, считаем, что при рассмотрении сущности тайны как некой определенной характеристики (качества) информации последнюю (а именно информацию) следует расценивать с самых широких философских воззрений как любое, и в частности чувственное, коммуникативное, абстрактно-теоретическое и прочее отражение Бытия, под которым понимается следующее: «...и материальные вещи, и все процессы (физические, химические, геологические, биологические, социальные, психические, духовные), это и их свойства, связи и отношения. Плоды самой буйной фантазии, сказки, мифы и даже бред сумасшедшего...» [20, с. 223]. Бытие во всех своих бесконечных (в том числе знаково-информативных и документальных, т. е. зафиксированных в виде сведений) проявлениях и есть возможность возникновения тайны между субъектами этого бытия.

В-третьих, детерминация предлагаемого авторами разделения понятий большим или меньшим предпочтением для использования одного из них именно в правовой сфере нам представляется не совсем корректной и допустимой. Считаем, что ОРД и иные, смежные с ней, наряду с неоспоримой функциональной (действенной) составляющей являются, прежде всего, сугубо правовыми сферами (что выражено в Конституции и многочисленных нормативных правовых актах федерального и ведомственного уровня) и отражаются в действительности посредством неких состояний и действий, независимо от того, нашло это свое документальное отражение или нет, и будет ли вообще задокументировано в виде сведений на каком-либо носителе. Очень часто такие состояния или действия, не будучи отраженными в служебных документах, составляют служебную

мантическую природу и основан именно на секретном, тайном характере действий специального дозорного или наблюдательного поста.

(а порой и государственную) тайну и нуждаются в строжайшей защите.

В-четвертых, аргументация автора о нематериальной природе замысла (тем более нереализованного) как детерминанте невозможности рассматривать замыслы как некие тайны нам представляется несоответствующей сущности ОРД. Оперативно-разыскная деятельность во многом состоит именно из замыслов непосредственных исполнителей, чья реализация (или нереализация) обусловлена целой совокупностью временных, объективных и субъективных факторов. Хрестоматийным академическим примером этого является структура оперативной комбинации, где первый и основной обязательный элемент именно замысел — представляющий собой наиболее общую программу действий оперативного сотрудника мысленный сценарий искусственного создания благоприятных условий, которые он намеревается осуществить для успешного решения оперативно-тактической задачи. Это своеобразная информационная модель оперативной комбинации, разработанная с учетом всех факторов, имеющих значение для ее проведения [21; 22].

В контексте сказанного любой план оперативно-разыскных мероприятий по раскрытию преступления или оперативной разработке есть не что иное, как замысел, воплощенный в документе, имеющем гриф секретности, т. е. являющемся тайной. Таким образом, изначально замысел оперативного сотрудника (даже как идея, не отраженная в служебных документах) должен храниться в тайне от многих категорий лиц (особенно от фигурантов оперативной разработки). Однако по различным причинам замысел, независимо от того, воплощен ли он в документ или нет, может остаться нереализованным. Но даже тогда он не перестает быть тайной!

В свете сказанного считаем понятия «секрет» и «тайна» практически идентичными. Далее во всех рассуждениях нами будет использоваться обобщенное дуалистичное понятие «тайна», представляющее собой как состояние неведения кого бы то ни было об абстрактном (в смысле любом) объекте — материальном, живом, цифровом, мыслительном процессе, некой ситуации, действии / деятельности и пр., способном к информационному отражению в действительности, так и любые скрываемые сведения (задокументированная информация) о таком объекте.

Попытки таких авторов, как А. А. Фатьянов, С. В. Кузьмин, И. В. Бондарь, Л. И. Джантемиров, М. В. Пермяков, Д. И. Гунин, Ю. С. Пилипенко и др., а также законодателей представить тайну

(во всех ее видах — государственную, служебную, профессиональную и пр.) как некие сведения, по нашему убеждению, являются «усеченными» и полемичными, как минимум с позиций действующих правовых первоисточников — Закон РФ «О Государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1, федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и реальной правоприменительной практики и деятельности спецслужб.

Так, авторы Военного энциклопедического словаря 1986 г. издания (т. е. рассматривающие среди прочего и аспекты, связанные с военной тайной и военной безопасностью государства задолго до выхода в свет законов о государственной тайне, об информации, информационных технологиях и защите информации, о персональных данных и некоторых иных) определяют военную, государственную и служебную тайны исключительно как некие сведения разной степени важности (особой важности, совершенно секретные, секретные) военного, политического, экономического и иного характера [22]. В настоящее время аналогичная (спорная / некорректная, по нашему убеждению) концепция, имеющая уже юридическую форму и статус правовой нормы, просматривается в действующих упомянутых федеральных законах, регламентирующих данную сферу.

Например, ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» Федерального закона «О Государственной тайне», определяет государственную тайну как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». В то же время такое положение этой же статьи рассматриваемого закона, как «носители сведений, составляющих государственную тайну, — материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов», позволяет утверждать, что под государственной тайной законодателем понимается исключительно задокументированная (зафиксированная) на носителях в виде сведений информация. Подтверждение данной законодательной позиции находим в ранее и ныне действующих нормативных правовых актах, являющихся «производными» от Закона РФ

«О государственной тайне» — постановлениях Правительства Российской Федерации¹ и ограниченных в свободном доступе приказах МВД России, регламентирующих защиту государственных тайн. Аналогичная ситуация представлена и в академическом издании — учебном пособии по делопроизводству и режиму секретности, фактически воспроизводящем положения Закона РФ «О государственной тайне»: «сведения — документированная информация, образующаяся в ходе оперативно-служебной деятельности подразделений, предприятий, учреждений и организаций при реализации возложенных на них законодательством задач и функций» [23, с. 106]. Но даже из этого определения очевидно, что образующаяся в процессе ОРД информация может быть незадокументированной, но при этом существовать в природе, и ее также необходимо охранять в определенных случаях.

Идентичная ситуация усматривается и в нормах второго правового первоисточника, критически важного для нашего исследования — Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Статья 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» данного нормативного правового акта определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Иными словами, речь ведется именно о зафиксированной каким-либо образом (в какой-то форме) информации, которую можно передавать и принимать, а не об информации как некоем абстрактном феномене — «отражении фактов материального или духовного мира, свойственном любому объекту или явлению»², способном к восприятию субъектом посредством органов чувств и существующем независимо от субъекта. Таким образом, можно утверждать, что законодатель понимает под информацией именно зафиксированные (задокументированные) сведения, независимо от способа фиксации — речь, фото, видео, магнитные поля, буквы, символы, знаки и пр. В то же время для целей нашего исследования

информацию следует понимать не только как некие зафиксированные сведения, но и как объективное отражение действительности (предметов, событий, лиц) во всем их качественном и количественном многообразии. И это принципиально важно!

Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ хотя и не столь критичен, но также содержит схожие лексические конструкции, допускающие их неоднозначные интерпретации, не приемлемые в юриспруденции и законотворчестве. Так, совокупность понятий, декларируемых в ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», позволяет утверждать, что в данном законе такой вид информации, как персональные данные, рассматривается исключительно в виде сведений, пригодных для некоего оборота — сбора, записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), извлечения, использования, передачи (распространения, предоставления, доступа), обезличивания, блокирования, удаления, уничтожения, а не в широком смысле. Справедливости ради стоит отметить, что для узкой сферы деятельности этого Федерального закона представленные определения понятий являются в основном корректными. Но учитывая, что некоторые используемые термины или терминологические конструкции прямо или косвенно могут истолковываться в контексте иных упомянутых законов, смысл (субъективное толкование) отдельных положений закона о персональных данных может меняться, что, опять же, недопустимо.

Прежде всего считаем обязательным указать на коллизию норм рассматриваемых федеральных законов и статей Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020; далее — Конституция РФ). Статья 24 Конституции РФ устанавливает, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Но сквозь призму понятия «информация», в контексте Закона РФ «О Государственной тайне» и Федерального закона «Об информации», данную статью следует истолковывать как запрет только на сбор, хранение, использование и распространение исключительно задокументированных (зафиксированных) на каком-то носителе и в каком-либо виде (письменном, аудиальном, видео, цифровом / программном и пр.) сведений. При такой интерпретации получение информации посредством сиюминутного визуального

¹ См., например: Об утверждении Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 дсп.

² ГОСТ 7.0-99. Архивная копия от 2 апреля 2015 г. на Wayback Machine. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. URL: <http://www.docload.ru/Basesdoc/33/33922/index.htm#i222082> (дата обращения: 09.05.2023).

или инструментального наблюдения (которое, несомненно, является сбором информации), а также иные способы, которые охватываются некоторыми оперативно-разыскными мероприятиями, не подпадают под данный конституционный запрет, что, конечно же, является нонсенсом. В связи с этим ст. 29 Конституции РФ, гласящая, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», должна расцениваться как декларирующая свободу поиска (и всех дальнейших действий) только информации в виде сведений и фактически запрещающая поиск чувственной информации, так как до ее фиксации она не является сведениями, что полностью противоречит предшествующей норме и также является юридическим нонсенсом. Сказанное подтверждает нашу гипотезу о необходимости в контексте исследования рассматривать информацию в ее двуедином значении — и как объективное отражение действительности, и как сведения (задокументированная информация).

Дальнейший анализ рассматриваемых нормативных правовых актов позволяет утверждать, что подобный подход законодателя является изначально порочным. Так, перечень сведений, составляющих государственную тайну (ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне»), и основанный на нем аналогичный перечень, утвержденный приказом МВД России от 25 августа 2007 г., устанавливают категории сведений, составляющих государственную тайну. И законодатель, и ведомственные нормотворцы при этом используют лексические конструкции «сведения в военной / внешнеполитической / научной / экономической / технической / оперативно-разыскной, разведывательной, контрразведывательной области о...». Перечисляя категории сведений о различных аспектах оперативно-разыскной и смежных с нею разведывательной и контрразведывательной деятельности, законодатель акцентирует внимание именно на сведениях о деятельности, а не на самой деятельности как функциональной активности некоего субъекта в конкретном месте и в конкретное время. И тут необходимо отметить, что помимо многочисленных сведений, отраженных в «закрытых» правоустанавливающих, плановых, распорядительных, отчетных, статистических и прочих оперативно-служебных документах, сама деятельность как таковая представляет собой последовательность неких отдельных действий конкретных субъектов, событий, состояний, фактов, имеющих сиюминутную и перспективную по времени секретность. Например, присутствие оперативного

сотрудника в конкретном месте и проведение им негласных оперативно-разыскных мероприятий, принадлежность лица к оперативному подразделению или специальной службе, оказание лицом конфиденциального содействия и др. Многие именно функциональные (технические, тактические, кадровые и иные) составляющие перечисленных видов деятельности сами по себе являются секретными, независимо от того, задокументированы ли они и будут ли когда-либо отражены в документах вообще. Такая информация, объективно образуясь и какое-то время существуя в природе, может кем-то целенаправленно или случайно восприниматься, что также может представлять определенную (пусть даже не умышленную) угрозу какому-либо виду государственной безопасности в случае ее распространения в некоем круге лиц, и поэтому требует своего превентивного или реактивного купирования, но, в соответствии с представленными положениями упомянутых законов, подобный «вид защиты» тайны не предусмотрен, так как не предусмотрен сам вид информации, представляющей тайну. То есть сохранению в тайне могут подлежать два вида информации — информация как отражение реальности (например, некое событие) и сведения как задокументированная информация о данном факте (предмете или лице).

Примерами такой информации можно (и нужно) считать факты проведения субъектами ОРД легендируемых или полностью негласно проводимых оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных «закрытыми» ведомственными наставлениями, когда само нахождение сотрудника оперативного подразделения в определенное время на каком-либо объекте или местности уже скрывается, маскируется или легендируется от разглашения и понимания истинного смысла происходящего. Или, например, факт встречи конфиденанта с оперативным сотрудником в рамках негласного сотрудничества. Но действующая редакция Закона РФ «О государственной тайне» и основанные на нем подзаконные нормативные акты по обеспечению делопроизводства и режима секретности не учитывают указанного функционального аспекта, считая государственной тайной лишь сведения в виде задокументированной информации, а ее защиту сводя именно к защите носителей сведений. Подобный подход, очевидно, является приемлемым, действенным и рациональным исключительно при работе с документами, содержащими сведения, составляющие государственную или служебную тайну (или иными материальными носителями таких сведений),

и обуславливает соответствующий «регламентный принцип» защиты, т. е. регламентированный и управляемый строгим и, что немаловажно, конкретно сформулированным в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах.

В контексте вышеизложенного представляется, что действующее российское законодательство, а именно Закон РФ «О государственной тайне», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», содержит в своих текстах определение тайны, критически не отвечающее правоприменительной практике субъектов оперативно-разыскной, разведывательной, контрразведывательной, военной и ряда иных видов деятельности, и не обеспечивает юридически правомерной всесторонней защиты информации, представляющей государственную или служебную тайну и требующей своего скорейшего разрешения.

Частичным потенциальным решением данной нормативной проблемы и своего рода основой будущего официального юридического определения понятия «тайна» могла бы являться разработанная много лет назад в рамках законопроекта дефиниция этого понятия. Так, в 2011 г. депутатами Государственной Думы В. В. Бобыревым, А. Н. Волковым, М. И. Гришанковым, В. В. Дятленко, В. И. Илюхиным, Н. С. Леоновым, В. В. Маргеловым, А. М. Розуваном был разработан проект закона «О служебной тайне», в рамках которого предложено следующее определение служебной тайны: «...конфиденциальная информация, образующаяся в процессе управленческой деятельности органа или организации, распространение которой нарушает права и свободы граждан, препятствует реализации органом или организацией предоставленных ему полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации, а также конфиденциальная информация, полученная органом или организацией в соответствии с их компетенцией в установленном законодательством порядке» [24, с. 14]. Упомянутый законопроект по неизвестным автору причинам не был принят, что не умаляет правильности и ценности представленной в нем юридической терминологии, и в частности определения понятия «служебная тайна», которое могло бы быть использовано в качестве «терминологической матрицы» для синтеза таких определений, как «тайна», «государственная тайна», «служебная тайна», «профессиональная тайна» и т. д. Достоинством данной дефиниции мы считаем толкование ин-

формации как абстрактного феномена объективного отражения любой реальности, а также как неких зафиксированных на любом носителе, в любом виде и любым способом сведений. В то же время акцент рассматриваемой дефиниции исключительно на управленческой деятельности субъекта нам представляется недостатком, значительно, но при этом неоправданно сужающим содержательную часть.

Но почему, признавая достоинства и прагматизм представленной дефиниции понятия «тайна», мы, тем не менее, считаем его лишь частичным решением проблемы? Мы всецело разделяем позицию наших коллег, что понятие «тайна» неразделимо с функциональным механизмом ее (тайны) защиты со стороны субъекта. Поддержку находим в научных изысканиях М. Ю. Мартышина, считающего, что «...понимание института государственной тайны характеризуется определенным дуализмом: с одной стороны, государственная тайна представляет собой сведения определенного характера, к которым ограничивается доступ; с другой стороны, — механизмы их защиты от неправомерного распространения...» [9, с. 8]. Иными словами, понятие тайны должно включать в себя хотя бы самое обобщенное упоминание о функциональном механизме ее защиты (сохранения).

Основываясь на изложенном, считаем возможным и целесообразным синтезировать следующее аутентичное определение тайны как таковой. Тайна — информация, образующаяся в процессе жизнедеятельности субъекта и правомерно скрываемая им от всех посторонних, любое распространение которой нарушает права и свободы субъекта или третьих лиц, препятствует реализации субъектом предоставленных ему прав, свобод или полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации.

В контексте данной дефиниции и тематики нашего исследования целесообразно и возможно представить следующее определение тайны в ОРД. Тайна в оперативно-разыскной деятельности — информация, образующаяся в процессе жизнедеятельности субъекта ОРД и лиц, в нее вовлеченных, и правомерно скрываемая от всех посторонних. Любое распространение указанной информации вредит интересам субъекта, нарушает права и свободы субъекта или третьих лиц, препятствует реализации субъектом предоставленных ему прав, свобод или полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации.

1. Зубач И. Н. Негласность как правовой феномен в уголовном процессе Украины // Научный огляд. 2014. Т. 8, № 7. С. 77—85.

2. Синченко Г. Ч. Логика диссертации: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Омск: Омская акад. МВД России, 2008. 218 с.

3. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. 404 с.

4. Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность: монография. Омск: Омский юрид. ин-т, 2011. 248 с.

5. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2020. 536 с.

6. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 495 с.

7. Кузьмин С. В. Тайна в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Ставрополь, 2000. 23 с.

8. Паршин С. М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 207 с.

9. Мартышин М. Ю. Государственная тайна как объект конституционно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 191 с.

10. Павличенко Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. Москва: Амалданик, 2016. 186 с.

11. Дубровский Ю. В. Коммерческая, налоговая и банковская тайна: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 237 с.

12. Мицук С. В. Защита и обработка конфиденциальных документов. Виды тайн: учеб. пособие. Липецк, 2017. 62 с.

13. Павлов А. В. К вопросу о законодательном определении понятий профессиональных тайн // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16, № 1. С. 13—19.

14. Ивлев Ю. В. Логика: учебник. Москва: Изд-во МГУ, 1992. 269 с.

15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 4. 683 с.

1. Zubach I. N. Non-publicity as a legal phenomenon in the criminal process of Ukraine. Naukoviy oglyad, 77—85, 2014. (In Ukr.).

2. Sinchenko G. Ch. Logic of the dissertation. Textbook. 2nd ed., add. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 218. (In Russ.).

3. Smol'kova I. V. Issues of secrets protected by law in the criminal process. Dissertation of doctor of juridical sciences. Irkutsk; 1998: 404. (In Russ.).

4. Pavlichenko N. V. Legal protection of persons providing confidential assistance to detective activities bodies. Monograph. Omsk: Omsk Law Institute; 2011: 248. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure publicity and secret in criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2020: 536. (In Russ.).

6. Blackburne R. Psychology of criminal behavior. Saint Petersburg: Peter; 2004: 495. (In Russ.).

7. Kuzmin S. V. Secret in criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Stavropol; 2000: 23. (In Russ.).

8. Parshin S. M. Secret in criminal legislation (theoretical and applied research). Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2006: 207. (In Russ.).

9. Martyshin M. Yu. State secret as an object of constitutional and legal regulation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2009: 191. (In Russ.).

10. Pavlichenko N. V. Legal and theoretical issues to ensure non-publicity in detective activities. Monograph. Moscow: Amaldanik; 2016: 186. (In Russ.).

11. Dubrovsky Yu. V. Commercial, tax and banking secrets: criminal legal and criminological aspects. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 237. (In Russ.).

12. Mitsuk S. V. Confidential documents protecting and processing. Types of secrets. Textbook. Lipetsk; 2017: 62. (In Russ.).

13. Pavlov A. V. On the issue related to the legislative definition of concepts of professional secrets. Bulletin of the Omsk Law Academy, 13—19, 2019. (In Russ.).

14. Ivlev Yu. V. Logic. Textbook. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1992: 269. (In Russ.).

15. Dal' V. I. Explanatory dictionary of the Great Russian language. Vol. 4, Moscow: State-Publishing House of Foreign and National Dictionaries; 1955: 683. (In Russ.).

16. Ожегов С. И. Словарь русского языка: словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Рус. яз., 1991. 915с.

17. Сериков В. Н. К вопросу о тайнах государственных и не государственных // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 122—126.

18. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 5-е изд., стер. Москва: ГИС, 1955. 856 с.

19. Попандопуло Д. В. Проблемы защиты государственной тайны в оперативно-разыскной деятельности: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2016. 132 с.

20. Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва: Гардарики, 2006. 736 с.

21. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. Москва: ИНФРА-М, 2006. 832 с.

22. Военный энциклопедический словарь / ред. комис.: С. Ф. Ахромеев (пред.). Москва: Воениздат, 1986. 863 с.

23. Шляхтин Е. П., Усманов И. М. Делопроектирование и режим секретности в органах внутренних дел: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2016. 204 с.

24. Кармановский Н. С., Савченко-Новопавловская С. Л. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Ун-т ИТМО, 2018. 77 с.

Тамбовцев Андрей Иванович,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
bestcopat@mail.ru

16. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Dictionary. Red. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Rus. yaz.; 1991: 915. (In Russ.).

17. Serikov V. N. On the issue related to the state and non-state secrets. Law and security, 122—126, 2011. (In Russ.).

18. Dictionary of foreign words. Red. by I. V. Lekhina, F. N. Petrova. 5th ed. Moscow: GIS; 1955: 856. (In Russ.).

19. Popandopulo D. V. Problems to protect state secrets in detective activities. Monograph. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2016: 132. (In Russ.).

20. Spirkin A. G. Philosophy. Textbook. 2nd ed. Moscow: Gardariki; 2006: 736. (In Russ.).

21. Theory of detective activities. Textbook. Red. by K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky and G. K. Sinilov. Moscow: INFRA-M; 2006: 832. (In Russ.).

22. Military encyclopedic dictionary. Editorial committee: S. F. Akhromeyev (chair). Moscow: Military Publishing House; 1986: 863. (In Russ.).

23. Shlyakhtin Ye. P., Usmanov I. M. Documentation rules and regime of secrecy in the internal affairs bodies. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2016: 204. (In Russ.).

24. Karmanovsky N. S., Savchenko-Novopavlovskaya S. L. The organizational and legal foundations of the protection of official secrets at the enterprise. Textbook. Saint Petersburg: University ITMO; 2018: 77. (In Russ.).

Tambovtsev Andrey Ivanovich,

associate professor
at the department of detective activities
in the internal affairs bodies
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
bestcopat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.133

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОБВИНЕНИЕ ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Максим Владимирович Лапатников

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу обвинения как движущей силы уголовного процесса России. Большинство ученых, которые исследовали или затрагивали проблематику обвинения, говоря о его предназначении, определяют его как движущую силу, двигатель, мотор отечественного уголовного судопроизводства. В данной статье автор предпринял попытку разобраться с тем, насколько эти оценки отражают реальное предназначение обвинения. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что, оставаясь одной из системообразующих категорий уголовного процесса, обвинение не выступает в нем движущей силой, тем, что двигает уголовное судопроизводство, по крайней мере большую его часть, тем, что и запускает процесс, и само по себе лежит в основе досудебного и судебного производства. В пользу этого вывода автор приводит аргумент: фактически при принятии итогового решения по уголовному делу ни суд первой инстанции, ни вышестоящие суды не связаны позицией государственного обвинителя по отказу от обвинения, а сам отказ не является для суда обязательным. Этот аргумент носит дискуссионный характер и не согласуется с ч. 7 ст. 245 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что может свидетельствовать о необходимости пересмотра устоявшихся взглядов на данное явление.

Ключевые слова: обвинение, движущая сила, прокурор, отказ от обвинения, уголовный процесс

Для цитирования: Лапатников М. В. Является ли обвинение движущей силой отечественного уголовного процесса? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 147—154.

IS THE ACCUSATION A MOTIVE FORCE OF THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS?

Maxim Vladimirovich Lapatnikov

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the accusation as the motive force for the criminal process in Russia. Speaking of its purpose most scientists who researched or touched on the problem of the accusation define it as a motive force, engine of the Russian criminal proceedings. Based on their points of view the author makes an attempt to clarify the real purpose of the accusation in this article. As a result of his examination, he concludes that being one of the system-forming categories of the criminal process, the accusation does not act as a motive force in it. It isn't the force to develop the criminal proceedings, at least, its largest part, to run (trigger off) the process and to be the basis of pre-trial and court proceedings itself. To support this conclusion the author demonstrates an argument that, in fact, when making a final decision in the criminal case, neither court of the first instance, nor the higher courts are tied by the position of the state prosecutor to refuse the accusation. As well as the refusal itself is not mandatory for the court. This argument is discussable and not coordinated with Part 7 of Art. 245 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, that may indicate the necessity to revise the established views on this phenomenon.

Keywords: accusation, motive force, prosecutor, refusal of the accusation, criminal process

For citation: Lapatnikov M. V. Is the accusation a motive force of the domestic criminal process? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—154, 2025. (In Russ.).

Обвинение (как обвинительный тезис) есть одна из старейших и системообразующих категорий уголовного судопроизводства почти любой страны, независимо от исторической эпохи и модели конкретной уголовно-процессуальной системы. Как правило, авторы большинства научных источников, исследовавшие или затрагивавшие проблематику обвинения, определяют его как движущую силу, двигатель, мотор отечественного уголовного судопроизводства. Как писал В. М. Савицкий, «исследовать обвинение — значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса» [1, с. 5], а по мнению М. С. Строговича, обвинение есть «двигатель уголовного процесса», его движущая сила [2, с. 30]. Обвинение сравнивали с пружиной, которая обуславливает развитие всего уголовного процесса [3], с двигателем уголовно-процессуальной деятельности, называли его движущим началом процессуальной деятельности, настаивая на том, что от того, кем, в каком порядке выдвинуто обвинение и как оно поддерживается в судебных стадиях, зависит судьба всего процесса [4] и т. д. В данной статье мы попробуем разобраться с тем, насколько эти оценочные характеристики обвинения отражают реальное положение рассматриваемого института в уголовном процессе нашей страны.

В первую очередь, как представляется, необходимо разобраться с тем, что именно подразумевали правоведы, когда наделяли обвинение вышеуказанными характеристиками, а также с вопросом о том, когда и при каких условиях обвинение действительно может выступать мотором уголовно-процессуальной деятельности.

И начать здесь следует с тезиса, согласно которому «без уголовного иска, как двигателя процесса, процесс вообще не мыслим, не только в состязательной, но и в розыскной его форме», на этом настаивал видный процессуалист первой половины XX в. Н. Н. Полянский [5, с. 112]. В контексте данного объяснения обвинение занимает примерно одинаковое положение и в состязательном, и в розыском процессе, что, безусловно, только подчеркивает его универсальное значение, его роль как двигателя процесса.

Но дело в том, что, судя по всему, Н. Н. Полянский считал обвинение тем, без чего суд не может приступить к рассмотрению дела. Без обвинения орган, разрешающий дело по существу и в состязательном, и в розыском процессе, не может назначить судебное разбирательство ввиду отсутствия предмета такового. В этом смысле обвинение действительно выступает в качестве системообразующей категории уголовно-процессуальной

деятельности, так как, вне зависимости от типа уголовного процесса, при разрешении основного вопроса уголовного дела (вопроса о преступлении и наказании) суд или иной орган, разрешающий дело по существу, не может обойтись без предъявления уголовно-правовых претензий к конкретному лицу, а сами эти претензии, т. е. сформулированное обвинение, будут главной темой обсуждения в ходе судебного разбирательства. Обвинение здесь действительно обязательный, неотъемлемый этап, без которого не может быть разрешен этот самый главный вопрос процесса, и если оно понимается исключительно в таком контексте, то у нас нет никаких возражений. И его значение тут сложно переоценить.

Однако если понимать термины «двигатель», «движущая сила», «мотор» и др., метафорически описывающие обвинение как то, что двигает уголовное судопроизводство (по крайней мере, большую его часть), как то, что и запускает процесс, и само по себе лежит в основе досудебного и судебного производства, как то, что действительно предопределяет объем, направленность и параметры действий сторон и суда, то представляется, что роль и место обвинения в состязательном и розыском типах уголовного процесса обладают существенными различиями.

Ответ на вопрос об обвинении как движущей силе, если понимать его как утверждение о совершении преступления конкретным лицом, на наш взгляд, должен быть рассмотрен на предмет соответствия критериям, позволяющим квалифицировать обвинение в качестве таковой. Полагаем, что обвинение может быть квалифицировано как движущая сила уголовного процесса, если оно соответствует следующим параметрам (критериям):

1) обвинение должно давать начало (толчок) уголовно-процессуальной деятельности;

2) обуславливать появление сторон процесса, выполняющих соответствующие процессуальные функции;

3) выступать процессуальным решением, определяющим обязанность суда дать ответ на него, так как именно при осуществлении правосудия суд вправе разрешать по существу главный вопрос уголовного процесса;

4) предопределять предмет возможной уголовной ответственности (правило о тождестве уголовного иска). Суд и стороны в таком случае не вправе выйти за пределы обвинения, кроме как в исключительных ситуациях.

Представляется, что только и если обвинение соответствует по крайней мере большинству этих

критериев, можно говорить о нем как о движущей силе, моторе, рычаге или главном нерве отечественного уголовного судопроизводства.

Перейдем к детальному анализу обозначенных выше параметров.

Первый параметр связывает начало полноценной уголовно-процессуальной деятельности с предъявлением обвинения. В российском уголовном процессе признается, что полноценная уголовно-процессуальная деятельность начинается только после возбуждения уголовного дела. С другой стороны, стадия возбуждения уголовного дела также входит в систему стадий уголовного процесса. Но обвинение никак не может выступать толчком к началу ни первой, ни второй стадий уголовного процесса, так как в первом случае в качестве такового выступает сообщение о преступлении, а во втором — процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Обвинение же, как утверждение обвинительной власти, появляется либо вообще на любом этапе предварительного следствия (кроме окончания), либо при составлении обвинительного акта, постановления, если дело расследуется в форме дознания. Здесь обвинение — обязательный этап уголовного досудебного производства, но начинается уголовный процесс задолго до его предъявления.

Второй критерий связывает появление сторон в уголовном процессе с выдвижением обвинения. По идее, при обвинении-моторе представление обвинительного тезиса означало бы завершение этапа уголовного процесса *in rem*, в рамках которого уполномоченные органы государства устанавливают обстоятельства происшедшего события, его криминальную направленность, принимают меры по выявлению и поиску лиц, причастных к его совершению. При установлении наличия оснований для предъявления уголовно-правовых претензий со стороны государства по отношению к конкретному лицу, уполномоченными органами выдвигается обвинение, которое и призвано надлежащим образом оформить указанные претензии. Такой шаг обуславливает появление стороны защиты, обладающей широким комплексом процессуальных возможностей по противодействию обвинительной деятельности в рамках права на защиту, реализацию которого должен обеспечивать независимый от сторон арбитр, в условиях гласного, устного и непосредственного судебного разбирательства.

Таким образом, мы исходим из того, что само понятие «сторона процесса» предполагает наличие у сторон процессуальных возможностей

для состязания друг с другом, в рамках которого эти стороны осуществляют свою деятельность (функции), доказывая и обосновывая перед судом свои правопритязания. Без суда как нейтрального и независимого от сторон арбитра, обеспечивающего реализацию принадлежащих им по закону возможностей процессуального противоборства, нет смысла говорить о сторонах как о субъектах, реализующих принадлежащую им процессуальную функцию.

Присуща ли такая схема отечественному уголовному процессу? На первый взгляд, казалось бы, да, так как закон связывает появление фигуры обвиняемого и наделение его совокупностью принадлежащих ему прав с момента предъявления обвинения следователем. Но это поверхностный взгляд, так как предъявление обвинения следователем не влечет за собой применение арбитражного метода регулирования, не означает предоставление обвиняемому реальных средств процессуального противодействия, ведь осуществление права на защиту обвиняемого практически целиком возлагается на органы предварительного расследования. Появление полноценных процессуальных функций в этом смысле здесь не происходит. Представляется верным в связи с этим утверждение известного советского процессуалиста М. С. Строговича о том, что «обвинение (в материальном смысле), которое присутствует в стадии предварительного следствия как одна из сторон следственной деятельности, еще не создает в процессе обвинения процессуальную сторону, выступающую перед судом, а представляет собою подготовку обвинения, которое прокурор будет поддерживать на суде, если ход предварительного следствия это обвинение подтвердит» [6, с. 123].

Согласно третьему критерию обвинение должно предопределять появление у суда обязанности рассмотреть уголовно-правовой спор по существу, так как именно в суде решается главный вопрос уголовного процесса. В этом контексте обвинение как утверждение о совершении лицом преступления будет только тогда двигать уголовный процесс к своему логическому концу — законному и обоснованному разрешению вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, когда оно обуславливает появление обязанности у уполномоченного органа дать ответ на этот самый вопрос. Обвинение как движущая сила в данном случае означает, что с его помощью приводится в действие весь уголовно-процессуальный механизм, что процесс во многом благодаря ему достигает своей «терминальной стадии», так как все

дальнейшие этапы, если они и будут, отталкиваются от решения, принятого по итогам рассмотрения обвинения по существу.

Если обратиться прежде всего к так называемому следственному обвинению, т. е. обвинению в порядке гл. 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), то оно никоим образом не влечет обязанности суда рассмотреть дело по существу (расследование еще не окончено), а на всем протяжении расследования может изменяться, дополняться, перепредъявляться, а самое главное, такое обвинение еще не ставит основной вопрос уголовного дела, что называется, «на повестку дня», хотя здесь уже происходит привлечение человека к уголовной ответственности. И в связи с этим обвинение, предъявленное в порядке гл. 23 УПК РФ, будучи, безусловно, обязательным и важным этапом предварительного расследования, никоим образом претендовать на роль «обвинения-мотора» не может.

Однако совсем иное положение занимает прокурорское или, как его часто называют, государственное обвинение, т. е. тот обвинительный тезис, который содержится в итоговом акте расследования и становится таковым после его утверждения прокурором. И здесь, казалось бы, обвинение наконец-то становится той самой искомой движущей силой, так как направление дела в суд после утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта, постановления само по себе предопределяет возникновение у суда обязанности рассмотреть дело в тех самых пределах, которые в его фактических и юридических признаках определяются указанными актами. И этот документ, вносящийся не просто от имени отдельного государственного чиновника (следователя, дознавателя), а от всего государства в части, относящейся к обвинению, по идее, устанавливает предмет и пределы судебного разбирательства, тем самым выступая в качестве акта государственного обвинения.

И действительно, появление итогового акта предварительного расследования как официального документа, т. е. с момента утверждения прокурором, нормативно обуславливает появление обязанности по направлению дела в суд для разрешения основного вопроса уголовного процесса по существу. В этом смысле можно утверждать, что государственное обвинение в какой-то степени проявляется как пусковая сила, так как без указанных действий суд не вправе (а при их наличии наоборот — обязан) приступить к рассмотрению уголовного дела. Однако при более внимательном

анализе можно увидеть, что обвинение здесь лишь создает движение уголовного дела от одной стадии к другой. Да, это движение напрямую приближает процесс к его кульминации — рассмотрению дела по существу, и в этом смысле его значение сложно переоценить. Однако не следует и переоценивать.

Вопрос о государственном обвинении как о движущей силе далеко не так прост. Будучи действительно обязательным и неотъемлемым этапом развития уголовного процесса в его логическом развертывании с точки зрения постановки и разрешения основного вопроса уголовного дела, тем не менее, как представляется, появление обвинения еще не означает безусловного возникновения у суда обязанности предать обвиняемого суду. Деятельность судьи на стадии подготовки дела к судебному разбирательству связана не только с устранением технических препятствий рассмотрения дела судом на следующей стадии. Закон обязывает по поступившему уголовному делу выяснить основания проведения предварительного слушания, в качестве которых выступает необходимость решения вопроса о возвращении дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ). А последнее, как известно, возможно не только по формальным основаниям, но и по основаниям, обусловливаемым значительным перечнем нарушений, в том числе касающихся как корректировки юридической квалификации содеянного, так и недостаточности или сомнительности доказательств¹. Причем перечень этих нарушений носит в принципе открытый характер, что дает суду широкие возможности для задействования механизма возвращения уголовного дела прокурору в том числе в тех случаях, когда в суд поступило «слабое» уголовное дело.

Таким образом, формирование государственного обвинения само по себе еще не обязывает суд приступить к рассмотрению дела по существу, так как направление уголовного дела в суд, прежде всего, ставит перед ним вопрос относительно готовности уголовного дела для его последующего судебного рассмотрения в контексте установления наличия / отсутствия существенных нарушений со стороны обвинения. Это предоставляет суду возможность в условиях отсутствия четко опреде-

¹ Несмотря на то что ряд теоретиков и практиков отрицают такую возможность в качестве легального, законного решения, мы все же придерживаемся мнения, что практика более чем допускает такой вариант развития событий.

ленных критериев, по сути, обойти указанную выше обязанность приступить к рассмотрению дела по существу, направив уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, ввиду чего мы вправе утверждать отсутствие безусловной связи между предъявлением государственного обвинения и обязанностью суда дать ответ на это обвинение.

Но как быть с государственным обвинением уже после поступления уголовного дела в суд, когда возможности прокурора по распоряжению обвинением возрастают и он остается, по сути, единственным его распорядителем? Ответ на этот вопрос будет дан нами в контексте обращения к четвертому критерию.

Этот критерий подразумевает, что если обвинение претендует на движущую силу уголовного процесса, то оно должно предопределять как предмет возможной уголовной ответственности, так и ее пределы. И, казалось бы, уж на этапе судебного разбирательства обвинение наконец-то становится тем самым искомым двигателем, мотором, движущей силой процесса. Обращение к тексту закона, пожалуй, только подтверждает его наличие. Статья 252 УПК РФ четко связывает и предмет, и пределы обвинения с тем обвинительным тезисом, который составляет содержание государственного обвинения, а ч. 7 ст. 246 закрепляет обязательность отказа прокурора от обвинения с последующим прекращением уголовного дела.

Но мы считаем, что данный вопрос должен быть рассмотрен на более глубоком уровне, в том числе относительно того, насколько все это соответствует реальной процессуальной действительности.

Для этого необходимо четко определиться с теми признаками, наличие / отсутствие которых будет свидетельствовать о том, насколько в действительности государственное обвинение предопределяет предмет и пределы возможной уголовной ответственности, а следовательно, и может быть обозначено как движущая сила в судебном производстве отечественного уголовного процесса. В качестве таких признаков могут выступать: а) запрет для суда на право выхода за пределы обвинения, кроме как в случае выявления новых или вновь открывшихся обстоятельств; б) правомочие суда возбудить и рассмотреть уголовное дело по новому преступлению, выявленному в ходе судебного разбирательства; в) предопределение отказом прокурора от обвинения итогового решения суда по уголовному делу.

Обратимся к анализу указанных признаков. Сразу начнем со второго, так как его выяснение не требует каких-либо дополнительных изысканий. Действующий закон, в отличие от своего советского предшественника, не предусматривает права суда возбудить уголовное дело в обозначенном случае, допуская лишь выделение соответствующих материалов из рассматриваемого дела с последующим направлением их в органы предварительного расследования для принятия процессуального решения. Соответственно, с этой стороны обвинение действительно ограничивает судебное рассмотрение и определяет действия и решение суда. Однако этого недостаточно для того, чтобы утверждать, что государственное обвинение в суде выступает как движущая сила.

Что касается того, связывает ли обвинение сам суд, рассматривающий дело по существу, то, как известно, суд практически не ограничен в возможности изменения обвинения в сторону улучшения, хотя закон и обязывает его принимать такое решение по результатам исследования доказательств в ходе судебного следствия (ст. 252 УПК РФ).

Но, с другой стороны, и запрет для суда изменять обвинение в худшую для обвиняемого сторону, предусмотренный ст. 252 УПК РФ, в настоящее время не только не является безусловным, но и фактически подрывается крайне широким судебским усмотрением по возвращении уголовного дела прокурору, которое, как сказано выше, распространяется и на случаи с необходимостью вменения более тяжкого обвинения. Суд имеет полное право, а если отталкиваться от логики Конституционного Суда¹ — и обязанность, отреагировать в случае выяснения обстоятельств, указывающих на признаки более тяжкого преступления, по сравнению с квалификацией, обозначенной в обвинительном заключении, акте, задевствовав институт возвращения уголовного дела прокурору.

Таким образом, в том, что касается пределов судебного разбирательства, их определяет не обвинение, а формально интересы всестороннего,

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П/2013. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.11.2024).

полного и объективного исследования обстоятельств дела, а по сути, публичный интерес.

Третья характеристика отсылает нас к праву прокурора на отказ от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Отказавшись от правила, позволявшего суду продолжить судебное разбирательство при несогласии с позицией прокурора об отказе от обвинения, действовавшего в УПК РСФСР 1960 г., законодатель в УПК РФ установил обязанность суда при таком развитии событий принять решение о прекращении уголовного дела. Подобный исход рассмотрения уголовного дела соответствует известной базовой установке состязательной формы процесса о том, что нет процесса без иска (*peto iudex sine actore* — нет истца, нет и суда).

Мы утверждаем, что в столь жестком варианте оно действовало относительно недолго, и в настоящее время суд практически не связан отказом обвинителя от обвинения. Наше убеждение основывается на том, что указанные правила нужно соотносить с позициями высших судебных инстанций, а здесь все не так однозначно.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2003 г. предусмотрел ряд ограничительных факторов, позволяющих при необходимости не просто проверить законность и обоснованность такого решения, но и достаточно легко его нейтрализовать. Так, отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а принятое по его итогу судебное решение может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию¹.

Как видим, Конституционный Суд, во-первых, фактически нейтрализовал ч. 9 ст. 246 УПК РФ, отменив запрет на обжалование судебного решения, принятого ввиду отказа прокурора от обвинения, а во-вторых, ввел новое основание пересмотра итогового судебного решения, «сигнализируя» государственному обвинителю о «дамокловом мече», висящем над прокурором, решившимся на такой отказ.

Конечно, здесь можно возразить, что суд все равно будет обязан прекратить уголовное дело,

если прокурор откажется от обвинения, не побоявшись возможного обжалования, но представляется, что это не так. Верховный Суд Российской Федерации хоть и указывает на то, что отказ государственного обвинителя от обвинения предопределяет принятие судом решения, но при этом уточняет, что такое решение суд может принять только «после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя»². Представляется, что здесь высшая судебная инстанция предписывает судам не автоматический порядок принятия итогового решения ввиду отказа прокурора от обвинения, как это формально предусмотрено законом, а жестко связывает его с выполнением определенных процедур.

Если же прокурор все-таки настаивает на своей позиции и суд первой инстанции даст на нее согласие, то и в этом случае такое решение может быть отменено в рамках судебного обжалования. Согласно позиции Конституционного суда, на вышестоящего прокурора возлагается обязанность по исправлению обнаруженных отступлений от требований закона, в том числе незаконное решение об отказе прокурора от обвинения, если при поддержании обвинения в суде не были обеспечены публичные интересы³, а сама позиция прокурора в апелляционной инстанции об отмене приговора и оправдании лица за отсутствием состава преступления не является для суда обязательной и не влечет таких же последствий, как отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции⁴.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

³ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Данилы Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1744-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

⁴ См.: По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

Все это позволяет нам утверждать, что фактически ни суд первой инстанции при принятии итогового решения по уголовному делу, ни вышестоящие суды не связаны позицией государственного обвинителя, а отказ его от обвинения не является для суда обязательным. Публичный интерес в данном случае имеет приоритет над государственным обвинением.

На основании изложенного приходим к выводу, что обвинение не соответствует ни одному из четырех вышеприведенных критериев, за исключением нескольких частных аспектов, ввиду чего не может выступать в качестве движущей силы российского уголовного процесса.

1. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. Москва: Наука, 1971. 342 с.
2. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.
3. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва: Госюриздат, 1951. 511 с.
4. Власова С. В. Обвинение как главная деталь уголовно-процессуального механизма оказания уголовно-правового воздействия на преступность // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 128—130.
5. Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва: Право и Жизнь, 1927. 127 с.
6. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. Москва: Юриздат, 1939. 152 с.

Лапатников Максим Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
maks4@mail.ru

1. Savitsky V. M. State charge in court. Moscow: Nauka; 1971: 342. (In Russ.).
2. Strogovich M. S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1951: 191. (In Russ.).
3. Cheltsov M. A. Soviet criminal process. Moscow: Gosyurizdat; 1951: 511. (In Russ.).
4. Vlasova S. V. Accusation as the main detail of the criminal procedural mechanism to have a criminal legal impact on crime. Agrarian and land law, 128—130, 2022. (In Russ.).
5. Polyansky N. N. Essays on the general theory of the criminal process. Moscow: Pravo i Zhizn; 1927: 127. (In Russ.).
6. Strogovich M. S. Nature of the Soviet criminal process and the principle of adversarial nature. Moscow: Jurizdat; 1939: 152. (In Russ.).

Lapatnikov Maxim Vladimirovich,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
maks4@mail.ru

части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.13

**ОПТИМИЗАЦИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
В СВЯЗИ С ВЫПОЛНЕНИЕМ ИМИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ****Кристина Сергеевна Глухова,**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, krisglux@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью эффективного выстраивания системы безопасности участников уголовного процесса: тех, кто реализует властные функции, и частных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в различном качестве. В статье анализируется научная литература и положения законодательства Российской Федерации в целях выявления недостатков и определения возможностей совершенствования системы защиты властных субъектов уголовного процесса. В ходе исследования отмечается, что государственная защита судей и должностных лиц, служебные обязанности которых связаны с расследованием преступлений, совершенных организованными группами¹, рассмотрением в судебно-контрольном производстве возникающих при расследовании процессуальных вопросов, имеет особое значение не только для самих субъектов защиты, но и для общества в целом. К публичным целям реализации мер государственной защиты должностных лиц относится обеспечение сохранения тайны следствия, независимости и беспристрастности судей, т. е. обеспечение законности и правопорядка во всей стране. Вместе с тем законодательное регулирование государственной защиты должностных лиц, в отношении которых возникла вероятность наступления опасности в связи выполнением ими своих должностных обязанностей, требует совершенствования в части расширения перечня объектов защиты и перечня мер обеспечения безопасности.

Ключевые слова: государственная защита, должностные лица, правоохранительные органы, расследование преступлений

Для цитирования: Глухова К. С. Оптимизация мер обеспечения безопасности должностных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей при расследовании преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 155—161.

**OPTIMIZATION OF SECURITY MEASURES
FOR OFFICIALS PERFORMING OFFICIAL DUTIES,
WHILE INVESTIGATING CRIMES****Kristina Sergeyevna Glukhova**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, krisglux@yandex.ru

Abstract. The topical nature of the research is due to the need to effectively form the security system of participants in the criminal process; those who realize power functions, and individuals involved in criminal proceedings in various roles. The article analyzes the scientific literature and the provisions of the legislation of the Russian Federation in order to identify the shortcomings and determine the possibilities to improve the system of protection for subjects of the criminal process being in power. In the course of the research, it is noted that the state protection of judges and officials whose official duties involve investigating crimes committed by organized groups, trying the procedural issues arising during the investigation; is of particular importance not only for the subjects of the protection, but also for the society as a whole. The public goals to realize state protection measures for officials include ensuring to keep secrets of the investigation, independence and impartiality of judges, that is, ensuring the rule of law and law and order in the whole country. At the same time, the legislative regulation of the state protection for officials being in probable danger, while performing their duties, requires improving in terms of expanding the list of protection objects and the list of security measures.

¹ С учетом научных интересов автора настоящей статьи в данной работе рассматриваются исключительно вопросы обеспечения безопасности должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность в досудебном производстве по уголовным делам.

© Глухова К. С., 2025

Key words: state protection, officials, law enforcement agencies, investigation of crimes

For citation: Glukhova K. S. Optimization of security measures for officials performing official duties, while investigating crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 155—161, 2025. (In Russ.).

Правоохранительные органы играют важную роль в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств. К их числу относятся органы предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности, органы прокуратуры и суд, работа которых связана с повышенными рисками. Так, согласно данным судебной статистики за первое полугодие 2024 г., судами общей юрисдикции осуждено 3 733 лица за применение насилия в отношении представителя власти и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов¹. В 2022² и 2023³ гг. аналогичный показатель составил соответственно 8 282 и 7 931 лицо.

Для того чтобы должностные лица указанных органов могли выполнять свои функции надлежащим образом, они и их близкие должны быть надежно защищены. Состояние защищенности терминологически в науке сопоставляется с безопасностью — обстановкой, в которой различного рода угрозы не доходят до своего логического завершения. Как отмечает Д. С. Соколов, безопасность — это некое состояние объекта или субъекта, при котором всевозможные угрозы в отношении него либо вовсе не зарождаются, либо нейтрализуются на начальных стадиях [1, с. 23].

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2024 года. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 19.02.2025).

² См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 19.02.2025).

³ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 19.02.2025).

В работе «Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве» А. А. Дмитриева использует термин «безопасность» в контексте участия личности в уголовном судопроизводстве. В данном исследовании безопасность понимается как состояние, при котором участник уголовного судопроизводства не подвергается угрозам, преследованию, насилию или другим действиям, которые могут негативно повлиять на его физическое или психологическое благополучие. Безопасность А. А. Дмитриева также связывает со справедливостью уголовного судопроизводства. Обеспечение безопасности позволяет защитить права и интересы участников, связанные со свободным выражением мнения, оказанием содействия в раскрытии истины и достижении правосудия без страха или преследования [2, с. 27].

Такое толкование понятия «безопасность» применительно и к сотрудникам правоохранительных органов и их близким, которых государство стремится оградить от опасности, способной возникнуть или возникающей в силу осуществления сотрудниками правоохранительной деятельности. Для этого создан специальный механизм, включающий в себя организационно-правовое, кадровое, ресурсное и методическое обеспечение. Среди звеньев данного механизма особое место отводится мерам государственной защиты должностных лиц правоохранительных органов, приобретающим остроту и актуальность, когда речь идет о расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Отдельные исследователи считают, что институт государственной защиты названных лиц является ответной реакцией государства, обеспечивающей защищенность тех, кто в силу своей профессиональной деятельности подвергается повышенной опасности, исходящей от криминальных элементов [3, с. 93]. Под мерами государственной защиты Е. А. Усачева предлагает понимать совокупность мер, применяемых в отношении лиц, чья служебная деятельность сопряжена с посягательствами на безопасность жизни, здоровья и имущества, сущность которых заключается в обеспечении состояния защищенности этих лиц и их близких, а также в создании условий, при которых исключено нарушение порядка функциони-

рования органов государственного управления [4, с. 41—42] (в частности, правоохранительных органов).

При перечислении объектов государственной защиты законодатель в Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹ (далее — Закон № 45-ФЗ) не называет целей такой защиты. Данный закон в качестве единственной цели обозначает саму государственную защиту судей, должностных лиц правоохранительных органов и некоторых иных категорий субъектов.

Вместе с тем, не умаляя ценности жизни, здоровья, имущества и достоинства всех граждан в целом, в том числе осуществляющих в качестве профессиональной правоохранительную деятельность, следует отметить, что в рамках уголовного судопроизводства названные объекты охраны и защиты применительно к судьям и должностным лицам правоохранительных органов приобретают особую значимость. В тех же ситуациях, когда речь идет о противодействии лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также об организованной преступности, важность обеспечения защиты сотрудников следственных и судебных органов существенно возрастает. При этом нужно учитывать, что в организованные группы нередко вступают представители власти, занимающие высокие должностные посты, которые с использованием своего служебного положения без особых затруднений могут оказывать психологическое воздействие на лиц, участвующих в расследовании преступлений и в рассмотрении уголовных дел.

Государственная защита должностных лиц, нуждающихся в обеспечении безопасности в связи с выполнением ими служебных обязанностей при расследовании преступлений, необходима для достижения следующих целей:

1) обеспечение независимости и беспристрастности должностных лиц: следователи, дознаватели, прокуроры и судьи, задействованные в расследовании преступлений и разрешении процессуальных вопросов в рамках судебно-контрольных процедур, должны быть независимы от других го-

сударственных органов и отдельных лиц, чтобы принимаемые ими решения были справедливыми, объективными и законными. Однако, например, при задержании хотя бы одного из участников криминального образования организованные группы могут оказывать давление на перечисленных должностных лиц в целях предотвращения раскрытия деятельности всей группы. Подобные преступные образования имеют различные ресурсы для оказания давления, а потому государственная защита направлена на предотвращение попыток такого воздействия;

2) обеспечение безопасности должностных лиц и их близких: для оказания давления на должностных лиц преступники и их сообщники могут прибегать к физическому или психологическому насилию в отношении этих лиц либо их близких. Государство помогает защитить их от посягательств на жизнь, здоровье и имущество;

3) сохранение тайны следствия: для выстраивания эффективной системы противодействия следствию преступники и их сообщники могут применять физическое и психологическое насилие в отношении следователя (дознателя), прокурора или судьи, чтобы получить от них конфиденциальную информацию о ходе следствия, планируемых мероприятиях или о свидетелях, на показаниях которых строится обвинение. Государственная защита должностных лиц способствует предотвращению фактов разглашения подобных сведений;

4) противодействие коррупции: государственная защита судей ограничивает возможность коррупционного взаимодействия участников преступной группы с должностными лицами, тем самым данный механизм служит одним из инструментов борьбы с коррупцией в правоохранительной деятельности;

5) уважение к сотрудникам правоохранительных органов и судебной власти: обеспечение государственной защиты должностных лиц, участвующих в расследовании преступлений и разрешении процессуальных вопросов в рамках судебно-контрольных процедур, свидетельствует об уважении к деятельности этих лиц, признании ее значимости для общества.

В настоящее время положения законодательства не в полной мере отвечают целям государственной защиты судей и должностных лиц правоохранительных органов. Исходя из смысла ст. 14 Закона № 45-ФЗ, для применения мер государственной защиты необходимо наличие заявления предлагаемого к защите лица либо его согласие.

¹ См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон № 45-ФЗ от 20.04.1995 (ред. от 25.12.2023) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 08.02.2025).

Однако отсутствие заявления или согласия должностного лица, в адрес которого поступают угрозы, может привести к разглашению тайны следствия или нарушению принципов законности уголовного судопроизводства, независимости судей [5, с. 160].

Учитывая цели государственной защиты должностных лиц, вовлеченных в расследование преступлений и разрешение процессуальных вопросов в рамках судебно-контрольных процедур, целесообразно изменить механизм принятия решения о применении мер безопасности. В частности, при наличии заявления председателя суда, руководителя органа предварительного расследования, а также оперативной информации об угрозе безопасности судей и иных должностных лиц правоохранительных органов, участвующих в указанном производстве, решение о применении мер безопасности должно приниматься независимо от согласия самого защищаемого лица в случаях, не терпящих отлагательства. На наш взгляд, формальный аспект в виде письменного согласия лица, чья жизнь находится под реальной угрозой, не должен быть препятствием для принятия экстренных мер по защите жизни таких субъектов, что особенно актуально в условиях криминального противодействия преступников и их сообщников.

Специфика реализации мер обеспечения безопасности в отношении должностных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей при расследовании и рассмотрении уголовных дел включает в себя несколько основных аспектов.

1. Определение лиц, нуждающихся в защите.

В первую очередь необходимо определить перечень должностных лиц, которые могут быть подвержены давлению или угрозам со стороны представителей криминалитета. К таковым могут относиться лица, непосредственно осуществляющие предварительное расследование, руководитель следственного органа или органа дознания, прокуроры, судьи и другие лица, выполняющие служебные обязанности в рамках производства по уголовным делам.

2. Разработка и реализация мер безопасности.

Для обеспечения защиты вышеуказанных лиц, как правило, реализуется комплекс мер, направленных на предотвращение угроз их жизни, здоровью, имуществу и репутации¹. Система мер

¹ В законе упоминается о репутации защищаемого должностного лица как о ценности, которая подлежит государственной защите наряду с его жизнью, здоровьем и имуществом. Однако полагаем, репутация для указанных субъектов составляет значимый ас-

государственной защиты судей и должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов от посягательств на их безопасность в связи с осуществлением функций отправления правосудия и борьбы с преступностью устанавливается Законом № 45-ФЗ.

К таким мерам законодатель относит:

1. Личную охрану, охрану жилища и имущества (ст. 6):

— обеспечение физической защиты (установка охранной и противопожарной сигнализации, а также видеонаблюдения по месту работы и проживания, сопровождение на работу и с работы);

— изменение номеров телефонов и государственных регистрационных знаков транспортных средств, используемых лицами, которые находятся под защитой.

2. Выдачу оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности (ст. 7):

— выдачу служебного или боевого оружия защищаемым лицам, если они не имеют права на ношение и хранение оружия в соответствии со своим должностным положением, осуществляемую в порядке, утвержденном постановлением Правительства РФ от 17 июля 1996 г. № 831²;

— выдачу специальных средств индивидуальной защиты: одежды, обуви, перчаток, масок, бронежилетов, электрошокеров, газовых баллончиков и других предметов, которые способны обеспечить защиту от физических, химических, биологических и других видов угроз;

— выдачу специальных средств оповещения об опасности, т. е. устройств, предназначенных для быстрой передачи информации о наличии угрозы или опасности.

Следует отметить, что по сравнению с мерами государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренными Федеральным законом от 20 ав-

пект их общественной и служебной деятельности. Удар по репутации может быть использован в качестве рычага воздействия при шантаже должностных лиц. Поэтому данная ценность, по нашему убеждению, также подлежит защите, о чем будет сказано далее.

² См.: О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите: постановление Правительства РФ от 17.07.1996 (ред. от 14.04.2022) № 831 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11104/ (дата обращения: 08.02.2025).

густа 2004 г. № 119-ФЗ¹ (далее — Закон № 119-ФЗ), в перечне мер, применяемых в отношении должностных лиц суда, правоохранительных и контролирующих органов, согласно Закону № 45-ФЗ, отсутствует указание на выдачу средств связи (например, сотовых телефонов или радиоприборов), упоминаются только средства оповещения об опасности. Однако в постановлении Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — ПП РФ № 630) и в Законе № 119-ФЗ указаны *и средства связи, и средства оповещения об опасности*². Такой подход к реализации мер госзащиты по Закону № 119-ФЗ видится нам верным и перспективным с точки зрения установления аналогичного подхода в отношении защищаемых лиц по правилам Закона № 45-ФЗ. Необходимо внести соответствующие коррективы в *сам федеральный закон*, так как похожего постановления для защищаемых лиц по правилам Закона № 45-ФЗ не предусмотрено. Использование в текстах упомянутого ПП РФ № 630 и Закона № 45-ФЗ двух разных терминов свидетельствует о том, что они имеют разное значение, а устройства, ими именуемые, имеют разный функционал. Их отождествление означает неверное толкование норм права, что не отвечает задаче четкого нормативного регулирования мер безопасности. Нужно также учитывать, что телефон и радиоприбор могут предоставляться защищаемому лицу не только для оповещения, но и для выхода на связь по иным причинам (например, для оповещения о необходимости прибыть в определенное место и т. п.).

Таким образом, целесообразно внести изменения в ст. 5, 7 Закона № 45-ФЗ, дополнив их указанием о предоставлении защищаемым должност-

ным лицам и их близким специальных средств связи. Предлагаем изложить:

— п. 2 ст. 5 Закона № 45-ФЗ в следующей редакции: *«2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты, средств связи и оповещения об опасности;»*;

— название и ч. 1 ст. 7 Закона № 45-ФЗ следующим образом:

«Статья 7. Выдача оружия, средств связи, средств оповещения об опасности и специальных средств индивидуальной защиты.

С учетом степени угрозы для жизни и здоровья защищаемых лиц органы, обеспечивающие безопасность, могут выдавать указанным лицам оружие, в том числе служебное или боевое, специальные средства индивидуальной защиты, средства связи и оповещения об опасности.»

3. Временное помещение в безопасное место (ст. 8) — переселение защищаемого лица на новое место жительства на время наличия угрозы с предоставлением ему психологической поддержки;

4. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе (ст. 9) — защита персональных данных и информации о личности защищаемого лица.

5. Перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы, переселение на другое место жительства (ст. 10) — в отличие от временного помещения в безопасное место данная мера, по мнению отдельных исследователей, предполагает полное прекращение старых социальных связей с родственниками и всем близким окружением [4, с. 33].

6. Замену документов, изменение внешности (ст. 11) — самую радикальную меру, так как замена документов, удостоверяющих личность, и иных документов, связанных с анкетными данными, а также изменение внешности защищаемого лица фактически приводят к появлению новой личности.

В научной литературе встречается мнение, что перечень мер защиты следует дополнить контролем и записью телефонных и иных переговоров, проведением фотографирования, осуществлением аудио- и видеозаписи [6, с. 56]. Например, посредством контроля телефонных переговоров можно узнать не только о поступлении очередных угроз в адрес должностного лица, но и об их содержании, что в некоторых случаях позволит предотвратить реализацию этих угроз либо принять решение о необходимости применения других мер государственной защиты. Кроме того, ценным

¹ См.: О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 08.02.2025).

² См.: Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: постановление Правительства РФ от 27.10.2006 № 630 (ред. от 10.07.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63567/ (дата обращения: 08.02.2025).

с точки зрения обеспечения безопасности видится и получение информации о соединении с абонентами и абонентскими устройствами. Однако подобные действия регламентированы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ для нужд доказывания, а не для обеспечения безопасности, что актуализирует проблему разработки научно обоснованных предложений по регламентации указанных действий в качестве мер безопасности.

Следует также отметить, что современное общество отличается высоким уровнем цифровизации. Различные электронные и цифровые средства используются в самых разнообразных сферах деятельности (как законных, так и преступных). С одной стороны, процессы цифровизации существенно упрощают работу многих структур, в том числе правоохранительных органов. С другой — цифровые технологии могут быть использованы лицами, желающими оказать давление на судей и должностных лиц, задействованных в расследовании уголовных дел. Это особенно актуально при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными группами.

Не во всех случаях от представителей преступного мира поступают угрозы жизни, здоровью или имуществу должностных лиц. Могут быть затронуты их честь, достоинство и деловая репутация, на что, однако, не обращается внимание в Законе № 45-ФЗ. Вместе с тем распространение сведений о личной жизни должностного лица или ложной информации, порочащей его честь, достоинство и репутацию, может использоваться как средство шантажа, оказывающее не меньшее давление, чем угроза жизни, что влияет на законность и обоснованность принимаемых решений.

Исходя из этого, целесообразно включить в круг объектов государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов их честь, достоинство и деловую репутацию. Подобное расширение потребует изменения и перечня мер государственной защиты. Например, в качестве таковой может быть назван регулярный мониторинг и быстрое удаление из сети Интернет информации о частной жизни должностного лица, а равно порочащей его честь и достоинство. Как видится, существующие механизмы

поиска и удаления таких сведений из сети Интернет не отвечают целям государственной защиты правоохранителей. Принятие соответствующего судебного решения и его исполнение уполномоченными органами требуют продолжительного времени, в течение которого судья или должностные лица правоохранительных органов могут пойти на уступки преступникам, чтобы избежать неблагоприятных для себя последствий. Данная проблема нуждается в дополнительном нормативном регулировании, однако важно само обозначение существующих угроз защищаемым лицам.

Подводя итог изложенного, можно сделать следующие выводы.

По данным криминальной статистики, лица, обладающие служебными полномочиями, связанными с раскрытием, расследованием преступлений и рассмотрением уголовных дел, остро нуждаются в применении к ним мер государственной защиты.

Государственная защита судей и должностных лиц, участвующих в расследовании преступлений, осуществляется в целях обеспечения их независимости и беспристрастности, безопасности указанных лиц и их близких; сохранения тайны следствия; противодействия коррупции.

В связи с широкой цифровизацией общества в качестве объектов, которые подлежат государственной защите, необходимо указать не только жизнь, здоровье и имущество судей и должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, но и их честь, достоинство, репутацию.

Следует внести изменения в ст. 7 Закона № 45-ФЗ, дополнив ее указанием о предоставлении защищаемым должностным лицам и их близким специальных средств связи. Кроме того, нужно разработать и включить в перечень меры, которые будут направлены на быстрое реагирование на факты распространения информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию должностных лиц.

Необходимость рассмотреть вопрос о возможности применения мер государственной защиты судей и сотрудников правоохранительных и контролирующих органов, задействованных в расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, независимо от согласия указанных должностных лиц.

1. Соколов Д. С. Основания и уголовно-процессуальные процедуры государственной защиты участников уголовного судопроизводства

1. Sokolov D. S. The foundations and criminal procedural measures of state protection for participants in criminal proceedings by the prosecution.

ва со стороны обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 233 с.

2. Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 52 с.

3. Кодзов А. Б., Масейчук Ю. М. Анализ уголовно-правовых мер обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Юрист-Правоведъ. 2020. № 1 (92). С. 92—95.

4. Усачева Е. А. Уголовно-правовое обеспечение мер безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 223 с.

5. Бочкарева Е. В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 156—162.

6. Хисматуллин Р. С. Актуальные проблемы совершенствования государственной защиты судей и должностных лиц правоохранительных органов // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. № 1. С. 54—57.

Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2018: 233. (In Russ.).

2. Dmitriyev A. A. Theoretical model of the safe participation of the individual in Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 52. (In Russ.).

3. Kodzov A. B., Masyeichuk Yu. M. Analysis of criminal legal measures to ensure the security of persons subject to state protection. Jurist-Pravoved, 92—95, 2020. (In Russ.).

4. Usacheva Ye. A. Criminal legal security measures applied to officials of law enforcement and controlling bodies. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2023: 223. (In Russ.).

5. Bochkareva Ye. V. Organized crime as a form of self-determination of crime. Topical problems of Russian law, 156—162, 2019. (In Russ.).

6. Khismatullin R. S. Topical problems to improve the state protection of judges and officials of law enforcement bodies. Topical problems of law and state in the 21st century, 54—57, 2018. (In Russ.).

Глухова Кристина Сергеевна,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России,

krisglux@yandex.ru

Glukhova Kristina Sergeyevna,

associate adjunct

of the Volgograd Academy

of the Ministry of the Interior of Russia;

krisglux@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.2

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ
КАК МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В НОРМАХ ОБЩЕЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Султан Назирович Нанаев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
sultannanaev@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы реализации хулиганских побуждений как мотива преступления в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются свойства обстоятельств, отягчающих наказание, которые закреплены в ст. 63 данного кодекса. Приводятся последние изменения, внесенные законодателем в указанную правовую норму. Хулиганские побуждения исследуются на предмет соответствия научно обоснованным критериям обстоятельств, отягчающих уголовное наказание. Изучаются аспекты распространенности обозначенного мотива преступного поведения, официальная статистика преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, а также конкретные примеры правоприменительной практики судов общей юрисдикции и Верховного Суда Российской Федерации. Затрагивается вопрос повышения степени общественной опасности при наличии в совершенном преступлении хулиганского мотива. Выдвигается предложение по реализации данного мотива преступления в Общей части уголовного закона путем его включения в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство, мотив, нормативный акт, общественный порядок, хулиганство, хулиганские побуждения, отягчающее обстоятельство

Для цитирования: Нанаев С. Н. Проблемы реализации хулиганских побуждений как мотива преступления в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 162—167.

**PROBLEMS TO REALIZE HOOLIGAN INDUCEMENT
AS A MOTIVE FOR CRIME IN THE CONTEXT OF NORMS
OF THE COMMON PART OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Sultan Nazirovich Nanayev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
sultannanaev@gmail.com

Abstract. This article: deals with the problems to realize hooligan inducement as a motive for crime in the context of norms of the Common part of the Criminal Code of the Russian Federation; analyzes the properties of circumstances to aggravate the punishment fixed in Art. 63 of the mentioned code; demonstrates the last changes made by the legislator to the specified legal norm.

The author: examines hooligan inducement to comply it with the scientifically based criteria for circumstances to aggravate criminal punishment; researches aspects of the prevalence of the designated motive for criminal behavior, official statistics of crimes committed as a result of hooligan inducement, as well as specific examples of law enforcement practice of courts of general jurisdiction and the Supreme Court of the Russian Federation; touches upon the issue to increase the public danger degree in the presence of hooligan inducement in a crime committed; proposes to realize this inducement of a crime in the common part of the criminal law by its introduction in Art. 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: legislation, motives, normative act, public order, hooliganism, hooligan inducement, aggravating circumstance

For citation: Nanayev S. N. Problems to realize hooligan inducement as a motive for crime in the context of norms of the Common part of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 162—167, 2025. (In Russ.).

В Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет активно происходит совершенствование уголовного законодательства с учетом меняющейся уголовной политики, о чем свидетельствуют привносимые изменения как в Общую часть, так и Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Справедливость наказания, особенно уголовного, является базовой необходимостью на пути построения правового государства. Данная справедливость достигается различными правовыми средствами, одно из которых — индивидуализация уголовной ответственности, которая обеспечивается в том числе расширением закрытого перечня обстоятельств, отягчающих наказание.

Так, обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ в качестве отягчающих уголовное наказание, с учетом социальной обусловленности могут дополняться законодателем. К примеру, в 2022 г. в указанный перечень добавлено новое обстоятельство — п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ — совершение преступления «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий»¹. Между тем были случаи исключения отягчающих обстоятельств из указанного перечня. Так, с учетом дискриминационного аспекта сотрудников органов внутренних дел перед иными сотрудниками правоохранительных органов, законодатель признал утратившим силу п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ².

В научных кругах выдвинуты предложения по нормативному закреплению в уголовном законе определения обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание. В частности, С. П. Донец, указывая на необходимость соответствующего

изменения УК РФ, полагает, что данные обстоятельства субъективного и объективного порядка не относятся к признакам состава преступления, влияют на степень общественной опасности преступления и совершившего его лица или характеризуют исключительно личность виновного, обладают значительностью влияния, что существенно увеличивает либо уменьшает объем уголовной ответственности и строгость наказания [1].

По справедливому замечанию В. Ф. Лапшина и Н. Н. Кемовой, как в научных текстах, так и в нормативных и судебных актах имеет место смешение понятий «обстоятельство, отягчающее наказание» и «квалифицирующий признак» состава преступления [2]. Л. Л. Кругликов характеризует данное явление как сбой в законодательной технике [3]. На наш взгляд, содержание и цели указанных категорий уголовного права идентичны и заключаются в повышении степени общественной опасности преступления и ужесточении наказания при их наличии в конкретном совершенном деянии. Исходя из этого, ряд исследователей, в частности Т. П. Русакова, предлагают создание единого перечня обстоятельств, отягчающих наказание, в нормах Общей части УК РФ, что позволит снять вопрос необходимости их включения в качестве квалифицирующих признаков в составы преступлений, изложенных в Особенной части УК РФ [4].

Основные критерии вышеуказанных обстоятельств и их отличительные особенности сформулированы С. П. Пилипенко, которая к их числу относит в первую очередь распространенность, а также обязательность, определенную направленность влияния и существенную вредоносность. Вместе с тем она указывает на необходимость применения понятия «отягчающие обстоятельства» исключительно для перечня, закреплённого в нормах Общей части УК РФ — в ст. 63 УК РФ. По справедливому замечанию автора, признаки преступления (часто именуемые как «отягчающие обстоятельства»), расположенные во второй и последующих частях статей Особенной части УК РФ, по сути своей влекут более строгое наказание, так как их наличие обуславливает разновидность конкретного преступления. В связи с этим указанные признаки следует именовать как специальные, квалифицирующие или привилегиирующие [5]. Данная позиция достаточно обоснованна, и на наш взгляд, с точки зрения нормотворчества и законо-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.12.2024).

² О признании утратившим силу пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.12.2024).

дательной техники различия междуотягчающими обстоятельствами, указанными в ст. 63 УК РФ, и теми, которые указаны в квалифицированных составах преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, сводятся к тому, что первые влияют на наказание в рамках установленной санкции соответствующей части статьи УК РФ, а наличие вторых автоматически детерминирует более строгое наказание в пределах уже квалифицированной части (второй и последующих) статьи УК РФ.

Один из признаков состава преступления, который является отягчающим обстоятельством в указанной норме уголовного закона, — мотив преступления. В настоящее время в нормативно закреплённом перечне прямо указан только один мотив — так называемый экстремистский (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), к этому перечню можно также отнести месть за правомерные действия других лиц (п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Полагаем, что, с учетом вышеизложенного, наиболее актуальным мотивом преступления, заслуживающим научного и законодательного внимания на предмет его реализации в нормах Общей части УК РФ как обстоятельства, отягчающего наказание, являются хулиганские побуждения.

Перед обоснованием необходимости включения хулиганского мотива в указанный перечень стоит определиться с его содержанием. Для однозначного понимания того, какие именно действия относятся к хулиганству, а какие — к действиям, совершаемым по хулиганским побуждениям, необходимо рассмотреть и разграничить эти понятия.

О. П. Павлов считает, что хулиганский мотив по своему содержанию разнообразен и указывает на отсутствие выработанного механизма по его выявлению, что неизбежно влечет ошибки правоприменителей при рассмотрении конкретных уголовных дел [6].

По мнению Ю. М. Антоняна, хулиганский мотив — фактор, который неосознанно побуждает человека к определенному поведению на основе двух потребностей: защита от возможной внешней угрозы либо демонстрация собственного «Я» — Эго [7].

Хулиганство — грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Определение хулиганства является нормативным и закреплено в ст. 213 УК РФ. По мнению законодателя, данное преступление может совершаться не только по хулиганскому мотиву,

но и по другим: расовая, религиозная, национальная и другие разновидности ненависти или вражды.

Содержание хулиганских побуждений указано в акте судебного толкования Верховного Суда Российской Федерации и заключается в совершении деяния с использованием незначительного повода или вообще без его наличия¹.

Преступление, закреплённое в ст. 213 УК РФ, имеет сходство с иными преступлениями, совершаемыми по хулиганскому мотиву, и выражается в беспричинности деяний (т. е. преступление не имеет какого-либо повода для его совершения). Исходя из соотношений вышеуказанных определений (нормативного — в случае с хулиганством и судебного — в случае с хулиганскими побуждениями), можно сделать вывод, что хулиганский мотив обладает лишь частью признаков хулиганства.

Полагаем, что изложенное ранее судебное толкование хулиганских побуждений является чрезмерно узким, поскольку, на наш взгляд, их содержание не исчерпывается одной лишь беспричинностью деяния, в качестве побудительных мотивов оно основано на желании противопоставления себя обществу и пренебрежении установленным им нормам.

Данная позиция находит свое подтверждение в судебной практике, в том числе самого Верховного Суда Российской Федерации. Так, в порядке надзорного производства Судебной коллегией по уголовным делам 18 августа 2010 г. вынесено определение на приговор Приморского краевого суда от 21 августа 2003 г., которым гр. П. осужден за ряд совершенных преступлений, в числе которых пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия, изучив материалы дела, приняла решение о необходимости изменения указанного приговора в части исключения мотива, предусмотренного п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку его обоснование сводилось лишь к незначительности повода для убийства. Надзорная инстанция, исключая хулиганские побуждения из квалификации совершенного деяния, указала, что виновный, действуя по хулиганскому мотиву, исходит из явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, руководствуется

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.12.2024).

желанием демонстрации пренебрежительного отношения к окружающим, что по данному делу не установлено¹.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что дополнительным объектом преступления, совершенного по исследуемому мотиву, выступает общественный порядок. На тесную взаимосвязьотягающих наказание обстоятельств с объектом преступления обращал внимание В. В. Мальцев, указывавший, что в пп. «б», «е», «ж», «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ отражено содержание объектов уголовно-правовой охраны [8].

Рассматривая вопрос необходимости включения исследуемого мотива преступного деяния в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, стоит отметить, что хулиганские побуждения отвечают основным научно обоснованным критериям (в некоторых работах именуемым свойствами), предъявляемым к таковым научным сообществом.

Выдвигаемые указанными исследователями критерии обязательности, определенной направленности и значительности влияния обстоятельств, отягчающих наказание, на наш взгляд, являются производными от двух их основных свойств — распространенности и способности повышения степени общественной опасности.

Исследуя критерий распространенности рассматриваемого мотива преступления, в первую очередь необходимо обратиться к данным официальной статистики. Непосредственное обозначение «из хулиганских побуждений» в статистических данных государственных органов указано только в отчетах Главного информационно-аналитического центра МВД России, который периодически на официальном интернет-ресурсе публикует сведения о состоянии преступности в России². Так, в перечне обнародованных сведений головного подразделения статистического учета системы МВД России термин «хулиганские побуждения» встречается только применительно к умышленному уничтожению (повреждению) имущества, совершенному путем поджога, коих только за 2024 г. зарегистри-

ровано 5 196. Вместе с тем одним из наиболее распространенных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, является заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), одним из составообразующих признаков которого является хулиганский мотив. Так, за 2024 г. преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, зарегистрировано 15 844. Отметим при этом, что в настоящее время хулиганский мотив закреплён ещё в девяти статьях Особенной части УК РФ, по которым статистика не приводится в официальных источниках. Таким образом, исходя из приведенных данных, отражающих только часть преступлений, совершенных по хулиганским мотивам, количество таких преступлений за 2024 г. составило 21 040. Для сравнения: за 2023 г. всех вместе взятых преступлений экстремистской направленности, мотив которых уже закреплён в перечне отягчающих обстоятельств (ст. 63 УК РФ), зарегистрировано только 1 340³, что более чем в 15 раз меньше зарегистрированных за тот же период преступлений, совершенных по хулиганскому мотиву.

Следующим основным критерием (свойством) обстоятельств, отягчающих наказание, является их способность повышения степени общественной опасности деяния, которую некоторые авторы, в частности С. П. Пилипенко, именуют существенной вредоносностью [5]. Это свойство указанных обстоятельств выражает их сущность и является, на наш взгляд, основным критерием, детерминирующим необходимость включения тех или иных обстоятельств в перечень нормативно закреплённых в ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Общественная опасность — основополагающий признак преступления, анализ которого в уголовно-правовой науке проводится регулярно и на протяжении длительного времени. Нам представляется обоснованной позиция Н. А. Егоровой, которая предлагает нормативное закрепление определения данного признака преступления, обозначая его (т. е. общественную опасность преступления и наряду с ним деяния лица, не подлежащего уголовной ответственности) как причинение существенного вреда или создание угрозы причинения такого вреда благам (социальным ценностям), предусмотренным в ч. 1 ст. 2 УК РФ [9].

¹ Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 августа 2010 г. № 56-Д10-32 // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 04.02.2025).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 04.02.2025).

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/?ysclid=m6rcilebef104040386> (дата обращения: 04.02.2025).

Степень общественной опасности преступления, являясь его количественным показателем, безусловно, может повышаться в зависимости от наличия в каждом конкретном деянии тех или иных факторов. В рассматриваемом случае хулиганские побуждения выступают именно в качестве фактора, обуславливающего его повышение.

Высокая социальная вредность лиц, совершающих преступления по хулиганским мотивам, отмечена в свое время классиком отечественной и мировой литературы А. М. Горьким, который к числу характеристик их личности относил расшатанность и тупость их чувственной сферы, требующей сильных раздражителей, что обуславливает их предрасположенность к половому противоестественному поведению, сладострастию и садизму [10].

Именуя лиц, совершающих преступления по хулиганским мотивам, термином «хулиганы», Ю. М. Антонын отмечает, что наиболее часто им присущ возбудимый тип личности [7]. Согласно исследованиям К. Леонгард, указанный тип личности отличается тем, что моральные устои не являются важным аспектом в их жизнедеятельности, им свойственно инициирование конфликтов по «пустячному поводу» [11, с. 90—91], что характерно для преступлений, совершаемых по исследуемому мотиву. Изложенная позиция подтверждается в том числе многочисленной судебной практикой, данные которой периодически публикуются в официальных источниках. Так, приговором Московского городского суда от 28 июля 2014 г. за совершение убийства из хулиганских побуждений к лишению свободы на срок 17 лет осужден гр. З., в ходе судебного следствия охарактеризованный свидетелями как «вспыльчивый человек, который мог завестись по любому, даже незначительному поводу». При даче оценки мотиву содеянного судом установлено, что гр. З. бросил открытый вызов общественному порядку и нормам морали, его действия совершены умышленно и реализованы на основе явного неуважения к обществу¹. В данном случае суд совершенно справедливо отразил содержание исследуемого мотива, не ограничиваясь «незначительностью» повода совершенного убийства.

Правоприменительная практика показывает, что наличие хулиганского мотива у виновного влечет увеличение срока уголовного наказания, а его исключение в ходе дальнейшего производства по делу влечет, соответственно, смягчение приговора. Данный тезис применим даже в тех случаях, когда лицо осуждается за особо квалифицированный состав преступления, который поглощает ту часть уголовно-правовой нормы, содержащей исследуемый мотив в качестве квалифицирующего признака. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела 5 июня 2007 г. в порядке надзорного производства Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 апреля 2004 г., которым гр. К. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к восьми годам лишения свободы. В приговоре сказано, что гр. К. совершил преступление из хулиганских побуждений. Исключая данный квалифицирующий признак из приговора как не нашедший своего подтверждения материалами уголовного дела, Судебная коллегия оставила неизменной квалификацию содеянного и одновременно, ввиду отсутствия исследуемого мотива, смягчила наказание, снизив срок лишения свободы до семи лет и трех месяцев².

Резюмируя изложенное, можем утверждать, что сущность хулиганских побуждений, выраженная в противопоставлении виновного общественным ценностям и нормам, сама по себе уже указывает на усиление степени общественной опасности деяния, совершенного по данному мотиву. Пренебрежение социумом в данном случае равно пренебрежению к правопорядку в целом, которое и установлено тем самым обществом. Распространенность такого поведения ставит значительные препятствия на пути построения правового государства, в связи с чем указанный мотив должен найти свое отражение в уголовном законе в перечнеотягчающих наказание обстоятельств.

¹ Приговор Московского городского суда от 28 июля 2014 г. // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт. URL: <https://m.mos-gorsud.ru/mgs/news/bb00af90-0512-4efa-bb3b-21db20a35fee> (дата обращения: 03.06.2024).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ по делу № 41-Д07-18 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=171700 (дата обращения: 04.06.2024).

1. Донец С. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 17 с.

2. Лапшин В. Ф., Кемова Н. Н. Хулиганские побуждения как обстоятельство, отягчающее уголовное наказание // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 4. С. 17—26.

3. Кругликов Л. Л. Отягчающие обстоятельства как ограничительное средство в российском уголовном праве // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2017. № 6. С. 3—12.

4. Русакова Т. П. Пути дальнейшего совершенствования советского уголовного права // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 181—182.

5. Пилипенко С. П. Институт обстоятельств, отягчающих наказание, в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 31 с.

6. Павлов О. П. Мотив в преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 383—385.

7. Антонян Ю. М. Хулиганство как мотив преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 94—101.

8. Мальцев В. В. Объект преступления в уголовном законодательстве и в теории уголовного права: постановка проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 136—145.

9. Егорова Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 8—14.

10. Горький А. М. Полное собрание сочинений. Москва: Наука, 1963. Т. 24. 220 с.

11. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Вища шк., 1981. 392 с.

1. Donets S. P. Mitigating and aggravating circumstances in criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2003: 17. (In Russ.).

2. Lapshin V. F., Kemova N. N. Hooligan inducement as a circumstance to aggravate criminal punishment. Bulletin of the Ugra State University, 17—26, 2023. (In Russ.).

3. Kruglikov L. L. Aggravating circumstances as a restrictive means in Russian criminal law. Topical problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technology), 3—12, 2017. (In Russ.).

4. Rusakova T. P. Ways of further improvement of the Soviet criminal law. In: Topical issues of law while improving the socialist society. Tomsk: Publishing house of the Tomsk University; 1989: 181—182. (In Russ.).

5. Pilipenko S. P. Institute of circumstances to aggravate punishment in criminal legislation (theoretical and applied analysis). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2007: 31. (In Russ.).

6. Pavlov O. P. Motive in crimes committed as a result of hooligan inducement. Business in law, 383—385, 2009. (In Russ.).

7. Antonyan Yu. M. Hooliganism as a motive for criminal behavior. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 94—101, 2017. (In Russ.).

8. Maltsev V. V. The object of crime in criminal law and in the theory of criminal law: the formulation of the problem. Science journal of VolSU. Jurisprudence, 136—145, 2010. (In Russ.).

9. Yegorova N. A. Public danger of crime: theory, legislation, judicial practice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 8—14, 2019. (In Russ.).

10. Gorky A. M. Complete collection of works. Moscow: Science; 1963: 220. (In Russ.).

11. Leongard K. Accented persons. Kyiv: Vishcha shkola; 1981: 392 (In Russ.).

Нанаев Султан Назирович,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России;

sultannanaev@gmail.com

Nanayev Sultan Nazirovich,

associate adjunct

of the Volgograd Academy

of the Ministry of the Interior of Russia;

sultannanaev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 08.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ
С ПРОВАЙДЕРАМИ УСЛУГ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ
ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Владислав Дмитриевич Халин

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, honjo33@gmail.com

Аннотация. Расследование легализации преступных доходов посредством информационно-телекоммуникационных технологий представляет собой сложный многоэтапный процесс, одним из основных аспектов которого является взаимодействие следственных подразделений МВД России с коммерческими организациями, ведущими деятельность в сфере размещения, оборота и управления платежными инструментами, представленными в виде виртуальных активов, в том числе цифровой валюты. Согласно результатам проведенного автором исследования, цифровая валюта является одним из наиболее распространенных объектов рассматриваемого преступления.

Важной формой рассматриваемого взаимодействия следственных подразделений МВД России с провайдерами услуг в сфере виртуальных активов является направление запросов в целях получения криминалистически важных сведений, свидетельствующих о событии преступления, личности преступника, возможном местонахождении легализуемых денег или иного имущества, а также информации о способах преодоления средств авторизации и аутентификации пользователей, предположительно причастных к совершению противоправного деяния.

Несмотря на важную роль данных, полученных в виде ответа на запрос в ходе расследования рассматриваемого вида преступления, судебно-следственная практика показывает, что сотрудниками следственных подразделений допускается ряд ошибок при составлении и направлении обращений провайдерам услуг в сфере виртуальных активов, что приводит к отказам в их удовлетворении, затягиванию сроков предварительного расследования и общему снижению качества его производства.

В статье рассматриваются тактические и организационные особенности формирования и направления таких запросов в процессе расследования преступления, существенные при направлении запроса.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, информационные технологии, взаимодействие, цифровые следы преступления, направление запроса, цифровая валюта, провайдеры услуг в сфере виртуальных активов

Для цитирования: Халин В. Д. Особенности взаимодействия следственных подразделений МВД России с провайдерами услуг в сфере виртуальных активов при расследовании легализации преступных доходов посредством информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 168—173.

**SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATIVE UNITS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
AND VIRTUAL ASSETS SERVICE PROVIDERS
WHILE INVESTIGATING LEGALIZATION OF MONEY LAUNDERING
BY MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGIES**

Vladislav Dmitriyevich Khalin

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, honjo33@gmail.com

Abstract. Investigating money laundering by means of information and telecommunication technologies is considered a complex multi-step process, one of the main aspects of which is the interaction between investiga-

tive units of the Russian Ministry of Internal Affairs and commercial organizations dealing with the placement, circulation and management of payment tools in the form of virtual assets, including digital currency. According to the author's conclusions, digital currency is one of the most widespread objects of the considered offence.

An important part of interaction between investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and virtual assets service providers is making inquiry on the crime event, the identity of the criminal, the possible location of the legalized money or other property; as well as information on the ways to prevent the means of user authorization and authentication, alleged to the crime committed.

In spite of the important role of the data in the form of a response to inquiry under the investigation of this crime, judicial and investigative practice suggests the presence of a number of mistakes, made by investigative officers in drafting and sending inquiries to virtual asset service providers; and it causes refusals to comply with their requests and appeals, delays in the preliminary investigation and a general lack of quality of its proceedings.

In this paper, tactical and organizational features to form and to file similar requests under the criminal investigation, relevant for the written request, are considered.

Keywords: money laundering, information technology, interaction, digital traces of crime, inquiry directed, digital currency, virtual asset service providers

For citation: Khalin V. D. Specifics of interaction between investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and virtual assets service providers while investigating legalization of money laundering by means of information technologies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 168—173, 2025. (In Russ.).

Эффективное расследование легализации доходов, полученных преступным путем, при помощи информационно-телекоммуникационных технологий предусматривает необходимость организации взаимодействия правоохранительных органов с провайдерами услуг в сфере виртуальных активов (далее — ПУВА) в целях идентификации пользователей цифровых кошельков и получения информации о проводимых финансовых операциях.

Как правило, приобретение и обмен криптовалют осуществляется на виртуальных торговых площадках — криптобиржах. Эти платформы выступают в качестве посредников для транзакций и подчиняются различным правилам, установленным международным законодательством в сфере противодействия легализации преступным доходам, таким как требования «Знай своего клиента» (KYC) и требования по борьбе с отмыванием денег (AML) [1].

Сотрудничество субъектов расследования с криптобиржами в рамках раскрытия и расследования преступлений может способствовать предоставлению правоохранительным органам информации о банковских счетах, используемых для проведения транзакций по обмену криптовалютой, IP-адресах пользователей в сети Интернет и иной персональной информации [2].

Несмотря на то что в России деятельность отдельных ПУВА не регулируется, они предоставляют правоохранительным органам информацию о владельцах цифровых финансовых акти-

вов и цифровой валюты. В МВД России уже сформирована практика получения информации у ПУВА по запросам на основании ч. 4 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Согласно данной норме провайдеры, зарегистрированные на территории Российской Федерации, обязаны предоставлять правоохранительным органам запрашиваемую ими информацию [3].

Отдельные крупные ПУВА, такие как Binance, а также ПУВА, зарегистрированные на территории дружественных государств, ведут законопослушную централизованную деятельность по обороту цифровой валюты, идентифицируют пользователей и в случае временного прекращения деятельности на территории Российской Федерации продолжают взаимодействовать с российскими правоохранительными органами в рамках предоставления сведений по официальным запросам. В то же время многие ПУВА находятся вне правового поля Российской Федерации, что дает им возможность игнорировать обращения, направленные следственными подразделениями МВД России, в случае если последние не придерживаются специально установленных правил некоторых ПУВА.

Процедура направления запроса в отношении иностранных юридических лиц, не имеющих представительств на территории Российской Федерации, четко регламентирована ст. 453 УПК РФ. Между тем при анкетировании и интервьюирова-

нии сотрудников следственных подразделений МВД России опрашиваемые отмечали, что взаимодействие с ПУВА в рамках запроса о правовой помощи не обеспечивает возможности эффективного расследования преступлений изучаемой категории. 65 % респондентов отметили долгий срок обработки и реализации запросов, 20 % указали на сложности взаимодействия с правоохранительными органами отдельных зарубежных стран.

Вместе с тем существует ряд систем международного сотрудничества, при помощи которых может осуществляться эффективное взаимодействие между следственными подразделениями МВД России и ПУВА. Большинство крупнейших провайдеров принимают запросы посредством системы электронных запросов для правоохранительных органов (Law Enforcement eRequest System, далее — LERS). Данная платформа представляет собой механизм взаимодействия крупных провайдеров виртуальных услуг и других организаций с органами власти. В LERS функционирует исключительно электронный документооборот, в связи с чем запросы на бумажных носителях остаются без рассмотрения. Данный сервис функционирует как в стране регистрации юридического лица, так и в зарубежных государствах.

При формировании запроса ПУВА через систему LERS по делам о легализации преступных доходов при помощи информационно-телекоммуникационных технологий следователю целесообразно запрашивать сведения об идентификаторе цифрового кошелька самого подозреваемого, а также его родственников и иных лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления; дате и времени создания цифрового кошелька; о количестве и статусе транзакций и иных финансовых операций, проводимых при помощи данного цифрового кошелька; о сумме вводимых и выводимых проверяемым лицом денежных средств и иного имущества (цифровых финансовых активов, цифровой валюты и централизованных денежных средств). Стоит подчеркнуть, что при составлении запроса необходимо в обязательном порядке указать, что лицо не должно быть уведомлено о поступившем запросе из правоохранительных органов или иным образом понять, что такой запрос поступил (например, путем приостановки или блокирования его транзакций или биткойн-кошелька) [4].

Крупные ПУВА, помимо общих сведений (регистрационных данных) о пользователе, хранят информацию обо всех устройствах, используемых для доступа к учетным записям таких площадок, цифровым кошелькам. В число подобных сведе-

ний входят технические характеристики устройства, включая марку, модель, конфигурацию, архитектуру аппаратного обеспечения, IP- и MAC-адреса устройств, а также геолокацию всех пользователей цифрового кошелька, прошедших авторизацию. Анализ полученных в рамках запроса сведений позволяет следователю сделать вывод о том, какие технические устройства использует злоумышленник, есть ли в действиях лица признаки использования криптомикшеров и тумблеров¹. На основании вышеуказанных данных можно выявить наиболее распространенные совпадения сетевых адресов, что позволит установить местонахождение легализованных или легализуемых денежных средств и личность злоумышленника.

Необходимо учитывать, что крупнейшие ПУВА, зарегистрированные на территории иностранных государств и находящиеся вне правового поля Российской Федерации, как правило, предъявляют особые требования к содержанию запросов, направленных иностранными правоохранительными органами. Эти требования представляют собой ряд общих положений, существенных для обработки запроса. Разные ПУВА выставляют свои списки критериев оценки запросов на предмет его обоснованности. В связи с этим обобщен и описан перечень значимых свойств запроса и требований, предъявляемых большинством крупных организаций, деятельность которых связана с оборотом цифровых финансовых активов и цифровой валюты (например, Binance, OKX, Bybit и др.). К ним относятся:

- 1) запрос должен быть составлен на официальном языке государства, в котором зарегистрирован провайдер в сфере виртуальных активов;
- 2) оформляется запрос на специализированном бланке с соответствующей номенклатурой и реквизитами уполномоченного субъекта;
- 3) запрос следует направлять в электронно-цифровой форме;
- 4) запрос должен быть направлен исключительно при помощи средств официального документооборота. Если такие средства не предусмотрены взаимоотношениями отдельных государств или их правоохранительными органами, следует использовать доменное имя, принадлежащее государственной структуре, направляющей запрос (например, официально зарегистрирован-

¹ Сервис, который распределяет криптовалютные транзакции между различными пользователями, обеспечивает сокрытие пути обмена и смешивание криптовалюты.

ный адрес электронной почты, принадлежащий ведомству);

5) при составлении запроса необходимо детально описать характеристики противоправного деяния со ссылкой на закрепленный в законодательстве источник, обстоятельства совершенного преступления, данные о потерпевшем и подозреваемом, а также сведения о причиненном ущербе;

6) в запросе нужно разъяснить цель обращения, сроки, в которые необходимо вынести решение, и ожидаемый результат.

7) запрос обязательно должен содержать реквизиты для обратной связи.

Для направления запроса посредством LERS необходимо придерживаться определенного алгоритма действий, предусматривающего конкретные условия отправки, принятия и обработки запросов. Данный алгоритм определен локальными нормативными правовыми актами ПУБА. Например, крупнейшая в мире биржа цифровой валюты Binance создала руководство для правоохранительных органов и представителей власти, которые в связи с осуществлением профессиональной деятельности хотят получить информацию от платформы¹. Срок исполнения запроса может отличаться в зависимости от того, какой ПУБА его обрабатывает. Так, крупнейшая в мире британская криптобиржа Binance устанавливает срок в 30 рабочих дней, но допускает его сокращение в случае достаточного обоснования направляющей стороной необходимости конкретного времени обработки запроса.

При составлении запроса необходимо учитывать особые условия конкретного ПУБА для предоставления информации, интересующей субъектов расследования. Например, ряд организаций в данной сфере в рамках системы LERS использует специально созданные сетевые адреса и электронные почтовые ящики для поступления обращений и их отработки в рамках взаимодействия с правоохранительными органами Российской Федерации и Республики Беларусь.

К недостаткам организации формы взаимодействия с использованием системы LERS можно отнести отсутствие императивности в реализации положений, указанных в запросе, а также обязательное уведомление владельца цифрового кошелька о предоставлении информации о его личности, состоянии и свойствах его активов. ПУБА,

рассматривая запросы иностранных правоохранительных органов, направленные через систему LERS, оставляют за собой право на полный или частичный отказ в удовлетворении поступившего обращения. В случае отклонения от предъявленных провайдером требований к направлению запроса обращение будет проигнорировано, а в отдельных случаях может быть подана жалоба в отношении лица или организации, направившей такой запрос.

В то же время крупнейшие ПУБА в руководствах для правоохранительных органов по взаимодействию через систему LERS² сообщают о том, что обязательным является уведомление лица, в отношении которого произведен запрос (как о его личности, так и имуществе). С точки зрения криминалистической тактики преждевременное получение подозреваемым или иным лицом сведений о поиске информации относительно его личности или имущества может создать ситуацию, при которой еще до удовлетворения запроса и выполнения действий по предоставлению данных или блокировке цифрового кошелька или счета все активы будут выведены с электронных кошельков. Направление подобного запроса предусматривает указание на недопустимость информирования лица, в отношении которого произведен запрос.

Согласно результатам проведенного интервьюирования сотрудников следственных подразделений МВД России и Федеральной службы по финансовому мониторингу, большинство запросов, направляемых посредством такой системы, удовлетворяются. В зависимости от иностранного государства, в чьей юрисдикции находится организация, в отношении которой был направлен запрос, правоприменительная практика разнится. В случае когда организация имеет представительство на территории Российской Федерации или дружественных стран, удовлетворяется абсолютное большинство запросов. Вместе с тем в ситуациях, когда юридические лица не представлены на территории Российской Федерации и входят в правовое поле стран, не поддерживающих стабильные

¹ Руководство для правоохранительных органов. URL: <https://www.binance.com/ru/support/law-enforcement/guidelines> (дата обращения: 05.08.2024).

² Руководство ОКХ по обработке запросов правоохранительных органов. URL: <https://www.okx.com/ru/help/okx-law-enforcement-request-guide> (дата обращения: 07.08.2024); Руководство для правоохранительных органов...; Руководство по запросам правоохранительных органов. URL: <https://www.kucoin.com/ru/announcement/ru-en-law-enforcement-request-guidelines> (дата обращения: 07.08.2024).

политические отношения с нашим государством, практика дифференцируется в каждом конкретном случае.

Из-за отсутствия единообразного подхода российских правоохранительных органов при взаимодействии с ПУБА посредством LERS на текущем этапе нельзя сделать однозначного вывода об эффективности такой координации в рамках расследования легализации преступных доходов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отсутствие должной правовой регламентации подобного способа взаимодействия оставляет нерешенными ряд спорных процедурных вопросов:

1. Какой уровень санкционирования необходим для направления следователем запроса посредством системы LERS?

2. Для направления запроса через систему LERS необходимо подтвердить личность направляющего запрос, его принадлежность к конкретному подразделению правоохранительного органа или органа власти и обосновать необходимость предоставления какой-либо информации или проведения действий с электронным кошельком или счетом. Могут ли быть направлены материалы уголовного дела, содержащие в себе конфиденциальную информацию, посредством системы LERS в иностранную организацию для подтверждения вышеуказанных данных?

Как было отмечено выше, алгоритм направления запроса в адрес иностранного юридического лица урегулирован ст. 453 УПК РФ. Однако по нашему мнению, направление обращения посредством системы LERS не относится к категории обращения за правовой помощью или же является отдельной его разновидностью. Кроме того, полномочиями по направлению такого обращения должен быть наделен руководитель следственного подразделения, что позволит сохранить требуемый уровень контроля над направляемыми ПУБА обращениями и обеспечить необходимый уровень оперативности производимых процессуальных действий.

Подводя итог, отметим, что особенности организации взаимодействия следственных подразделений МВД России с ПУБА в рамках направления запроса оказывают существенное влияние на результативность рассматриваемого процессуального действия. Полагаем, система LERS может быть использована для обеспечения эффективного взаимодействия следственных подразделений МВД России и ПУБА, а закрепление в законодательстве возможности направления обращения посредством LERS в отношении иностранных юридических лиц вне запроса о правовой помощи окажет положительное влияние на процесс расследования легализации преступных доходов при помощи информационно-телекоммуникационных технологий.

1. Науменко О. А., Бутяева Н. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2 (56). С. 47—50.

2. Судницын А. Б. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 213—221.

3. Тисен О. Н. Отслеживание транзакций криптовалют для расследования преступлений // Уголовный процесс. 2024. № 2 (230). С. 54—59.

4. Клевцов К. К. Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере LocalBitcoins) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 139—145.

1. Naumenko O. A., Butyayeva N. A. Cryptocurrency as an object and an instrument of crime committing. Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA, 47—50, 2022. (In Russ.).

2. Sudnitsyn A. B. Some opportunities for obtaining and using data on crypto-currency operations, while investigating and solving crimes. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 213—221, 2019. (In Russ.).

3. Tiesen O. N. Tracking cryptocurrency transactions for crime investigation. Criminal Procedure, 54—59, 2024. (In Russ.).

4. Klevtsov K. K. Features of interaction between law enforcement agencies and foreign providers of virtual currency services (by the example of LocalBitcoins). Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 139—145, 2023. (In Russ.).

Халин Владислав Дмитриевич,

адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России;
honjo33@gmail.com

Khalin Vladislav Dmitriyevich,

associate adjunct
at the department of criminalistics
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia;
honjo33@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ» /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU (www.elibrary.ru), «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), в системе «Гарант» (www.garant.ru), электронно-библиотечной системе Znanium (www.znanium.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи должны быть подготовлены в редакторе Microsoft Word в формате A4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм. Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц. Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте. Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо направить на сайт: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view>;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Сайт: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view>

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают его основное содержание. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
_____ *фамилия, имя, отчество полностью*
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.

2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.

3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).

4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).

5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20 ____

подпись

фамилия, инициалы³

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.